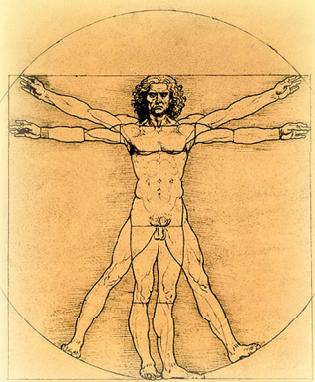

Учёные записки

ISSN 2076-4359

№VIII (56)
2021

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.
Редакция не возвращает рукописи авторам.

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых периодических изданий ВАК РФ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Ученые записки Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КнАГТУ», находящейся на сайте <http://www.knastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27

Телефон для справок: +7 (4217) 24-13-48

Адрес редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, д. 50, ауд.508

Телефон для справок:

+7 (4217) 24-13-48

Индекс журнала

в каталоге Роспечать: 66090.

Цена свободная.

© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КнАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель:
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:

Алексей Иванович Евстигнеев,
д-р техн. наук, проф.

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике»:

Сергей Николаевич Иванов,
д-р техн. наук, доц.

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:

Галина Алексеевна Шушарина,
канд. филол. наук, доц.

Технический редактор:

Татьяна Николаевна Карпова

Дизайн и верстка:

Оксана Вадимовна Приходченко,
канд. техн. наук

Менеджер информационных ресурсов:

Иван Константинович Андрианов,
канд. техн. наук

Серия: «Науки о природе и технике»

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (**Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф.);
2. Энергетика (**Вячеслав Алексеевич Соловьев**, д-р техн. наук, проф.);
3. Управление, вычислительная техника и информатика (**Вячеслав Алексеевич Соловьев**, д-р техн. наук, проф., **Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф., **Сергей Николаевич Иванов**, д-р техн. наук, доц., **Николай Алексеевич Тарануха**, д-р техн. наук, проф., **Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
4. Математика и механика (**Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
5. Машиностроение (**Михаил Юрьевич Сарилов**, д-р техн. наук, доц., **Борис Николаевич Марьин**, д-р техн. наук, проф., **Борис Яковлевич Мокрицкий**, д-р техн. наук, доц., **Сергей Иванович Феоктистов**, д-р техн. наук, проф., **Анатолий Александрович Буренин**, д-р физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН);
6. Металлургия и металловедение (**Владимир Алексеевич Ким**, д-р техн. наук, проф., **Олег Викторович Башков**, д-р техн. наук, доц.);
7. Флот и кораблестроение (**Николай Алексеевич Тарануха**, д-р техн. наук, проф., **Виктор Михалович Козин**, д-р техн. наук, проф.);
8. Науки о земле и безопасности жизнедеятельности человека (**Ирина Павловна Степанова**, д-р техн. наук, проф.);
9. Строительство и архитектура (**Николай Петрович Крадин**, д-р архитектуры, проф., член-корреспондент РААСН, **Олег Евгеньевич Сысоев**, д-р техн. наук, доц.).

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Отделы:

1. Философия, социология и культурология (**Татьяна Алексеевна Чабанюк**, д-р культурологии, проф., **Виктория Юрьевна Прокофьева**, д-р филол. наук, проф., **Вера Ивановна Юдина**, д-р культурологии, доц., **Надежда Юрьевна Костюрина**, д-р культурологии, доц., **Илья Игоревич Докучаев**, д-р филос. наук, проф., **Александр Георгиевич Никитин**, д-р филос. наук, проф.);
2. Филология и искусствознание (**Олег Александрович Бузуев**, д-р филос. наук, проф.);
3. Психология и педагогика (**Татьяна Евгеньевна Наливайко**, д-р пед. наук, проф.);
4. Политология и право (**Владимир Александрович Смоляков**, д-р полит. наук);
5. История (**Жанна Валерьевна Петрунина**, д-р ист. наук, проф.);
6. Экономика (**Геннадий Иванович Усанов**, д-р экон. наук, проф., **Елена Витальевна Кизиль**, д-р экон. наук, доц.).

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

СЕРИЯ: «НАУКИ О ПРИРОДЕ И ТЕХНИКЕ»

АВИАЦИОННАЯ И РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ШПОРТ, доктор технических наук

ЦУЙ СЮЙ, профессор Шенъянского аэрокосмического университета (КНР)

ЭНЕРГЕТИКА

АЛЕКСАНДР ЛООС, доктор философии, профессор Академии Грюндига в Нюрнберге (Германия)

ИШТВАН ВАЙДА, доктор технических наук, профессор, директор Института автоматики Будапештского университета технологии и экономики (Венгрия)

ШАНДОР ХАЛАС, доктор технических наук, профессор Будапештского университета технологии и экономики (Венгрия)

УПРАВЛЕНИЕ, ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И ИНФОРМАТИКА

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КУЛЬЧИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, директор Института автоматики и процессов управления ДВО РАН

ТАКАО ИТО, доктор технических наук, профессор факультета бизнес-управления Университета Мицумизи (Япония)

МАТЕМАТИКА И МЕХАНИКА

НИКИТА ФЁДОРОВИЧ МОРОЗОВ, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теории упругости Санкт-Петербургского государственного университета

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕВИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом математического моделирования, механики и мониторинга природных процессов Института автоматики и процессов управления ДВО РАН

БОРИС ДМИТРИЕВИЧ АННИН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий отделом механики деформируемого твёрдого тела Института гидродинамики им. М. А. Лаврентьева СО РАН

МАШИНОСТРОЕНИЕ

ЭДУАРД СТЕПАНОВИЧ ГОРКУНОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института машиноведения УрО РАН

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ХОЛЬКИН, академик РАН, доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник Института общей и неорганической химии им. Н. С. Курнакова

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ, доктор технических наук, профессор, ректор Московского государственного технологического университета «Станкин»

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛОВЕДЕНИЕ

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАБЛОВ, академик РАН, доктор технических наук, профессор, директор Всероссийского института авиационных материалов

КОНСТАНТИН ВСЕВОЛОДОВИЧ ГРИГОРОВИЧ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, заведующий лабораторией диагностики материалов Института металлургии и материаловедения им. А. А. Байкова РАН

ФЛОТ И КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

ЛЕОНИД АНАТОЛЬЕВИЧ НАУМОВ, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем морских технологий ДВО РАН

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНEDЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ КИСЕЛЕВ, академик РАСХН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Дальневосточного ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательского института сельского хозяйства РАСХН

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

ШИ ТИЕМАО, доктор философии, профессор, проректор Шенъянского архитектурно-строительного университета (КНР)

СЕРИЯ: «НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ»

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ДАВИД ИЗРАИЛЕВИЧ ДУБРОВСКИЙ, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН

КИРИЛЛ ЭМИЛЬЕВИЧ РАЗЛОГОВ, доктор искусствоведения, профессор, президент АНО «Новый институт культурологии»

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ТЕР-МИНАСОВА, доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета

ВАН ЦЗИНЬЛИН, доктор философии, профессор, директор Института международного образования Чанчуньского университета (КНР)

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

ЕКАТЕРИНА ИОСИФОВНА АРТАМОНОВА, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики высшей школы Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПРАВО

НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МЕРЕЦКИЙ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения

ИСТОРИЯ

АЛЕКСАНДР МАНУЭЛЬЕВИЧ РОДРИГЕС-ФЕРНАНДЕС, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина

ЭКОНОМИКА

АЛЕКСАНДР ЕВСТРАТЬЕВИЧ ЗУБАРЕВ, доктор экономических наук, профессор, первый проректор по стратегическому развитию и международному сотрудничеству Тихоокеанского государственного университета

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ
PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND CULTURAL STUDIES

Ковальчук М. А., Самсонова Е. М., Ковальчук А. М.
M. A. Kovalchuk, E. M. Samsonova, A. M. Kovalchuk

ГРАФИКА Л. Н. ОРЛОВА КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЛИГРАФИИ

THE GRAPHICS OF L. N. ORLOV AS A UNIQUE PHENOMENON OF RUSSIAN EMIGRANT POLYGRAPHY

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. +7(914)548-22-12. E-mail: ma_kov@bk.ru.

Mikhail A. Kovalchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Theory and History of State and Law Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. +7(914)548-22-12. E-mail: ma_kov@bk.ru.

Самсонова Евгения Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, директор института архитектуры и дизайна Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); тел. +7(914)159-48-88. E-mail: 003804@pnu.edu.ru.

Eugenia M. Samsonova – PhD in Sociology, Associate Professor, Director of the Institute of Architecture and Design, Pacific National University (Russia, Khabarovsk); tel. +7(914)159-48-88. E-mail: 003804@pnu.edu.ru.

Ковальчук Антон Михайлович – кандидат культурологии, специалист экспозиционно выставочного отдела Дальневосточного художественного музея (Россия, Хабаровск); тел. +7(914)547-22-12. E-mail: mnbr88@mail.ru.

Anton M. Kovalchuk – PhD in Culture Sciences, Specialist of the Exposition and Exhibition Department, Far Eastern Art Museum (Russia, Khabarovsk); tel. +7(914)547-22-12. E-mail: mnbr88@mail.ru.

Аннотация. В статье дана характеристика творчества русского художника Л. Н. Орлова в период его эмиграции в Китае, на территории г. Харбина. Главным образом анализируются графические произведения рекламного характера, напечатанные в харбинских газетах «Рупор» и «Заря» с 1925 по 1931 год. Одновременно Л. Н. Орлов был талантливым карикатуристом, художником-дизайнером. Эта линия творчества малоизвестного художника прослеживается в оформлении заголовков и заставок в тех же харбинских газетах. Всего авторами обнаружено около 60 произведений художника, большинство из которых имеют авторскую подпись, подтверждая правомерность атрибуции. Часть из них включены в статью в качестве иллюстрации творчества художника.

Summary. The article describes the characteristics of the work of the Russian artist L.N. Orlov during his emigrant activity in China, on the territory of Harbin. Graphic works of an advertising nature, published in the Harbin newspapers «Rupor» and «Zarya» in the range from 1925 to 1931 are mainly analyzed. At the same time L.N. Orlov was a talented cartoonist and artist-designer. This line of creativity of a little-known artist can be traced in the design of headlines in the same Harbin newspapers. In total, the authors discovered about 60 works of the artist, most of which have the author's signature, confirming the legitimacy of the attribution. Some of them are included in the article as an illustration of the artist's work.

Ключевые слова: Л. Н. Орлов, эмигрантские газеты Харбина, реклама, заголовки газет, заставки тематических страниц, карикатуры, шаржи, художники, художественный стиль.

Key words: Orlov L., emigrant newspapers of Harbin, headlines, advertisements, screensavers of thematic pages, caricatures, cartoons, artists, artistic style.

УДК 7.036(510)«1925/1931»

Введение. Культура русского зарубежья привлекает пристальное внимание отечественных исследователей различных направлений. Особый интерес представляет культура первой волны эмиграции, когда несколько миллионов наших соотечественников после трагических событий ре-

волюции и гражданской войны оказались за рубежом [1; 3; 15]. Не обделены вниманием и художники-эмигранты, в том числе оказавшиеся в Китае и сосредоточившиеся главным образом в Харбине и Шанхае. Наиболее полные сведения о них даёт в своей книге Н. П. Крадин. В ней опубликовано порядка 442 биографий дальневосточных художников, творчество которых пришлось на первую половину XX в., из которых более 126 художники-эмигранты [15]. Это, пожалуй, наиболее полное исследование в интересующей нас области. Однако фамилии Орлова мы в нём не найдём. Нет его фамилии и среди эмигрантских художников-карикатуристов в специальной статье А. А. Хисамутдинова, посвящённой сатире и юмору в Китае [28].

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) является наиболее полным архивохранилищем личных дел русских эмигрантов в Маньчжурии. Они укомплектованы в фонде 830 (фонд Бюро русских эмигрантов в Маньчжурии) ГАХК. Но и в нём мы не обнаружили ни одного личного дела, относящегося к искомому нами персонажу. А между тем Л. Н. Орлов, в отличие от большинства других его коллег,ставил подписи на своих произведениях. Они были напечатаны в крупнейших русских эмигрантских газетах «Заря» и «Рупор». Об этом мы и поведали читателям в своей монографии [14]. В книге были помещены несколько репродукций художественных произведений Л. Н. Орлова, наглядно иллюстрирующих его творчество [14, 176-178, 182-184, 191]. К моменту сдачи рукописи монографии в печать авторами было выявлено всего около трёх десятков его произведений, в настоящее время их более 50. Из вышенаписанного следует, что мы можем характеризовать творчество Л. Н. Орлова, опираясь только на его произведения и те скучные сведения, которые просочились о нём в эмигрантской печати.

Восточная ветвь русской эмиграции. Важно отметить, что, в отличие от западной ветви русской эмиграции первой волны, восточная ветвь была беднее персонажами, широко известными в культуре царской России. Это относится ко всем представителям искусства, в том числе и к художникам. В то же время следует учитывать, какой художественный жанр «кормил» Л. Н. Орлова. Исследователи, изучающие культуру русской эмиграции первой волны, упоминают о творчестве всего нескольких художников-графиков. Ещё меньше мастеров карикатурного жанра [25].

Обладая даром карикатуриста, Л. Н. Орлов «нашёл себя» в качестве художника рекламы. Этому обстоятельству способствовало несколько факторов. Самый важный фактор – условия проживания русских эмигрантов на Северо-Востоке Китая, отличающиеся от условий для таких же эмигрантов, бывших соотечественников, в других странах. Здесь ещё до 1917 года русскими была построена Китайско-Восточная железная дорога, ставшая стержнем экономического развития всего региона, включая собственно российскую территорию Дальнего Востока. Русская колония сложилась здесь в начале XX в., до того как в этом направлении хлынул поток эмигрантов. В Харбине и в «полосе отчуждения» вели свои дела крупнейшие русские фирмы. Среди них выделялся Торговый Дом «И. Я. Чурин и Ко». Тогда же в верховье р. Барги, на границе с русским Забайкальем, возник новый сельскохозяйственный район, осваиваемый русскими крестьянами и казаками. После гражданской войны он пополнился беженцами из соседних районов России. Вместе с общим потоком эмиграции в Харбине оказалось большое число интеллигентии. Это позволило развернуть здесь издательское дело, выпуск газет, а также завершить создание полноценной системы русскоязычного образования, создав в Маньчжурии не только сеть начальных и средних учебных заведений, но и вузов. В целом, если жизненный уровень русских эмигрантов в Европе был ниже, чем у граждан страны проживания, то в Китае, наоборот, выше. Русские здесь были желанными потребителями товаров, которые отчасти и производили русские фирмы. В условиях эмиграции полиграфия посредством графики удовлетворяла двум условиям успешной коммуникации. Первое – отправитель и получатель должны были владеть кодом сообщения, то есть соотносить знаки с определёнными образами предметов. Второе – они должны были быть в едином контексте, т. е. иметь общую практику прочтения кода [18, 59]. Отсюда потребность в соответствующих художниках, тонко чувствующих запросы русского потребителя и умеющих воплотить их в печатной продукции.

Рекламная графика. Здесь, в Харбине, и возникло такое уникальное явление, которое мы назвали «русским эмигрантским рекламным стилем» [14, 76]. Большая заслуга в его появлении принадлежит Л. Н. Орлову, которому, по нашим подсчётам, принадлежит не менее трети всех ре-

кламных произведений, созданных в этом стиле. При этом сразу оговоримся, что мы рассматриваем только те образцы рекламы, которые представляют художественную ценность, доставляют определённое эстетическое наслаждение, если можно так сказать.

Впервые произведения, выполненные в этом стиле, появились в 1924 году на странице газеты «Копейка». Однако это были единичные образцы. С 1925 года такая креативная реклама становится наиболее популярной на страницах харбинских газет «Копейка», «Рупор», «Заря». Этим же годом мы датируем появление графических рекламных произведений, выполненных самим Л. Н. Орловым (см. рис. 1). Указанный нами образец не подписан автором, но по стилистике он, несомненно, принадлежит Л. Н. Орлову. Интересно, но этот же сюжет, как реминисценция картины В. Г. Перова «Охотники на привале» повторяется у автора и через два года [21].

Рис. 1. Реклама папирос ТД «И. Я. Чурина и Ко». Заря. 1925 г. 25 июля

Когда мы говорим о стиле, то мы, вслед В. Г. Власовым, имеем в виду те его признаки, что позволяют идентифицировать и автора, и место, и время создания художественного произведения [4]. Какими же чертами обладал русский эмигрантский рекламный стиль, выделяющий его из моря газетной рекламы? Прежде всего это то, что все рекламные образцы выполнены в графической технике, как правило, в чёрно-белом исполнении. Отсюда преобладание линии и штриха над пятном и цветом. Вторая отличительная черта – некий шутливый тон, основанный на определённом парадоксе. Ироничность его персонажей строится на тонком сочетании: прямом и переносном значении, на принципах метафоры. У зрителя, обратившего свой взгляд на эту рекламу, не возникало отрицательных ассоциаций. В противоположность карикатурам и шаржам, опубликованным в эмигрантских изданиях Европы, которые вызывают горькую усмешку или смех сквозь слёзы. Характеризуя указанный стиль, следует отметить, что он создавался русскими людьми и имел определённый культурный код. Однако «русскость» этой рекламы не носит нарочитый характер (то, что принято было называть «квасным патриотизмом»). Реклама апеллирует, как правило, на ассоциативном уровне к произведениям русской классики, будь это русская литература или русская живопись. Одновременно она отражает злободневные проблемы современной эмигрантской действительности, но опять же в шутливом тоне. В этом плане русская реклама в Харбине по стилю и содержанию отличалась и от дореволюционной, и от современной ей советской рекламы. Таким образом, это третья отличительная черта «русского эмигрантского рекламного стиля» – превалирование изображения над текстом. Надпись под изображением, как правило, краткая и лаконичная. Описывая вышеизложенные черты русского эмигрантского рекламного стиля, следует иметь в виду, что это не статическое явление. Оно возникло, развивалось и сошло с культурной повестки эмиграции в начале 1930-х годов, т.е. в короткий период времени. Круг художников, творивших свои произведения в этом стиле, был небольшим. Всё это требует специального исследования. Здесь мы ограничиваемся лишь творчеством одного Л. Н. Орлова.

Первое подписанное им произведение выходит в свет только в 1926 г. Касательно подписи отметим, что её ставили под своими произведениями немногие эмигрантские художники и не на многих произведениях. В этом плане Л. Н. Орлов уникален. На страницах газет «Рубеж», «Копейка», «Заря» удалось обнаружить около шести десятков работ, подписанных им. Больше чем у всех остальных художников-рекламистов вместе взятых. Это могла быть полная подпись, могла быть короткая, и, наконец, монограмма в виде двух букв «О» и «Р», причём «Р» вписывалась в круг первой. Всё это, на наш взгляд, свидетельствует о высокой степени самооценки художником своего творчества.

Сюжет первой подписанной Л. Н. Орловым рекламы (см. рис. 2) прост и одновременно фантастичен. Из пачки папирос «вываливается» тигр, которому заядлый курящий куряка очень рад. Здесь возникает сразу две ассоциации на изображение тигра. С одной стороны, животное стало своеобразным брендом знаменитой русской торговой фирмы «И. Я. Чурик и Ко», наладившей выпуск разнообразного ассортимента папирос. С другой стороны, тигр – главный «герой» популярного эмигрантского писателя-натуралиста, художника Н. А. Байкова.

В 1926 г. Л. Н. Орловым было создано более десятка рекламных произведений на различные сюжеты. Он тесно работает по заказам фирмы «И. Я. Чурик и Ко», рекламируя новые сорта папирос и чая. Это товары широкого спроса, поэтому художник апеллирует прежде всего к средним слоям эмиграции. Обычно каждый оригинальный образец рекламы помещался сразу в двух самых популярных в маньчжурской эмиграции газетах «Заря» и «Рупор». При этом один образец мог печататься почти в каждом номере и даже повторно несколько лет подряд, что говорит об успешности этой рекламы.

Не все образцы орловской рекламы обладают полным набором отмеченных выше признаков, но рука мастера угадывается в каждом из них. В то же время художник не был скован какими-то определёнными творческими установками. В частности, он мог изменить излюбленной технике исполнения и отдать предпочтение не линии и штриховке, а тени и пятну и таким образом выделить изображение людей на рекламе [6]. В другой раз он, наоборот, вопреки принятому им стилю, демонстрирует в рекламном изображении нарочитую «русскость» (см. рис. 3). Но в том и в другом образцах рекламы художником достигается поставленная им цель: в первом случае мы видим демонстрацию деловитости и эмансипации отношений между мужчиной и женщиной, а во втором – солидности фирмы, товар которой рекламируется.

В 1927 г. к художнику пришла определённая известность. Его реклама папирос «АИ» помещена в первых новогодних номерах газеты «Рупор» и «Заря». Этот год стал для Л. Н. Орлова своеобразной вершиной его рекламного творчества. Было создано два десятка оригинальных образцов рекламы, напечатанных в отмеченных нами эмигрантских газетах. В своей рекламе художник отображает повседневные реалии эмигрантской жизни и откликается на важнейшие события в жизни Харбина [23]. Его герои серьёзны и романтичны [9] или самовлюблены [8], а иногда ведут себя и парадоксально [10]. Но чаще всего художник насмешлив, хотя юмор его и безобиден [5]. Диапазон метафор и ассоциаций хронологически необъятен. Автор обращается и к античным сюжетам [20], и к стихотворному творчеству советских поэтов. Так, в последней рекламе, как и в стихотворении С. Я. Маршака «Багаж», есть и дама, и все сдаваемые ею вещи в багаж, включая «...маленьку собачонку» (см. рис. 4).

Газетные тематические заставки. В 1928 г. рекламное творчество Л. Н. Орлова идёт на спад. За указанный год нами было обнаружено менее десятка оригинальных рекламных экземпля-

Такому тигру охотникъ всегда радъ.

Рис. 2. Реклама папирос «Тигр»

ТД «И. Я. Чурик и Ко». Заря.

1926 г. 19 февраля

ров, подсанных им. Его творческая активность проявилась в других направлениях. Ещё в 1926 г. им был художественно оформлен заголовок пасхального номера газеты «Заря» [7]. Однако никакого автографа, позволявшего установить авторство Л. Н. Орлова, на этом произведении не было. Тем не менее оформление заголовка было столь удачным, что оно было воспроизведено в указанной газете в двух последующих 1927 и 1928 годах. И только в 1928 году в пасхальном номере «Рупора» Л. Н. Орлов сделал прорисовку харбинского Свято-Никольского собора и поставил свою монограмму, что позволило установить авторство более ранних произведений [24].

Позабыл купить «Ксанти»....

Рис. 3. Реклама чая ТД «И. Я. Чурин и Ко». Рис. 4. Реклама папирос ТД «И. Я. Чурин и Ко». Рупор. 1926 г. 23 ноября

В 1928 году он возобновил свои штудии по оформлению заголовков праздничных номеров газеты «Рупор», в частности оформил заголовок первого новогоднего номера газеты.

В этом же году художник проявил свой талант и как оформитель тематических страниц в эмигрантских газетах. Так, были оформлены титульные заставки тематических рубрик газеты «Заря», освещавших железнодорожную жизнь [11] и автомобилизм в Северной Маньчжурии [12].

Однако более тесные творческие связи были у художника с газетой «Рупор». Наибольшего внимания заслуживает заставка, сделанная Л. Н. Орловым для тематической страницы «Рупора», адресованной юным читателям этой газеты. Мысль об издании специального тематического листка в газете для юного поколения русских эмигрантов пришла к его редактору Е. Кауфману ещё в 1927 году. Предполагалось, что чтение добротной русской художественной литературы или мировой классики в хорошем переводе на русский язык позволит сохранить подрастающую смену в духе русской культуры. Тогда же редакция газеты и начала выпускать тематическую страницу под разными названиями [2]. Л. Н. Орлов оформил заставку, озаглавленную «Юный читатель Рупора», и поставил на ней свою полную подпись (см. рис. 5).

Рис. 5. Заставка к тематической странице «Юный читатель Рупора». Рупор. 1929. 7 января

Исследователи отмечают широту замыслов редакции газеты, её гуманистическую направленность, педагогическое мастерство, настойчивость и последовательность в достижении поставленной цели. Согласимся с коллегами-исследователями, что здесь мы имеем дело с высоким уровнем журналистики. Однако Е. С. Бабкина ни словом не обмолвилась о том, что редакционная программа визуально была «продекларирована» Л. Н. Орловым.

В частности, само чтение предстаёт подобно маяку, освещающему путь к родным берегам. Заставка страницы разделена на две части. Одна сторона для мальчиков, другая – для девочек. Изображённые на них персонажи задают юношеству тон, пронизанный жаждой к знаниям, приключениями, юношеской романтикой, задором и здоровьем. В изобразительном ряде заставки нет и намёка на политику. Проект Е. Кауфмана для детей и юношества имел сугубо культурную повестку. Это, на наш взгляд, совпадало с взглядами самого Л. Н. Орлова.

Шаржи и карикатуры. В 1920-х – 1930-х годах в эмигрантской печати большой популярностью пользовались шаржи и карикатуры. Законодателем в этом жанре был журнал «Иллюстрированная Россия», издававшийся в Париже. Тон задавал М. А. Дризо, публиковавший свои карикатуры во многих эмигрантских изданиях, в том числе и популярных в Китае. Желчные, едкие карикатуры, переполненные злобой и непримиримым антисоветизмом и антибольшевизмом. Они были популярны, но мешали русским эмигрантам адекватно воспринимать проходившие в СССР процессы, в том числе и экономические достижения, позволившие выстоять в тяжёлых испытаниях первой половины 1940-х годов [25].

Определённые успехи в жанре карикатуры и шаржа были и у Л. Н. Орлова, но объекты его насмешек не политики, а харбинские предприниматели Я. Р. Кабалкин и И. Х. Соскин. В марте 1928 года шарж на эти персонажи принёс ему победу на конкурсе и небольшую премию в 25 долларов. Другой раз, но уже вне рамок какого-либо конкурса, он изобразил своего приятеля, любителя-автомобилиста, некоего Гошу. Вполне безобидно и по-дружески [23].

Интересно сличить шаржи, нарисованные Л. Н. Орловым и В. Л. Загибаловой на одно и тоже лицо – Н. Л. Гондатти – последнего царского генерал-губернатора Приамурского края (см. рис. 6 и 7). Здесь видно принципиальное отличие подхода этих художников к своему «герою». Л. В. Орлов идёт от натуры и изображает Н. Л. Гондатти таким, каким он его видит, каким он есть в настоящем. Его оппонент отталкивается от своих представлений о данном лице, перенося их на натуру. Хорошие графические навыки художницы делают шарж более эффектным, но менее человечным. Редакция отдало предпочтение В. Л. Загибаловой, которая и стала штатным художником газеты «Рупор». Л. В. Орлов в 1928 году активно сотрудничал с этим изданием, но в её штат не вошёл.

Рис. 6. Шарж на Н. Л. Гондатти Л. Н. Орлова.
Рупор. 1928 г. 22 апреля

Рис. 7. Шарж на Н. Л. Гондатти
В. Л. Загибаловой. Рупор. 1928 г. 22 апреля

Заключение. Подведём некоторые итоги и постараемся охарактеризовать личность самого Л. Н. Орлова. Это был весьма талантливый художник, имеющий, на наш взгляд, классическое образование. Не исключено, что он имел и специальное художественное образование. Уровень его художественного мастерства, диапазон творческих возможностей были намного шире, чем у той же В. Л. Загибаловой, которая хоть и стала маститым карикатуристом, но была всё-таки художником-самоучкой. Орлов знал не только художественную и литературную классику, но и внимательно следил за советскими новинками. Безусловно, он был антисоветски настроен, иначе бы не попал в эмиграцию, но придерживался умеренных взглядов. Вполне возможно, что он был религиозен, но не фанатичен, т.к., изображая православный храм, одновременно терпимо относился к эмансипации женщин. Прогресс и традиционализм вполне уживались в его творчестве, которое свидетельствует о некоем такте и в отношении к женщинам и к детям. Он стремился избегать политизации своих произведений. Его талант со всем блеском проявился в 1920-х годах в Харбине. Однако прибыл он сюда с волной русских беженцев с западных регионов России. По крайней мере, мы ничего не знаем о нём как о дальневосточном художнике. Это был художник, который мог бы найти достойное место в творческой среде художников-дальневосточников предреволюционного и революционного времени, но о нём нет никаких упоминаний [13].

Графика Л. Н. Орлова уникальна точно подмеченными ассоциациями, тонко переданными визуальными метафорами или прямыми знаками. Неповторимый стиль в жанре рекламы, иллюстрации и шаржа задавал тон, эстетически доминировал на страницах популярнейших эмигрантских газет «Заря», «Рупор» в 1926 – 1928 годах. Без сомнения, автор около шестидесяти оригинальных графических произведений, отразивших повседневную жизнь эмиграции, внёс весомый вклад в её адаптацию к инокультурной среде и одновременно в сохранение русского культурного кода нашими соотечественниками за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аурилене, Е. Е. Российская диаспора в Китае. 1920 – 1950-е гг.: монография / Е. Е. Аурилене. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 269 с.
2. Бабкина, Е. С. «Мы нужны Харбинскому юношеству, мы на верном пути...» (Из неопубликованного наследия отечественной журналистики) / Е. С. Бабкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2017. – Т. 14. – Вып. 1. Язык и литература. – С. 125-134.
3. Бузуев, О. А. Общественно-культурная жизнь Дальневосточного зарубежья в современных исследованиях / О. А. Бузуев // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № II-2 (34). – С. 55-60.
4. Власов, В. Г. Стили в искусстве / В. Г. Власов. – СПб.: Кольна, 1995. – 288 с.
5. Заря. 1927. 10 марта.
6. Заря. 1926. 5 августа.
7. Заря. 1926. 7 мая.
8. Заря. 1927. 17 июля, 6 и 10 июня.
9. Заря. 1927. 26 июля.
10. Заря. 1927. 9 февраля.
11. Заря. 1928. 13 февраля.
12. Заря. 1928. 16 февраля.
13. Кандыба, В. И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока. 1858–1938 / В. И. Кандыба. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1985. – 175 с.
14. Ковальчук, А. М. Реклама русского зарубежья в Китае (1917 – 1939) – фактор сохранения и развития русской культуры в цивилизационном дискурсе «Запад – Восток»: монография / А. М. Ковальчук, М. А. Ковальчук. – Хабаровск: ДВГУПС, 2016. – 194 с.
15. Крадин, Н. П. Художники Дальнего Востока (XIX – середина XX вв.). Биографический иллюстрированный словарь / Н. П. Крадин. – Хабаровск: Издательство «РИОТИП», 2009. – 176 с.
16. Крадин, Н. П. Харбин – русская Атлантида / Н. П. Крадин. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. – 368 с.
17. Кузнецова, Т. В. Русская книга в Китае (1917–1949) / Т. В. Кузнецова. – Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. – 256 с.

18. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
19. Райан, Н. В. Россия – Харбин – Австралия. Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, проживающей в XX в. вне России / Н. В. Райан. – М.: Русский путь, 2005. – 208 с.
20. Рупор. 1927. 14 июля.
21. Рупор. 1927. 29 ноября.
22. Рупор. 1927. 7 января.
23. Рупор. 1928. 1 марта.
24. Рупор. 1928. 15 апреля.
25. Сатира и юмор русской эмиграции / сост. С. А. Александров. – М.: АИРО-XX, 1998. – 336 с.
26. Северюхин, Д. Я. Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь / Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. – 589 с.
27. Фефилов, П. Л. Два века художников Дальнего Востока (XVIII – начала XX вв.) / П. Л. Фефилов // История и культура Приамурья. – 2011. – № 2 (10). – С. 75-86.
28. Хисамутдинов, А. А. Русский юмор и сатира в Китае / А. А. Хисамутдинов // Вестник славянских культур. – 2016. – Т. 42. – С. 7-20.

Крыжановская Я. С.
I. S. Kryzhanovskaya

МУЗЕЙ И РЕЛИГИЯ: О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

MUSEUM AND RELIGION: ON SOME CULTURAL ASPECTS OF INTERACTION

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowskaia.yana2012@yandex.ru.

Kryzhanovskaya Yana Stanislavovna – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowskaia.yana2012@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимоотношений религии и музея как относительно молодого института культуры, возникшего на волне идей Просвещения. Автор акцентирует внимание на амбивалентности музея, ориентированного на демонстрацию научного мировоззрения и преодоление религиозных предрассудков, но при этом сохраняющего историко-генетическую связь с протомузейными «священными» собраниями начиная с палеолитических медвежьих пещер. В условиях возрастающего присутствия религиозной тематики в современных музеях (в том числе региональных краеведческих) рассматриваются особенности презентации сакральных предметов не только как объектов этнографического, исторического или художественного исследования (в зависимости от профиля музея), но во всём многообразии значений, с ними связанных. На примере музеев юга Дальнего Востока показана важность сотрудничества с представителями этнических групп в решении этических вопросов, возникающих в связи с экспонированием сакральных предметов, являющихся частью традиционной культуры коренных народов.

Summary. The article examines some aspects of the relationship between religion and the museum as a relatively young cultural institution that emerged on the wave of Enlightenment ideas. The author focuses on the ambivalence of the museum, which is oriented at demonstrating a scientific worldview and overcoming religious prejudices, while preserving the historical and genetic connection with proto-museum «sacred» collections, starting with the Paleolithic bear caves. In the context of the increasing presence of religious themes in modern museums (including regional local history museums), the features of the presentation of sacred objects are considered – not only as objects of ethnographic, historical or artistic research (depending on the profile of the museum), but in all the variety of meanings associated with them. Using the example of museums in the south of the Far East, the importance of the museum's cooperation with representatives of ethnic groups in solving ethical issues arising in connection with the exhibition of sacred objects that are part of the traditional culture of indigenous peoples is shown.

Ключевые слова: коренные этносы юга Дальнего Востока, музей, музеефикация, музейная этика, религия, сакральные предметы.

Key words: indigenous ethnic groups of the south of the Far East, museum, museumification, museum ethics, religion, sacred objects.

УДК 069.01

Религия в самом общем представлении – один из древнейших феноменов культуры, возможно, самый архаичный, если следовать логике английского антрополога Д. Фрэзера, писавшего: «Вся культура – из храма, из культа» [4, 27].

На этом фоне музей – совсем молодой культурный институт, появившийся, согласно официальной версии, не ранее второй половины XVIII в. на волне идей Просвещения, в рамках которого религия рассматривалась не иначе как результат фанатизма, невежества и обмана. Музей изначально актуализировался в своей информационно-воспитательной функции, в том числе для самых широких масс. Наглядное подтверждение этому – карикатура О. Домье, на которой семья

французского пролетария в музее с интересом рассматривает египетский фриз с изображёнными зооантропоморфными мифологическими персонажами – богами с головами шакалов, соколов, кошек и т.д. После чего один из героев глубокомысленно резюмирует: «Да уж, египтяне выглядели не слишком привлекательно» [2, 209].

Музей как образовательное учреждение был нацелен в том числе на преодоление религиозных предрассудков как своего рода светская альтернатива храму. Идеология Просвещения, базировавшаяся на идее преобразования личности и общества посредством искусства и науки, сформировала концепцию музея как алтаря наук и искусств, тем самым предложив идею музея как своего рода светского храма. Как ни странно, в начале XXI в., в эпоху постmodерна, эта роль музея отчасти сохраняется: «Для современного человека, живущего в мире копий и симулякром, значение символов культуры как относительно твёрдых ориентиров среди всеобщей изменчивости ... возросло. Таким образом, музей как институт, представляющий оригиналы-подлинники, отвечает на духовный запрос дезориентированного субъекта» [12, 20].

Как следствие, сегодня при всей статусной разнице понятий «религия» и «музей» в культурологии в рамках дискурса, намеченного этими дефинициями, уже давно идёт дискуссия по широкому спектру вопросов – от обсуждения концепции «музея-храма» до этических вопросов, возникающих при музеефикации предметов культа самых разных религий.

Исторические предпосылки взаимодействия «музея» и «храма» складывались достаточно давно. С самых первых этапов своего существования люди испытывали потребность сохранять предметы, представляющие религиозную и магическую ценность. А одним из самых ранних образцов сообщения, составленного на «музейном» языке, можно считать палеолитические «медвежьи пещеры» – упорядоченные собрания медвежьих костей и черепов, которые складировались многими поколениями древних людей в разных регионах мира. «Отбор определённых частей скелета, образование из них композиций, их «экспонирование» в скальных нишах... представляет собой ... формирование «сообщения» с помощью предметов-фрагментов самого объекта, то есть «сообщения» на «музейном» языке» [10, 233].

Не случайно один из мотивов коллекционирования, по мнению австрийского писателя и музеолога А. Уиттлин, это мотив магический, сакральный, связанный с коллекционированием «святынь» [19, 29-36]. Да и само название «музей» происходит от «храма муз» или Мусейона – первоначально любого святилища муз.

Однако особое значение для музеиного мира тема священного приобрела в последние десятилетия, как с позиции представляемых объектов, так и с позиции самой сути учреждения и той иногда двусмысленной роли, которую последнее играет в этом отношении: музей можно обвинить как в сакрализации светских предметов, так и в осквернении священных предметов.

Согласно статистике, представленной на официальном сайте Министерства культуры РФ, в 2019 г. в нашей стране насчитывался 2861 музей [6]. Однако из специальных, посвящённых истории религии, можно назвать лишь Государственный музей истории религии (г. Санкт-Петербург). При этом тема, связанная с религиозными представлениями, неизбежно возникает практически в любом краеведческом музее, которых в нашей стране примерно 52 % от общего количества [13]. Она также актуальна для многих художественных музеев, в которых бережно хранятся коллекции икон и средневекового декоративно-прикладного искусства.

Традиционно основными концептуальными подходами к экспонированию предметов, связанных с религиозными представлениями, являлись либо эстетизация этих предметов (в художественных экспозициях, когда священные предметы из культовых превращались в художественные ценности), либо их историческое дистанцирование от посетителей музея (в исторических и этнографических экспозициях, когда такие предметы рассматривались как исторический артефакт или своеобразный «пережиток прошлого»).

Однако сегодня в связи с возросшим интересом к традиционным религиям, а также в связи с «этнокультурным Ренессансом» – двумя процессами, обусловленными глубокими социальными трансформациями в нашей стране, – отношение к сакральным предметам в музее меняется. Общественное внимание к истории, культуре и традициям этносов, населяющих территорию Российской

ской Федерации, всё чаще актуализирует сакральные смыслы предметов, связанных с этими традициями. Как следствие, неизбежно возникает вопрос о способах легитимной музеефикации и экспонирования «священных» предметов, т.е. атрибутов культа самых разных религий – от первобытных до мировых.

В теоретических дискуссиях о музеефикации таких предметов ведущая роль отводится музеиному пространству. Само понятие музеефикации, по формулировке Х. Вангефельт Стрем, «относится к процессу, когда что-то переносится из сферы, где оно было создано и функционировало, в музей» [18, 193-194]. Соответственно, музейное пространство, куда «священные» предметы переносятся из естественной среды бытования, способно полностью или частично «обнулить» уже существующие функции и значения, заменяя их другими: «Архитектурное и концептуальное пространство, в котором живут предметы, может радикально менять или определять их значение... Священные предметы в синагогах, храмах и церквях – это одно; они же в музеях и галереях искусства – совсем другое. Даже если «экзегетическое» значение предметов (то, что о них говорят) оставалось бы неизменным, их контекстуальное значение, их пространственное и концептуальное соотношение с другими символами неминуемо меняется» [8].

По мнению Ф. Мереса, Президента Международного комитета по музеологии Международного совета музеев (ИКОМ), в современной музейной практике «священное» предстает как объект этнографического, исторического или художественного исследования с позиции агностической или атеистической перспективы: любой другой тип опыта, отличный от того, который предлагается наукой или эстетикой, кажется несколько абсурдным [16, 17]. С этим солидарен и директор Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровский: «Одна из функций музеев – вынимать вещи из предыдущего контекста, называть их искусством и, уже независимо, сохранять» [1].

С точки зрения истории конкретной вещи музеефикация – всегда императивное вторжение в судьбу предмета, своего рода порабощение и нарушение естественного жизненного цикла, «жизнь после жизни». Особенно ярко это проявляется в отношении тех сакральных предметов, которые в контексте традиционной культуры предполагали однократное (оказиональное) использование. Примером может служить надмогильный домик «раф» у нивхов, который устанавливался на месте захоронения (см. рис. 1).

Рис. 1. Домик надмогильный.
Раф. Нивхи, 1-я половина
XX в.

Влияние экспозиционного пространства таково, что оно способно полностью менять идею выставляемого предмета и его понимание публикой – это наглядно показали эксперименты М. Дюшана ещё в начале XX в. При этом известны ситуации, когда «энергетика» экспонируемых сакральных предметов оказывается сильнее музейного контекста, и именно через них «священное» проникает в выставочные залы, вопреки задачам конкретного музея и концепции экспозиции. Например, в послереволюционный период в Центральном антирелигиозном музее (г. Москва) и некоторых других музеях,

В таких «домиках» хранилось изображение покойного и специальная ритуальная посуда для кормления этого «двойника». Будучи помещённым в музейной пространство (как, например, в экспозиции МБУ «Охинский краеведческий музей», г. Оха, о. Сахалин), этот ритуальный предмет перестаёт быть связанным с конкретным человеком, превращаясь в обобщающий предмет-символ нивхской культуры, и благодаря логике сохранения, фундаментальной для любого музея, значительно удлиняет свой жизненный цикл, пусть и в новом качестве. Руководствуясь той же стратегией сохранности, «музей предлагает своим посетителям только визуальный канал коммуникации с сакральными предметами, тогда как присутствующее в естественной среде тактильное, звуковое, обонятельное восприятие, интерактивное взаимодействие, столь важное во многих религиях, как правило, оказываются под запретом» [8].

Влияние экспозиционного пространства таково, что оно способно полностью менять идею выставляемого предмета и его понимание публикой – это наглядно показали эксперименты М. Дюшана ещё в начале XX в. При этом известны ситуации, когда «энергетика» экспонируемых сакральных предметов оказывается сильнее музейного контекста, и именно через них «священное» проникает в выставочные залы, вопреки задачам конкретного музея и концепции экспозиции. Например, в послереволюционный период в Центральном антирелигиозном музее (г. Москва) и некоторых других музеях,

представляющих – в духе времени – религию как пережиток прошлого, «фиксировались случаи, когда верующие крестились на иконы или прикладывались к мощам, что воспринималось как серьёзная помеха на пути десакрализации культового предмета и превращения его в музейный экспонат» [11]. С аналогичной практикой и сегодня периодически сталкиваются сотрудники Дальневосточного художественного музея (г. Хабаровск), экспонирующего иконы XV – начала XX вв., среди которых особый интерес вызывают иконы «Богоматерь Грузинская», «Богоматерь Знамение» и др. В Челябинском краеведческом музее, где в экспозиции, посвящённой религиозной жизни города до революции, представлен список Иверской иконы Божией Матери, 26 октября, в день празднования этой иконы, монахини Одигитриевского монастыря читают молитвы и приносят цветы [5]. Есть немало и других аналогичных примеров.

Такого рода бунт посетителей против нормативной категоризации, поведение, выходящее за рамки традиционного взаимодействия в музейной среде, безусловно, создают определённые проблемы для музейных сотрудников и посетителей [18, 195]. И некоторые музеи запрещают подобные акции в своих стенах, – как, например, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва (г. Москва) [7].

Приведённые факты наглядно показывают, что религия в музеях может быть представлена в разных контекстах, начиная с антропологии и этнологии и заканчивая историей религии и художественными коллекциями предметов религиозного культа. Сакральные предметы, сохраняемые в музейной экспозиции, должны, по возможности, раскрывать разные, заложенные в них традиционной культурой смыслы. «Способно ли музейное учреждение гарантировать как материальную сохранность объектов такого типа, так и передачу гетерогенной сети многочисленных значений, с ними связанных?» – спрашивает французский музеолог Ф. Фуше [14, 108]. Этот вопрос обобщает сомнения большинства авторов вокруг сложной роли учреждения, сталкивающегося с проблемами передачи знаний от цивилизаций и сообществ, находящихся под угрозой исчезновения или уже исчезнувших.

В контексте родной (для культового предмета) традиции такая актуализация множественных смыслов связана с привлечением шамана (священника), призванного сообществом и наделённого полномочиями воссоединять два мира (мирской и священный), который и должен с помощью ритуала подтвердить присутствие священного «здесь и сейчас». Музейная практика с этой точки зрения сильно отличается от практики, применяемой в местах отправления культа. Музейный сотрудник может подтвердить лишь «музейность» объекта, те его качества, важные для музея, которые обусловили отбор данного предмета в качестве музейного, его сохранение, научную обработку и экспонирование.

Предполагается, что и музейный сотрудник, и шаман (или священник) в данном случае способны актуализировать в сакральном предмете скрытые смыслы, тем самым признавая определённый уровень реальности за пределами мира, существующего «здесь и сейчас». Но, при общности подходов, задачи музея и религии, безусловно, разные, и «власть куратора прекращается там, где начинается священник или шаман, поскольку он может привнести священное или вступить в общение с трансцендентностью» [16, 18].

Именно поэтому экспонирование сакральных предметов, особенно если речь идёт о коренных народах, невозможно без сотрудничества с местными жителями, необходимого для интеграций знаний традиционной культуры в музейные знания. Результатом такого взаимодействия является не только пополнение музейного собрания, но и сохранение нематериальных аспектов культурного наследия, связанных с тем или иным предметом. Причём практика сотрудничества характерна не только для центральных музеев, но и, может быть, в большей степени для небольших краеведческих музеев нашего дальневосточного региона, где предметы, связанные с культурой коренных малочисленных народов, занимают важное место. В качестве примера подобного взаимодействия приведём Охинский краеведческий музей (г. Оха, о. Сахалин), который систематически проводит научные сборы в местах традиционного проживания коренных этносов о. Сахалина – это с. Некрасовка, п. Рыбное, п. Рыбновск, п. Москальво, Эхаби. Благодаря работе сотрудников

музея с представителями старшего поколения из числа нивхов был разработан сценарий районного праздника в национальном стиле «Кормление духа – хозяина моря».

Речь идёт о возрождении уникального нивхского обряда, дошедшего до нас из глубины веков, восстановленного благодаря работе сотрудников музея со старейшинами и проводимого в Охинском районе ежегодно. Этот обряд проводится перед началом летней путины под руководством и контролем представителей старшего поколения из числа коренных народов острова. Раньше праздник проходил в с. Некрасовке, но с 2018 г. был перенесён на морской берег вблизи г. Охи (городская черта) для того, чтобы дать возможность большему количеству людей познакомиться с уникальными культурами этносов Сахалина. В подготовке и проведении праздника музею отведена значимая роль – научное сопровождение и предоставление предметной среды из научно-вспомогательного фонда.

В современной музеологической литературе неоднократно отмечалось, что в рамках теории коммуникации традиционная миссия музея, связанная с коллекционированием и сохранением историко-культурного наследия, сегодня активно коррелируется с другой задачей. «Организация правильного контакта посетителя и культурного артефакта – это главная задача любого регионального музея...» [9, 60]. В данном случае можем говорить о том, что представленные в собрании Охинского музея предметы традиционной культуры выступают не только в качестве музейных знаков, носителей исключительно музейной идентичности, но в ходе проводимых обрядов, дополняясь элементами нематериального культурного наследия, не просто раскрываются более широко и всесторонне, но сохраняются – или их пытаются сохранить – как «живые», пусть и неодушевлённые персонажи традиционной культуры. Культовые предметы в музейном пространстве, подобно актёрам в спектакле, находятся в двух местах одновременно; они воспроизводятся на музейной сцене, но в то же время они священны для тех, кто склоняется перед ними в поклонении [17, 70].

Итог подобной амбивалентности музейной презентации «реальности» подведён популярным афоризмом британского музеолога К. Хадсона: «Чучело тигра в музее – это чучело тигра в музее, а не тигр» [15, 7]. Иными словами, религиозный предмет в музее – это прежде всего музейный предмет, а не священный объект. Его музеефикация никогда не позволит, подобно тиграм в других местах, восстановить тот же опыт, который можно испытать в рамках культа. Однако музей позволит сохранить этот предмет, научно исследовать и обнаружить в нём многие скрытые смыслы и значения, не очевидные в процессе исполнения обряда. Что, впрочем, не исключает того, что для части музейной аудитории этот предмет в музее будет оставаться в первую очередь «священным».

Из этого следует второй важный вопрос в рамках заявленного дискурса – вопрос об этике экспонирования сакральных предметов в музее. Политика музея направлена на то, чтобы сделать экспонируемые предметы доступными для максимального количества зрителей-посетителей независимо от их возраста, социального статуса и национальной идентичности. При этом если в одних традиционных культурах отсутствуют жёсткие ограничения на допуск к культовым предметам, то «в других случаях недифференцированное экспонирование вступает в противоречие с религиозными представлениями коренных народов» [8].

В культуре коренных малочисленных этносов юга Дальнего Востока существовала некоторая амбивалентность в отношении демонстрации вещей в обряде. С одной стороны, важным элементом некоторых обрядовых праздников являлась активная презентация декорированных орнаментом вещей (праздничных халатов, ковров и т.п.), специально вывешенных для обозрения, как это происходило во время медвежьего праздника, обряда «унди» и др. Причём подобная «выставка достижений» была предназначена не только для глаз реальных участников происходящего, но и прежде всего была обращена к духам, наглядно маркировала «пространство праздника». В исторической перспективе подобная практика легко трансформировалась в музейную презентацию вещей, также выставленных для обозрения.

Но функции вещи в контексте традиционной культуры этим не ограничивались: предметы не только «показывали себя», но могли активно включаться в ритуал как самостоятельные

«акторы», организуя своеобразное «вещное действие» (Н. В. Брагинская): анимистический характер религиозных представлений, символизм ритуала допускают тождество понятий «вещь» и «божество», единство духовного и материального. И такие ритуальные предметы, обладающие собственной сущностью и характером, вещи-субъекты, часто табуировались, как, например, шаманский бубен, изображения духов-помощников шамана.

У народов Амура бубен вообще выступал отдельным персонажем в шаманских камланиях, символизировал личное ездовое животное шамана, был тесно связан со своим «хозяином», с его жизненной энергией. Как правило, после смерти шамана бубен умерщвляли и предавали земле или, уже в советское время, вместе с изображениями шаманских духов-помощников могли передать в музей. Однако при этом соблюдали целый ряд предосторожностей. Мы столкнулись с этим в 1995 г. в ходе поездки в нанайское село Сикачи-Алян (Хабаровский р-н, Хабаровский край). В экспозиции местного музея были представлены деревянные изображения духов-помощников шамана. Однако на нашу просьбу открыть витрину и переставить сэвэнов в более светлое место для фотографирования было сказано: «Витрину откроем, но к сэвэнам не притронемся... хотите – сами их переставляйте».

Как пишет К. В. Пименова, в зарубежных музеях уже несколько десятилетий существует практика изъятия некоторых сакральных предметов из экспозиции и «организация для них отдельного хранения с ограниченным доступом, куда можно заходить нескольким сотрудникам и членам соответствующих кланов» [8]. В отечественных музеях такая практика ещё не прижилась, хотя вопросы этики экспонирования сакральных предметов в музее широко обсуждаются и региональные музеи активно сотрудничают с представителями коренных этносов, восстанавливая историю того или иного предмета традиционной культуры и решая вопрос об уместности его публичной презентации.

Таким образом, решая вопрос о возможности презентации сакральных предметов разных религий в экспозиции, сегодня музеи каждый раз подходят к ситуации индивидуально, с учётом мнения не только учёных, музейных практиков, но и обязательно с учётом позиции представителей этносов, частью традиционной культуры которых эти предметы являются.

Музейное отношение к экспонируемым предметам культа может существовать лишь тогда, когда осмыслена и пережита определённая временная дистанция между экспонатом и посетителем. В ситуации же, когда прошлое (вместе с религиозным мышлением, существующим как часть сегодняшней жизни и обращённым в будущее) ещё не отделилось от настоящего, когда оно, по выражению С. С. Аверинцева, «стоит в домашней неприбранныности», «между предметами и коренными народами существуют текущие отношения, которые музей не может игнорировать. Признание этих отношений должно стать толчком к переосмыслению стратегий экспонирования предметов и в более общем плане – общественной роли музеев. С этой точки зрения музеи определяются как «хранители» (guardians) наследия, которое может быть собственностью музея в юридическом смысле, а в символическом – принадлежит коренным народам» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Атланты держат небо? Михаил Пиотровский и епископ Назарий – спор и солидарность в позициях Церкви и культуры [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2013. – № 6 (5982). – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/01/16/atlanty.html> (дата обращения: 11.05.2021).
2. Калугина, Т. П. Культура-«музеефикатор»: метафора и реальность / Т. П. Калугина // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М. С. Кагана. Материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г., Санкт-Петербург. Серия «*Symposium*». Выпуск 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 209.
3. Косинцева, А. П. Этнографические и археологические предметы культа в музее: особенности бытования [Электронный ресурс] / А. П. Косинцева // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (31). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnograficheskie-i-arheologicheskie-predmety-kulta-v-muzee-osobennosti-bytovaniya> (дата обращения: 11.05.2021).
4. Мень, А. В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. 1. Истоки религии /protoиерей Александр Мень. – М.: СП «Слово», 1999. – 287 с.

5. Молитва в музее [Электронный ресурс] / Приходы, 2012-2019. – Режим доступа: <https://prichod.ru/opty-prihodov/23018/?0> (дата обращения: 11.05.2021).
6. Музеи. Сводные данные. Статистическая информация [Электронный ресурс] / Официальный сайт Минкультуры России, 2004-2021. – Режим доступа: https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-stat_museum_svod (дата обращения: 11.05.2021).
7. Соломонова, Д. Палка для селфи, чемодан и молитва: что можно и что нельзя делать в музее [Электронный ресурс] / Д. Соломонова / 1999–2021, ООО «Лента.Ру». – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/03/22/selfiesticks> (дата обращения: 11.05.2021).
8. Пименова, К. В. Сакральные предметы и трансформации музейной этики: истоки, проблемы, решения [Электронный ресурс] / К. В. Пименова // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralnye-predmety-i-transformatsii-muzei-noi-etiki-istoki-problemy-resheniya> (дата обращения: 11.05.2021).
9. Прокофьева, В. Ю. Музейное пространство города Ельца: муниципальное бюджетное учреждение культуры «Елецкий городской краеведческий музей» / В. Ю. Прокофьева, М. А. Назаров // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № IV-2 (52). – С. 56-61.
10. Пшеничная, С. В. «Музейный язык» и феномен музея / С. В. Пшеничная // В диапазоне гуманитарного знания: сборник к 80-летию профессора М. С. Кагана (Серия «Мыслители»). Вып. 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 233.
11. Терюкова, Е. А. Культовый предмет в музее (из истории музейного дела в России 20-30-х годов XX века) [Электронный ресурс] / Е. А. Терюкова // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2014. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultovyy-predmet-v-muzee-iz-istorii-muzeynogo-dela-v-rossii-20-30-h-godov-hh-veka> (дата обращения: 11.05.2021).
12. Худякова, Л. А. Музей в эпоху постмодерна: потери или возможности? / Л. А. Худякова // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 12-21.
13. Юренева, Т. Ю. Музейная сеть России: основные характеристики и проблемы изучения [Электронный ресурс] / Т. Ю. Юренева // Культурное наследие России. – 2019. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-set-rossii-osnovnye-harakteristiki-i-problemy-izucheniya> (дата обращения: 11.05.2021).
14. Fouché F. Le sacré affleure-t-il aussi au musée? // Museology and the Sacred: ICOFOM Study Series, Vol. 47 (1-2). 2019. – P. 105-122.
15. Hudson K. Museums for the 1980s.: a survey of world trends. – Paris: Unesco. – 1977. – 198 p.
16. Mairesse F. The sacred in the prism of museology // Museology and the Sacred: ICOFOM Study Series, Vol. 47 (1-2). 2019. – P. 15-22.
17. Soares B. B. Every museum has a God, or God is in every museum? // Museology and the Sacred: ICOFOM Study Series, Vol. 47 (1-2). 2019. – P. 57-72.
18. Wangefelt Ström H. How do Museums Affect Sacredness? Three Suggested Models // Museology and the Sacred: ICOFOM Study Series, Vol. 47 (1-2). 2019. – P. 191-208.
19. Wittlin A. S. The Museum. Its History and its Tasks in Education. L, 1949.

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.

Ya. S. Kryzhanovskaia, S. A. Kryzhanovskaia

ЯПОНСКИЙ ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ КЛАССИКИ: ТВОРЧЕСТВО ФУТАРО МИЦУКИ

JAPANESE EXPERIENCE OF READING CLASSICS: THE WORK OF FUTARO MITSUKI

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaya – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. +7(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Крыжановская Станислава Андреевна – студент Тихookeанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 68; тел. +7(914)404-02-42. E-mail: stasay24@bk.ru.

Stanislava A. Kryzhanovskaya – Student, Pacific State University (Russia, Khabarovsk); 68 K. Marx st., Khabarovsk, 680000, Russia; tel. +7(914)404-02-42. E-mail: stasay24@bk.ru.

Аннотация. Статья посвящена творчеству современного японского художника Футаро Мицуки, опирающегося на принципы эстетики западного постмодернизма, при этом сохраняющего связь с художественными традициями Дальнего Востока. Анализируются две его работы – «Мона Лиза» и «Верmeer», являющиеся авторскими репликами-оммажами на картины Л. да Винчи и Я. Вермеера. Выявлены детали, отсылающие к другим авторам, традициям, национальным культурам. Показано, что в работах Ф. Мицуки важное место занимает выраженный эстетизм и связанный с этим интерес к более ранним историческим эпохам, стремление противопоставить сегодняшней действительности мир фантазии и творчества. Подобная позиция соответствует традициям японской культуры, одним из оснований которой называют культ красоты. Делается вывод о том, что в своих реинтерпретациях работ великих мастеров Мицуки создаёт «универсальные образы», образы-символы, лишённые ироничного подтекста, но органично объединяющие разные национальные традиции, прошлое и настоящее, высокую культуру и культуру массовую.

Summary. The article is devoted to the work of the modern Japanese artist Futaro Mitsuki. His painting style is based on the principles of aesthetics of Western postmodernism, but maintaining a connection with the artistic traditions of the Far East. Two of his works are being analyzed – «Mona Lisa» and «Vermeer», which are the author's homages to the paintings of L. da Vinci and J. Vermeer. The details referring to other authors, traditions, national cultures are revealed. It is shown that in the works of F. Mitsuki the desire to contrast the world of fantasy and creativity with today's reality takes an important place in the expressed aestheticism and the associated interest in earlier historical epochs. This position corresponds to the traditions of Japanese culture, one of the foundations of which is the cult of beauty. It is concluded that in his reinterpretations of the works of great masters, Mitsuki creates «universal images», images-symbols devoid of ironic overtones, but organically combining different national traditions, past and present, high culture and mass culture.

Ключевые слова: бидзинга, Восток и Запад, искусство XX в., Леонардо да Винчи, Ян Верmeer, постмодернизм, японская живопись.

Key words: bidzinga, East and West, art of the 20th century, Leonardo da Vinci, Jan Vermeer, postmodernism, Japanese painting.

УДК 7.036

Последние годы отмечены активизацией и улучшением гуманитарных отношений между Россией и Японией, нашим соседом по дальневосточному региону. В 2002 г. было подписано соглашение между правительствами двух стран о культурных связях, в котором «стороны договорились содействовать обменам учёными, педагогическими и научными работниками, студентами и

аспирантами, деятелями искусства и др., проведению мероприятий, призванных содействовать ознакомлению народов своих государств с культурой, историей, общественным устройством и образом жизни другой страны» [10, 5].

Следствием этого является возрастающий интерес к культуре Японии. Однако для большого количества наших соотечественников эта страна до сих пор ассоциируется со стандартным набором объектов и явлений: в зависимости от возраста это могут быть самураи, сакура, гейши, суши, высокие технологии или манга, аниме, косплей, фильмы Хаяо Миядзаки. Гораздо меньше мы знакомы с изобразительным искусством Японии, богатым и самобытным. Его актуализация, в том числе знакомство с работами современных, ныне живущих японских художников, приобретает особую значимость в рамках «Года японо-российских межрегиональных обменов» (2020–2021 гг.). Многочисленные мероприятия в рамках этого Года нацелены на дальнейшее расширение связей в различных сферах, в том числе в сфере искусства, во имя взаимопонимания и конструктивного диалога.

Творчество японского художника Футаро Мицуки (Futaro Mitsuki), родившегося в 1970 г., в 1998 г. получившего степень магистра в Токийском национальном университете изобразительных искусств и музыки, ещё не очень хорошо знакомо в России. Однако в мире его имя привлекло внимание ещё в 2016 г. после участия в выставке современных художников в галерее Когуре (Gallery Kogure) в Токио, а также после Интернет-презентации его работ в 2017 г. [15]. В июле 2019 г. издающийся во Франции журнал «НЕУ!», посвящённый современному искусству, поместил работу Ф. Мицуки «Самурай» на своей обложке [16].

Необычные по манере художественные произведения сразу привлекли к себе внимание и вызвали споры благодаря позиции автора – современному взгляду на художественные традиции прошлого. Сочетание филигранности и декоративности в работах Мицуки чем-то напоминает японские гравюры укиё-э периода Эдо, в них присутствует ирония и подчёркнутый эстетизм. Татуировки и изящное кружево, цветы и бабочки, джинсы и вычурные прически из далёких эпох соединяются в работах художника самым парадоксальным образом, придавая им неповторимое обаяние.

В своём творчестве художник опирается, с одной стороны, на эстетику постмодернизма, с другой – сохраняет связь с художественными традициями Дальнего Востока.

Художественный стиль постмодернизма складывается в 1960-е гг. и характеризуется в самом общем плане противопоставлением реализму, свободным применением (цитированием) чужих готовых форм, а также всепроникающей иронией. И если модернизм был ориентирован на отрицание прошлого (вспомним призыв футуристов «бросить Пушкина с Парохода Современности»), то постмодернизм предложил это прошлое переосмыслить (включая возвращение к традициям, опыту мастеров европейского искусства XVI – XIX вв.), поскольку уничтожить его нельзя.

При таком «креативном» отношении к истории важнейшим приёмом художественной практики постмодернизма становится пастиш (ит. pasticcio, т. е. «паштет») – художественный приём, заключающийся в создании произведения (литературного, живописного, музыкального, театрального и т.п.), представляющего собой имитацию стиля работ одного или нескольких авторов. Актуальность пастиша объясняется невозможностью стилистических новаций в современном мире: где все стили, по утверждению американского литературоведа Ф. Джеймисона, «изобретены, остаётся лишь безостановочно перетасовывать фрагменты уже существующих текстов, строительных блоков былого культурного и социального производства в некий новый раздутый бриколаж ... такова логика постмодернизма» [9, 174].

Как следствие такой традиционности, художник выступает уже не создателем, но апроприатором, а «культурная инновация осуществляется сегодня как приспособление культурной традиции к новым жизненным обстоятельствам, новым технологиям презентации и дистрибуции или новым стереотипам восприятия» [5, 82].

Именно такое отношение к традиции – не как к догме, но как к строительному материалу и как к руководству к действию – и прослеживается в творчестве Футаро Мицуки. И хотя, по существующему мнению, в Японии, как и в России, более всего постмодернизм проявился в лите-

турном творчестве, Мицуки – один из тех художников (наряду с Ясумаса Моримура, Такаси Мураками и др.), на кого эстетика постмодернизма оказала очень сильное влияние.

Одна из самых известных работ современного японского художника – «Мона Лиза», авторская вариация на тему известнейшего шедевра эпохи Возрождения. Творчество Леонардо всегда привлекало деятелей искусства XX в. Здесь можно вспомнить «Композицию с Мона Лизой» К. Малевича (1914 г.), работы М. Дюшана «L.H.O.O.Q» и «L.H.O.O.Q. Shaved» (1919 г.), автопортрет С. Дали в образе Джоконды (1964 г.), а также многочисленные ремейки образа Джоконды в компьютерной графике, травести-арте, стрит-арте и граффити («Мона Лиза» Ж.-М. Баския; «Мона Лиза с базукой» Бэнкси, Ясумаса Моримура в образе Джоконды и др.). В большинстве работ обращает внимание «иронический характер использования образа, иногда пародийный и, как крайний вариант, использование его в качестве объекта насмешек» [6].

Совершенное иное предлагает японский художник, который дважды за один год обращается к хрестоматийному образу (см. рис. 1 и 2). Его Джоконда – не штамп, не объект насмешек и пародий, но предмет любования, тонкой стилизации и изощрённой игры со зрителем.

Рис. 1. Мицуки Ф. Мона Лиза.
227×158 мм. 2017 г.

Рис. 2. Мицуки Ф. Мона Лиза.
410×273 мм. 2017 г.

По сравнению с работой Леонардо, визуальный образ как картины в целом, так и героини претерпел заметные изменения. Прежде всего, бросается в глаза «переодевание» в восточный костюм. Здесь-то и начинается игра... Несмотря на то что художник – японец, и сразу же хочется отнести его оммаж на Джоконду к японскому, а саму даму назвать японкой, это не верно, хоть и логично... Детали её костюма скорее дают нам понять, что перед нами китаянка. Об этом говорит сложный головной убор, напоминающий «фэнгуань» («корону феникса») – парадный женский головной убор. Причём в одной из двух работ, большей по размеру, эта «корона феникса» дополняется ещё и длинными украшениями в виде кистей.

К Китаю же отсылает обилие пионов и бабочек, украшающих восточный костюм героини. В данном случае цветок – не просто часть богатого орнамента на одежде. В той игре, в которую вовлекает нас художник, нет ничего случайного. Пион – такой же символ Китая, как хризантема – символ Японии. Пион – «император цветов» – символизировал весну, любовь и привязанность, часто выступал символом женской красоты. И в данном случае он очень уместен в изображении Джоконды, которая на долгие века стала в европейской и мировой культуре олицетворением женской красоты.

Другой важный элемент в картине – бабочки, в обилии порхающие в самых разных работах Футаро Мицуки. Они настолько важны для художника, что даже его подпись стилизована под бабочку. Но это насекомое в восточной культуре – это всегда больше, чем просто бабочки. Они могут быть символами тепла (лета или осени), изобилия, семейного счастья, любви и гармонии. Это и символ красоты, той самой, которую автор всеми традиционными и нетрадиционными способами пытается донести до нас, красоты этой невероятной восточной Джоконды – «то ли девушки, а то ли виденья»?!

И, конечно же, бабочки в картине отсылают к популярному даосскому сюжету: «Однажды Чжуанцзы приснилось, что он – бабочка, весело порхающий мотылек. Он наслаждался от души и не осознавал, что он Чжуанцзы. Но, вдруг проснулся, очень удивился тому, что он – Чжуанцзы и не мог понять: снилось ли Чжуанцзы, что он – бабочка, или бабочке снится, что она – Чжуанцзы?!» [1].

В конечном итоге такие многозначные «философические» бабочки в картине японского художника заставляют нас задуматься: кто же кому приснился? И не есть ли сама картина лишьсон художника, которому снится, что он – бабочка в работе великого Леонардо?

В одной из двух работ, посвящённых Джоконде, большей по размеру, у японского художника появляется пейзаж. Собственно, пейзаж был и у Леонардо, но пейзаж выдуманный, нереальный. Петербургский искусствовед В. Г. Власов, анализируя работу гения Ренессанса, писал о странном впечатлении, которое «производит портрет „Моны Лизы“… с ее „живой улыбкой“ на фоне „неземного“ застывшего пейзажа» [3, 502]. Японский же художник сполна даёт нам возможность насладиться улыбкой (которая сама по себе уже стала символом, обрела самостоятельную жизнь – подобно знаменитой улыбке чеширского кота), освобождая картину от пейзажа, словно погружая женский образ в Пустоту – ту самую, которая так характерна для традиционной китайской и японской живописи, где художник не стремился заполнить красками и линиями всё пространство, как это делали художники европейские.

Классическая китайская и японская живопись традиционно служила наиболее понятным и наглядным воплощением даосско-буддийской идеи Пустоты, фундаментальной для всей дальневосточной эстетики, художественной практики и философии. Эта идея была рождена китайским даосизмом, где она имела отнюдь не негативный (отсутствие, недостаток чего-либо, антитеза наполненности), а подчёркнуто позитивный смысл: пустота как творческое, порождающее начало, потенциально содержащее в себе всё многообразие мира. Отсюда – особое значение «пустого», т.е. не заполненного изображением, пространства в дальневосточной живописи, которое само по себе является носителем определённых смыслов. «Образ вне зрячего, вкус вне ощущаемого» – вот что самое ценное [7].

Развивая и углубляя диалог Запада и Востока, в следующей версии Джоконды японский художник развивает тему пейзажа на заднем плане картины. Теперь это уже не обобщённый «идеальный» пейзаж с картины мастера Возрождения и не абстрактная «Пустота». Это вполне конкретный и довольно-таки характерный именно для китайского искусства пейзаж с обилием маленьких деревьев, и, что самое важное, мостик в форме полукруга, который, отражаясь в воде, является собой круг, символ гармонии, единства Инь и Ян, столь важный для китайской культуры. Таких пейзажей мы не встретим в китайской живописи «гор и вод», которая гораздо более обобщена и философична. Но именно так выглядел настоящий китайский сад, именно китайский, а не японский, более аскетичный и символичный. Только в китайских садах до сих пор можно встретить

«лунный мост» – декоративный мостик полукруглой формы, символизирующий месяц на небе. Именно такой Футаро Мицуки изображает за спиной своей Джоконды.

Ещё один интересный и неожиданный элемент в облике Моны Лизы Футаро Мицуки – это *хучжи* («броня для ногтей»), украшающие безымянные пальцы и мизинцы модели. Родина *хучжи* – Китай, где считали, что длина ногтей и волос пропорциональна здоровью и долголетию. Аристократия Китая очень заботилась о красоте рук. Ногти длиной более двадцати пяти сантиметров вызывали особое восхищение у окружающих. Классический *хучжи* – заострённый коготь с отверстием для пальца – делали из драгоценных металлов, украшали самоцветами и эмалью. Именно такие китайские (не японские!) украшения мы видим на пальцах модели.

Но не только китайская тема звучит в работе японского художника. Достаточно неожиданно на лбу героини волей автора появляется точка – в индуизме она называется «*бинди*» или «*хинди*» («знак правды»). Традиционно *бинди* носят только замужние индийские женщины. Однако благодаря хиппи и их интересу к Индии *бинди* вместе с некоторыми другими элементами индийской культуры попадает в Европу и Америку, где из духовного и религиозного символа превращается в модную деталь, элемент массовой культуры. Некоторые считают это культурной апpropriацией, характерной для современной массовой культуры. Джоконда и индуизм? Или, скорее, Джоконда и массовая культура, т.к. в работе Мицуки этот знак выглядит даже несколько кокетливо, а отнюдь не религиозно.

Ещё одна деталь, ещё одна подсказка или загадка, заданная нам художником – пион в волосах Моны Лизы: именно в причёску перекочевал цветок с платья Джоконды из предыдущей работы... Восточная Кармен?

Рассматривание работы Ф. Мицуки подобно увлекательному квесту – мы всё время обнаруживаем детали, отсылающие нас к иным изображениям, текстам, культурам. А что же в итоге? Где ответ на извечный вопрос: «Что хотел сказать художник?»

В монографии, посвящённой жанру портрета в живописи Ренессанса, В. Н. Гращенков писал о том, что Леонардо, в том числе благодаря пейзажу, сумел создать в «Джоконде» не портрет конкретной женщины, но универсальный образ-символ: «В этой загадочной картине он создал нечто большее, чем портретное изображение никому не ведомой флорентинки Моны Лизы... Внешний облик и душевный строй конкретной личности переданы им с небывалой синтетичностью. Этому имперсональному психологизму отвечает космическая отвлечённость пейзажа, почти полностью лишённого каких-либо признаков человеческого присутствия. (...) «Джоконда» – не портрет. Это – зримый символ самой жизни человека и природы, соединённых в одно целое и представленных отвлечённо от своей индивидуально-конкретной формы. Но за еле заметным движением, которое, как лёгкая рябь, пробегает по неподвижной поверхности этого гармонического мира, угадывается всё богатство возможностей физического и духовного бытия» [4, 302-310].

Продолжая эту логику, Футаро Мицуки тоже создаёт символ, обобщающий образ нашего времени. В условиях глобализма, когда мир превратился в «большую деревню», когда разные культуры оказывают активное взаимовлияние друг на друга, японский художник создаёт некую «глобальную Джоконду» как универсальный образ, объединяющий прошлое и настоящее, высокую культуру и китч, Восток и Запад, Европу, Индию, Китай... объединяющий всё, что только можно и нельзя объединить... и при этом не эклектичный, но по-своему органичный в своём многообразии и эстетике, обращённый одновременно и к тем, кто хорошо знаком с массовой культурой, а о Леонардо и Джоконде имеет весьма приблизительное представление, и к взыскательным эстетам, способным прочитать скрытые смыслы и отгадать загадки художника.

Ещё одна работа Ф. Мицуки, представляющая интерес с точки зрения японского опыта прочтения европейской живописи, это «Верmeer» (см. рис. 3), авторская трактовка известной работы нидерландского художника XVII в. Яна Вермеера «Девушка с жемчужной серёжкой» (см. рис. 4). Как и «Мона Лиза», это не живописное произведение, а графическое – художник использует карандаш, тушь или чернила, акрил, работу создаёт сразу начисто, без предварительных набросков.

Первое, что бросается в глаза, это отсутствие главного элемента оригинала, серёжки, которая таинственным образом перекочевала в портрет Моны Лизы. Возможно, поэтому автор и меняет название работы: это уже не «Девушка с жемчужной серёжкой», ведь самой серёжки нет, зато есть оммаж на работу великого художника, есть «Вермеер».

Рис. 3. Мицкуки Ф. Вермеер. 2017 г.

Рис. 4. Вермеер Я. Девушка с жемчужной серёжкой

Футаро Мицкуки создаёт удивительно тонкую стилизацию, вновь парадоксальным образом соединяя Запад (Европу) и Восток – в данном случае Японию. Композиция работы отсылает одновременно к голландцу Вермееру и к японскому жанру *бидзинга*, характерному для культуры эпохи Эдо (XVII – XVIII вв.). *Бидзинга* (яп. – «изображение красавиц») – жанр традиционной японской графики школы *укиё-э*, посвящённый изображениям знаменитых красавиц, гейш, обитательниц «весёлых» кварталов японской столицы. Вначале это были изображения тушью на свитках, позже – гравюры. Такие традиционные японские портреты предполагали погрудное женское изображение, в котором доминировала большая голова и лицо с молочно-белой кожей, черты же лица как будто только намечены и напоминают лепестки цветка (см. рис. 5). В этих изображениях XVII-XVIII вв. воплотились японские представления о женской красоте.

Рис.5. Китагава Утамаро.
Женщина, вытирающая пот (1798 г.)

В работе Ф. Мицкуки аналогии с традиционными японскими портретами усилены благодаря прическе, которой художник наделяет свою модель. Это не экзотический тюрбан, как у Вермеера, но традиционная японская прическа-*нихонгами* (дословно – « волосы по-японски»), популярная начиная с периода Адзути-Момояма (1568–1603) до конца эпохи Эдо (1603–1868). Традиции *нихонгами* и сегодня живы в Японии: их продолжают носить гейши, майко, исполнительницы традиционных танцев и актёры кабуки. Для создания такой прически волосы осо-

бым образом делились на пять прядей (переднюю – *маэгами* (буквально – «волосы спереди»), боковые – *бин*, затылочную – *табо* и верхнюю – *нэ*) и укладывались в зависимости от статуса.

Причёска на картине Мицуки очень напоминает *бункин-шимада* – причёску девушек самурайского сословия и современных невест. Создавая такую причёску «из основы-нэ, завязанной высоко (яп. *такасимада*, буквально означает “высокая шимада”), формируют *шимада-магэ*, причём волосы, составляющие пучок-*магэ*, собирают вместе на самом верху головы и укладывают в виде пышного цилиндра. Центральную часть *магэ* перевязывают тонким шпагатом золотистого цвета (для свадебного торжества), белым бумажным шпагатом, плетёным шнуром или ещё чем-нибудь узким, причём настолько свободно, что создаётся впечатление, будто это сделано лишь в декоративных целях» [13]. В работе Мицуки причёска изящно перевязана витым шнуром, форма которого вновь напоминает бабочку – ассоциация тем более яркая, что рядом помещён знак художника – первая буква его имени, стилизованная таким же образом.

Особого внимания заслуживает костюм, которому японский художник всегда уделяет особое внимание. У Мицуки девушка одета в кимоно с широким поясом *оби*, щедро украшенное россыпью бабочек (*чо:*), олицетворяющих радость, долголетие, изящество и изысканную красоту.

Японский художник интересно работает с каждой деталью своего портрета, не пропуская ничего, всё время заставляя зрителя рассматривать, вспоминать и сравнивать. При этом внешность девушки остаётся всё той же, узнаваемой: изящный овал лица, тонкий нос, тёмные глаза, слегка приоткрытый рот, будто её окликнули, и она повернулась, чтобы ответить. Все эти мелочи сохранены в обеих работах. Но японский художник чуть-чуть изменяет поворот модели – она меньше развернута на зрителя, из-за чего её взгляд направлен уже не на нас, как у Вермеера, а, скорее, внутрь себя... Девушка у Ф. Мицуки не так эмоциональна, в ней нет вызова, но есть некоторая сдержанность, полагающаяся восточной красавице. Создаётся впечатление, что она не очень нуждается в нас, зрителях... она самодостаточна... как только может быть самодостаточен мираж, видение, образ, который возникает из Пустоты – и тут же готов исчезнуть, раствориться в ней...

Таким образом, анализ работ Футаро Мицуки показал, что японский художник активно использует приёмы и культурные практики постмодернизма, такие как цитирование и переосмысливание чужих работ, игру со зрителем, разрушение границ между массовой и высокой культурой, тем самым активно вовлекая нас, зрителей, в диалог с различными образами, извлекаемыми художником, словно из мешка фокусника. Подобная позиция вполне согласуется с принципами рецептивной эстетики, для которой «восприятие произведений искусства – особая форма творческой познавательной активности, которая ... существует как диалог воспринимающего (реципиента) и текста, в котором запечатлён авторский опыт и авторская позиция, исторический и социально-культурный опыт, а также опыт восприятия текста предшествующими поколениями. Поэтому реципиент – зритель, слушатель, читатель – является полноправным участником творческого смыслосозидания в процессе художественного восприятия произведения искусства, создавая множественность его интерпретаций, его смысловую эстетическую парадигму» [12, 22].

Но если традиционно считалось, что постмодернистская ситуация ориентирована на уменьшение роли автора, то в данном случае видим другое: «реализуя социальную вовлечённость как одну из направленностей постмодернистского общества, автор ... текста несёт ответственность за идеи и образы, которые представляет, т.к. в постмодернистскую эпоху главным становится не потребление материальных предметов, что было характерно, скажем, для XX в., но потребление образов, поскольку образы обладают гораздо большей капиталоёмкостью» [2, 100].

Свободное манипулирование образами укрупняет роль автора. При этом Мицуки, в качестве основы для своего творчества избирая работы великих европейцев, ни на секунду не забывает о национальных традициях и принципах японского искусства и японской эстетики. Его образы свободны от постмодернистской иронии, понимаемой как насмешка или даже откровенный стёб, но подчёркнуто эстетичны, наполнены изяществом и эфемерной красотой. Его образы как бы существуют в особом пространстве, особо не взаимодействуя с миром, а только являя этому миру себя, всем своим видом воплощая японское мастерство намёка или подтекста, прелесть недоговор-

рённости, способность постичь воображаемое – всё то, что в японской эстетике обозначается термином «юген» – «красота одинокой печали».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабочка Чжуанцзы [Электронный ресурс] / PsiProj, 2001-. – Режим доступа: <http://www.psi.lib.ru/filosof/baboch.htm> (дата обращения: 12.06.2021).
2. Бортнюк, О. А. Основания и измерения современного мировоззрения / О. А. Бортнюк // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VI-2 (46). – С. 98-103.
3. Власов, В. Г. Стили в искусстве. В 3 т. Т. 2. Словарь имён А–Л / В. Г. Власов. – СПб.: Кольна, 1996. – 543 с.
4. Гращенков, В. Н. Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения / В. Н. Гращенков. – М.: Искусство, 1996. – 848 с.
5. Грайс, Б. Политика поэтики / Б. Грайс. – М.: Ад Маргинем, 2013. – 400 с.
6. Гусева, Е. С. Образ «Моны Лизы» в современных интерпретациях картины (к проблеме антиномичности художественного смысла) [Электронный ресурс] / Е. С. Гусева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: психология. – 2019. – Т. 4. – № 2. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15522391&> (дата обращения: 12.06.2021).
7. Демченко, Е. Н. Культура европейского и китайского художественного мировосприятия в живописи Дальнего Востока. Соприкосновения различий / Е. Н. Демченко // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2016. – № 16. – С. 20-24.
8. Дианова, В. М. Западный/российский/японский постмодернизм: сходство и различие [Электронный ресурс] / В. М. Дианова // Соловьевские исследования. – 2017. – № 2 (54). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapadnyy-rossiyskiy-yaponskiy-postmodernizm-shodstvo-i-razlichie> (дата обращения: 16.06.2021).
9. Джеймисон, Ф. Марксизм и интерпретация культуры / Ф. Джеймисон. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2014. – 414 с.
10. Макаревская, Н. Ю. Дальний Восток России и страны Северо-Восточной Азии: стратегический уровень сотрудничества и межкультурные коммуникации на современном этапе / Н. Ю. Макаревская // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № II-2 (38). – С. 4-10.
11. Малинина, Е. Е. Синкретизм дальневосточного искусства. Взаимодействие литературы, каллиграфии, живописи. Философско-мировоззренческая основа дальневосточной живописи. Поэтика жанров [Электронный ресурс] / Новосибирский государственный университет, 2021. – Режим доступа: http://old.nsu.ru/education/japanart/1_12.htm (дата обращения: 12.06.2021).
12. Савелова, Е. В. Проблемы художественно-эстетического образования в современной культуре [Электронный ресурс] / Е. В. Савелова // Педагогика искусства. – 2017. – № 1. – С. 20-24. – Режим доступа: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/problemy-hudozhestvenno-esteticheskogo-obrazovaniya-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 12.06.2021).
13. Нихонгами – традиционные японские причёски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aoimevelho.blogspot.com/p/blog-page.html> (дата обращения: 12.06.2021).
14. Futaru Mitsuki [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.futaromitsuki.com> (дата обращения: 14.06.2021).
15. Gallery Kogure [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gallerykogure.com/futaromitsuki.html> (дата обращения: 14.06.2021).
16. HEY! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.heyheyhey.fr/en/magazine/hey-n7-season-2> (дата обращения: 14.06.2021).

Мусалитина Е. А.
E. A. Musalitina

КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ИНОСТРАННОГО ТРУДОВОГО МИГРАНТА В ИНТЕРНЕТ-ПРЕССЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

CULTURAL IMAGE OF A FOREIGN LABOR MIGRANT IN THE INTERNET-PRESS OF THE KHABAROVSK TERRITORY

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается культурный образ трудового мигранта, транслируемый ведущими источниками интернет-прессы Хабаровского края. Целью исследования является выявление особенностей анализируемого образа. В результате определяется эмоциональная тональность публикаций, их основная тематика и проблемы, связанные с трудовой миграцией в крае. Установлено, что региональные интернет-издания газет оказывают значительное влияние на формирование образа иностранного мигранта в сознании населения Хабаровского края. Под влиянием интернет-изданий формируется устойчивый негативный образ мигрантов, принадлежащих к этническим группам из стран СНГ. Отсутствие позитивных образов создаёт риск разжигания межэтнических конфликтов. Популяризация низкоквалифицированного труда мигрантов приводит к трансформации профессионально ориентационных установок о престижности рабочих профессий.

Summary. The article discusses the cultural image of a labor migrant broadcast by the leading sources of Internet press of the Khabarovsk Territory. The aim of the study is to identify the features of the analyzed image. As a result, emotional tone of the publications, their main topics and problems associated with labor migration in the region are determined. It is established that regional online newspaper publications have a significant impact on formation of the image of a foreign migrant in perceptions of the population of the Khabarovsk Territory. Under the influence of Internet publications, a stable negative image of migrants belonging to ethnic groups from the CIS countries is formed. Lack of positive images forms the risk of fueling interethnic conflicts. The popularization of low-skilled labor of migrants leads to the transformation of vocational orientation views about the prestige of labor occupations.

Ключевые слова: образ, трудовой мигрант, интернет-пресса, Хабаровский край, контент анализ, культура.

Key words: image, labor migrant, Internet press, the Khabarovsk Territory, content analysis, culture.

УДК 008:331.556(571.6)

Последние два десятилетия в Хабаровском крае наблюдается процесс оттока местного населения в другие регионы России и наряду с этим привлечение краем большого количества мигрантов из стран СНГ, а также КНР и КНДР. Согласно статистическим данным миграционного отдела УМВД России по Хабаровскому краю, в настоящий момент в регионе официально зарегистрировано 13 400 иностранных граждан. Более 85 % из них являются выходцами из стран СНГ: 5422 узбека, 2328 таджиков, 1945 киргизов, а также 1621 китаец [15].

С одной стороны, внедрение мигрантов в социально-культурную сферу региона способствует её обогащению и разнообразию, с другой стороны, вызывает социальный резонанс и неоднозначное мнение местного населения о целесообразности привлечения иностранной рабочей силы. При этом под влиянием средств массовой информации и различных медиаисточников в

сознании жителей края формируется устойчивый стереотипный образ мигрантов, который наделён противоречивыми характеристиками.

Трудовая миграция в крае становится неотъемлемой частью его культурного и социально-экономического развития, поэтому рациональное восприятие и принятие мигрантов местным обществом необходимо для формирования взаимной толерантности и эффективного симбиозного существования. В силу этого актуальность исследования особенностей образа иностранного мигранта в контексте медиакультуры края не вызывает сомнений.

Целью данного исследования является выявление особенностей культурного образа иностранного трудового мигранта в интернет-прессе Хабаровского края.

Задачи исследования определяются целью и заключаются в рассмотрении истории изучения образа мигранта; современной политики краевой власти в отношении иностранной миграции; теоретических основ понятия культурного образа и роли прессы в его формировании; проведении контент-анализа источников прессы края для установления степени и характера освещённости темы трудовой миграции; выделении качественных характеристик образа мигрантов; классификации и анализе полученных данных на основе нескольких критериев (коннотативный компонент образа, тематика контента публикаций, интерпретация освещаемых событий).

Объект исследования – культурный образ иностранного трудового мигранта.

Предмет исследования – социально-культурные особенности образа мигранта в контексте интернет-прессы края.

В качестве материала исследования было привлечено 100 публикаций об иностранных мигрантах, опубликованных в интернет-изданиях Хабаровского края: «Хабаровские вести», «Тихоокеанская звезда», «Дальневосточный Комсомольск», «Солнечный меридиан» и «Наш город Амурск» за период с 2015 по 2021 гг., когда, согласно статистике, наблюдается всплеск трудовой миграции в регионе [7]. Анализируемые информационные издания являются ведущими, представляя крупнейшие города края и освещая широкий круг актуальных проблем разных сфер общественной жизни, имеют высокий читательский рейтинг и авторитетный статус среди краевых информационных изданий.

Основными методами исследования являются контент-анализ и интерпретация.

Обратимся к определению понятия «трудовой мигрант». Согласно Федеральной миграционной программе РФ термином «трудовой мигрант» в настоящем исследовании обозначается лицо, осуществляющее трудовую оплачиваемую деятельность на территории Российской Федерации, не имея российского гражданства [12]. Таким образом, в исследовании не рассматриваются лица, которые в соответствии с законодательством причислены к категории вынужденных мигрантов, т.е. беженцев, переселенцев, внутренних (социально-экономических) мигрантов из числа российских граждан.

Вслед за М. С. Каганом под «культурным образом» понимаем отражение в сознании человека окружающей действительности [5, 79].

Исследованию образа мигрантов в российской культуре посвящено значительное количество научных работ, среди которых можно выделить два основных направления. Первое – это изучение вербальных и визуальных источников культуры, формирующих образ: российские средства массовой информации, массмедиа, интернет-дискурс. Российские политологи В. Е. Васильев и К. В. Власова проводят анализ трансформации образа мигрантов в современных российских СМИ, выделяя факторы наделения образа мигранта негативной коннотацией [2]. Филолог Ю. Н. Эбзееева рассматривает особенности формирования исследуемого образа в контексте телевизионных медиа, а также проблемы адаптации к новой культуре и отношений с культурой страны исхода [10].

Второе направление исследований имеет социологический характер и нацелено на изучение образа мигранта в общественном сознании. Представители этого направления А. С. Кащенко [6], З. Р. Усманова [9] рассматривают факторы, влияющие на формирование образа у представителей разных возрастных категорий российского общества.

Анализ современных исследований образа мигранта в российском обществе даёт право полагать, что особенности образа определяются в основном в результате формирования общенацио-

нального представления об изучаемом феномене. Между тем региональный аспект проблемы остаётся недостаточно изученным, несмотря на то что образ трудовых мигрантов может существенно отличаться в зависимости от региона [8]. В силу этого возникает необходимость освещения проблемы в контексте региональной культуры.

В начале XXI века на фоне стремительного оттока местного населения из Хабаровского края в южный и центральный регион России наблюдается прирост населения края за счёт прибытия трудовых мигрантов, в основном из стран СНГ [4]. С одной стороны, ситуация объясняется повышением интереса иностранных рабочих к возможности трудоустройства в России в условиях низкого уровня заработной платы в стране постоянного проживания мигрантов. С другой стороны, низкоквалифицированный дешёвый труд привлекает российских работодателей. Таким образом, в период с 2000 года по 2021 год число мигрантов увеличивается, расширяется география заселяемых районов края, расширяется сфера трудовой деятельности, в которой заняты переселенцы. Так, в 2005 году 78 % приезжих регистрировались по месту жительства в г. Хабаровске и г. Комсомольске-на-Амуре, 22 % работали в других районах края. В 2020 году увеличивается доля мигрантов, встающих на учёт по месту жительства в небольших населённых пунктах и отдалённых территориях: Охотском муниципальном районе, Аяно-Майском районе, Амурском муниципальном районе, Солнечном муниципальном районе и др. (36 % от общего числа мигрантов) [14]. В основном трудовые мигранты заняты в сфере бытовых услуг, общественного питания, розничной торговли, пассажирских и грузовых перевозок, в строительстве, сельском хозяйстве.

С 2010 года активно развивается такое направление, как образовательная миграция, направленное на получение образования по программам вузовского и послевузовского образования с возможностью одновременной легальной трудовой деятельности на территории России [12]. Программа пользуется большой популярностью среди молодёжи стран СНГ, расширяется спектр образовательных направлений и мер поддержки для приезжих студентов. Так, в сентябре 2021 года в ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» общее число иностранных студентов составило 680 человек (40 % от общего числа студентов вуза). По сравнению 2018 годом (211 иностранных студентов) к настоящему моменту количество данной категории студентов увеличилось почти в 3 раза [13].

В связи с развитием миграционных процессов в крае возникает проблема принятия приезжего населения местными жителями, их толерантного отношения к иностранцам, а также проблема роста межнациональных конфликтов. Согласно исследованию, проведённому Всероссийским центром общественного мнения в 2019 году, россияне отмечают положительный эффект от привлечения рабочей силы из-за рубежа. Так, отмечается, что предпринимателям выгодно нанимать таких работников в силу низкой оплаты их труда (81 % опрошенных). Около 50 % россиян воспринимают мигрантов как источник дополнительных доходов для экономики страны, 59 % отмечают, что мигранты предоставляют бытовые и строительные услуги по более низкой стоимости, чем российские специалисты.

Однако большая доля респондентов (59 %) отмечает негативное воздействие миграции, указывая на неправомерность внедрения в русскую культуру элементов чужой культуры. Наряду с этим местные жители не одобряют строительство в городах края мусульманских мечетей, учреждение национальных общин, ношение женщинами традиционной одежды и хиджаба [11]. При этом важным является тот факт, что большинство респондентов не имели личных контактов с иностранными мигрантами (74 %), а на формирование их восприятия наибольшее влияние оказывают пресса и телевидение. Таким образом, можно сделать вывод о ведущей роли вышеуказанных информационных источников в формировании образа мигранта в современном российском обществе.

Обратимся к анализу образа иностранного мигранта, представленного в интернет-прессе Хабаровского края. Количественное распределение анализируемых изданий представлено в табл. 1.

Наибольшая часть публикаций, посвящённых теме трудовых мигрантов в крае, имеет негативную коннотацию, что представлено на рис. 1.

Выборка публикаций

Название интернет-издания	Количество анализируемых статей	Процентное выражение
«Хабаровские вести»	35	35 %
«Тихоокеанская звезда»	30	30 %
«Дальневосточный Комсомольск»	15	15 %
«Солнечный меридиан»	10	10 %
«Наш город Амурск»	10	10 %

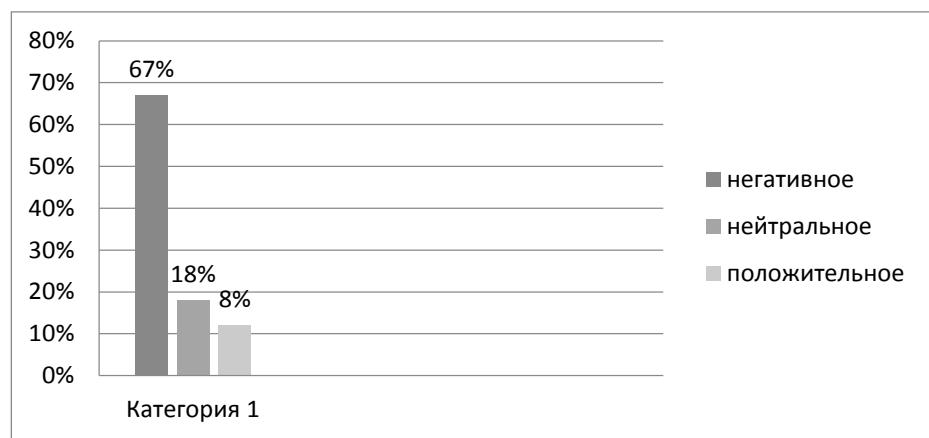

Рис. 1. Оценочная коннотация темы иностранных мигрантов в публикациях

Основная проблематика статей о мигрантах в Хабаровском крае охватывает несколько тем и представлена на рис. 2.

Представленные данные наглядно демонстрируют, что основной поток информации о мигрантах, транслируемый интернет-изданиями Хабаровского края, освещает социально-экономические проблемы, нарушение российского законодательства, неуважительное отношение к русской культуре. Таким образом, контент публикаций способствует формированию негативного образа мигранта.

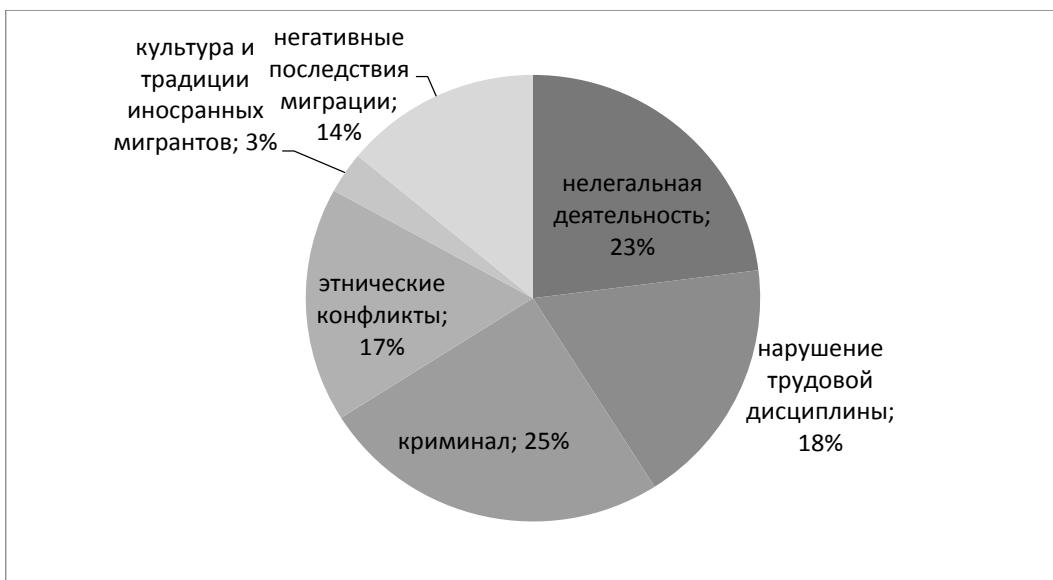

Рис. 2. Проблематика статей о мигрантах

Обратимся к рассмотрению тематической структуры публикаций. Среди них можно выделить несколько основных групп:

1. Мигранты и трудовые отношения.

Официальные органы заявляют о благоприятном влиянии привлечения иностранной рабочей силы на экономику края: развивается строительство, снижается темп роста цен на некоторые виды услуг и товаров. Однако анализ публикаций краевых интернет-изданий показывает противоположные настроения населения. Трудовая деятельность мигрантов ассоциируется с низкой квалификацией, отсутствием опыта, низким качеством выполняемых работ, уходом от налогов (02.08.2019, «Наш город Амурск»). В результате происходит снижение престижности рабочих профессий и нежелание российской молодёжи работать в этой сфере (05.04.2021, «Солнечный меридиан»). В публикациях отмечается монополизация розничной торговли фруктами и овощами выходцами из стран СНГ (15.12.2018, «Солнечный меридиан»).

2. Социально-экономические проблемы края и мигранты.

Значительный спектр социально-экономических проблем края представлен в региональных публикациях в контексте причинно-следственной связи с иностранными мигрантами. В одной из статей отток молодёжи из Хабаровского края в западные регионы объясняется массовым приездом трудовых мигрантов. При этом нет указания на источник данных и не приводятся иные причины оттока молодого поколения (13.02.2020, «Тихоокеанская звезда»).

В качестве одной из основных причин неудобства хостелов в жилых домах называется проживание там мигрантов (05.03.2016, «Дальневосточный Комсомольск»). Выявленные случаи заболевания корью в крае также связывают с завозом заболевания невакцинированными мигрантами (13.04.2019, «Хабаровские вести»).

Важной проблемой является языковая адаптация приезжих. Несмотря на разработанное законодательство об обязательной сдаче экзамена по русскому языку для иностранных рабочих, большинство из них не учат русский язык и работают нелегально (12.11.2018, «Дальневосточный Комсомольск»).

Родители русских детей выступают против совместного обучения с детьми мигрантов, по причине чего выбирают другое учебное заведение или обращаются с жалобами в отдел образования (16.09.2017, «Хабаровские вести»).

3. Нарушение закона и мигранты.

Ряд публикаций освещает тему преступности среди мигрантов. Детально описываются совершённые правонарушения, виды уголовных преступлений. Например, один из заголовков публикации гласит: «Иностранные граждане поучаствовали в каждом десятом ДТП в Хабаровском крае» (31.01.2020, «Хабаровские вести»).

Нелегальные точки розничной торговли, нарушение санитарных норм, реализация товаров ненадлежащего качества – эти темы регулярно поднимаются в публикациях (15.05.2016; 23.07.2018; 28.11.2020, «Тихоокеанская звезда»). Сообщается о создании спецприёмника для иностранных правонарушителей в Хабаровске, что формирует представление о массовом характере преступности среди мигрантов (28.06.2017, «Хабаровские вести»). При этом количество публикаций об аналогичных случаях нарушения законодательства среди российских граждан значительно меньше.

В период пандемии наблюдается рост преступности среди иностранных граждан, потерявших источник дохода (18.04.2020, «Солнечный меридиан»). В период до пандемии увеличение числа уголовных преступлений на 12 % также связывают с присутствием мигрантов (15.02.2018, «Наш город Амурск»).

В 38 % публикаций для обозначения лиц из ближнего зарубежья используется лексика с негативной эмоциональной коннотацией: гастарбайтер, незваный гость, инофон (о детях мигрантов), обезличенное «Ахмед» и «Джамшут». Обозначается позиция местного населения в отношении приезжих рабочих: «Население пугает и раздражает гуляние неприкаянных гастарбайтеров» (22.10.2015, «Хабаровские вести»).

4. Помощь в социально-культурной адаптации.

Среди статей, посвящённых теме трудовых мигрантов, небольшой процент (3 %) составляют публикации о мерах поддержки иностранных граждан. Освещается комплекс мероприятий, направленных на повышение социально-культурной адаптации мигрантов. Так, президентский грант получил проект «Голос улиц для мигрантов», в рамках которого осуществлён перевод на киргизский, таджикский, узбекский языки аудиотреков об истории строительства Хабаровска и традициях названия Хабаровских улиц. Целью проекта является знакомство иностранцев с историей и культурой края (29.09.2021, «Хабаровские вести»). Также встречается упоминание о проекте социальной адаптации мигрантов, направленном на рассмотрение в комиссию по культуре, межнациональным и межконфессиональным отношениям Общественной палаты Хабаровского края (21.07.2020, «Хабаровские вести»).

Освещается тема легализации трудовой деятельности мигрантов. Особое внимание уделяется факту того, что правительство края даёт возможность иностранным гражданам оформить законное пребывание на территории Российской Федерации даже в случае нарушения миграционного порядка. В результате более 5000 иностранцев воспользовались этой возможностью (16.09.2021, «Тихоокеанская звезда»).

Показана обратная сторона оттока мигрантов из Хабаровского края в силу пандемических ограничений: нехватка рабочей силы на объектах строительства; привлечение в силу этого российских работников, требующих высокую заработную плату; рост стоимости квадратного метра жилья в крае (12.03.2020, «Солнечный меридиан»).

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что региональные интернет-издания газет оказывают значительное влияние на формирование образа иностранного мигранта в сознании населения Хабаровского края. Анализируемые образы стереотипизированы. Отсутствуют женские образы, нет описания особенностей культуры, традиций, моральных ценностей мигрантов. В целом образы обезличены.

В изданиях нет публикаций с интервью самих мигрантов, описывающих мнение иностранных рабочих о сложившейся ситуации. Не представлены жизненные истории, проблемы и мотивы иностранцев для переезда в Хабаровский край. Таким образом, образ мигранта формируется только официальными источниками, с точки зрения руководящего аппарата края.

Под влиянием интернет-изданий в российском обществе формируется устойчивый образ мигранта как чужого, опасного, нежелательного субъекта. Интернет-издания создают негативное представление об определённых этнических группах, выделяя выходцев из стран СНГ. Тем самым происходит отчуждение, а не интеграция народов.

Минимальный процент публикаций раскрывает тему помощи краевых властей и общественных организаций в социально-культурной адаптации иностранных трудовых мигрантов.

Отсутствие позитивных образов и стереотипов создаёт риск разжигания межэтнических конфликтов. Трансляция негативных образов способствует формированию в сознании местного населения искажённого представления о мигрантах. Популяризация низкоквалифицированного труда приводит к трансформации ориентационных установок о престижности рабочих профессий.

Дальнейшие исследования образа мигранта в сознании населения Хабаровского края могут быть реализованы на материалах региональных телевизионных и печатных СМИ, а также данных опросов общественного мнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабков, Д. Р. Проблемы заселения Дальнего Востока России (по материалам региональной печати XIX В.) / Д. Р. Абабков, Ж. В. Петрунина // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности: материалы Всероссийской научной конференции, Комсомольск-на-Амуре, 28-29 января 2021 г. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2021. – С. 223-226.
2. Васильев, В. Е. Образ мигрантов в российских интернет-СМИ в период пандемии COVID-19 / В. Е. Васильев, К. В. Власова // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2020. – Т. 1. – № 3. – С. 44-51.
3. Гришина, А. В. Психологические особенности восприятия образа трудового мигранта в СМИ в молодёжной среде / А. В. Гришина // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 5-6. – С. 52-56.

4. Ивлева, И. В. Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа / И. В. Ивлева, А. В. Тавровский // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 149-165.
5. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 310 с.
6. Кащенко, А. С. Образ мигранта в представлениях населения приграничного региона (на примере Алтайского края) / А. С. Кащенко // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2019. – № 11. – С. 158-161.
7. Кузьмина, О. А. Право на социальное обеспечение как конституционная гарантia: особенности реализации / О. А. Кузьмина // Практика и проблемы реализации конституционных основ российского законодательства: сборник статей научно-практической конференции, Хабаровск, 25 января 2019 года / Хабаровский государственный университет экономики и права. – Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2019. – С. 24-26.
8. Новиков, Д. В. Настоящее и будущее российской политики: от диагноза к прогнозу / Д. В. Новиков // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 6 (59). – С. 11-13.
9. Усманова, З. Р. Образ мигранта в сознании российской молодёжи / З. Р. Усманова // Русская политология. – 2020. – № 1 (14). – С. 50-60.
10. Эбзеева, Ю. Н. Эволюция образа мигранта в современных российских телевизионных средствах массовой информации / Ю. Н. Эбзеева // Межкультурная коммуникация и проблемы толерантности (междисциплинарный подход): материалы Международной научной конференции, Ереван, 06-07 октября 2017 г. / под ред. А. С. Молчана. – Ереван: Издательский Дом – Юг, 2017. – С. 154-161.
11. Мигранты в России: эффект присутствия. Результаты исследования отношения россиян к мигрантам [Электронный ресурс] / 2021, ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/migranty-v-rossii-effekty-prisutstviya> (дата обращения: 21.10.2021).
12. О федеральной миграционной программе [Электронный ресурс] / Законодательство России. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 29.10.2021).
13. Международный отдел [Электронный ресурс] / ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2014-2021. – Режим доступа: <https://knastu.ru/international> (дата обращения: 02.11.2021).
14. О Хабаровском крае [Электронный ресурс] / Правительство Хабаровского края, 2004. – Режим доступа: <https://old.khabkrai.ru/about/division.html> (дата обращения: 01.11.2021).
15. Структура УМВД России по Хабаровскому краю [Электронный ресурс] / Сайт управления МВД России по Хабаровскому краю, 2021. – Режим доступа: https://27.xn--b1aew.xn--p1ai/umvd/Struktura_test (дата обращения: 02.11.2021).

Наливайко Т. Е.
T. E. Nalivayko

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

TRANSFORMATION OF THE UNIVERSITY SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и социальной работы Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27; тел. 8(4217)24-11-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia); 681013 Komsomolsk-on-Amur, Lenin str., 27; tel. 8(4217)24-11-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Аннотация. В статье рассматривается процесс трансформации социокультурной среды вуза как условие инновационного развития его социальных институтов и формирования новой идентичности университета как центра позитивных изменений.

Summary. The article examines the process of transformation of the university socio-cultural environment as a condition for the innovative development of its social institutions and the formation of a new identity of the university as a center of positive change.

Ключевые слова: социокультурная среда, культурное развитие, инновации, социальные институты.

Key words: socio-cultural environment, cultural development, innovation, social institutions.

УДК 008:378

В условиях тотальных изменений современного общества вузы продолжают выполнять роль основных пространств по поддержке культурных инициатив молодёжи, реализации её творческого потенциала, формированию гражданской позиции и социальной ответственности. Запрос общества на качественное изменение системы образования, его ценностной и смысловой направленности связан прежде всего с социально-экономическими особенностями развития самого общества на современном этапе, его культурной трансформацией. Акцент при подготовке молодёжи к успешной реализации себя в будущей профессиональной деятельности ставится не только на освоение собственно профессии, но и на необходимость организации в вузе социального взаимодействия участников образовательного процесса с целью формирования нового социокультурного типа личности, демонстрирующего высокий уровень профессионального развития, способного делать нравственный выбор в изменяющихся социокультурных условиях [6].

Современные вызовы окружающей действительности неизбежно приводят к трансформации социокультурной среды в обществе и в вузе как в части социума, а следовательно, к осознанной необходимости перестройки всей системы коммуникаций в целях обеспечения условий для овладения личностью навыками и умениями избирать эффективный способ гармоничного взаимодействия с окружающей средой, состоящей из большого количества различного рода слагаемых, скорость изменения и преобразование которых зависят от степени социокультурных изменений самой среды. В настоящий момент наиболее ценными представляются те компетенции личности, которые обеспечивают её социальное здоровье, динамичное культурное развитие, что в конечном счёте делает личность адаптированной к стремительно меняющейся социокультурной среде [3, 4]. Трансформация социокультурной среды выдвигает на первый план целый ряд вопросов и проблем, требующих осмыслиения обществом векторов развития самого современного общества, механизмов усиления социальной активности личности, выраженной в необходимости и желании

активного участия в решении социально-значимых проблем, умении находить действенные инструменты для их решения, осознании социальной значимости своих действий, готовности к саморазвитию и качественным позитивным изменениям.

Одной из главных задач высшего образования является подготовка эффективного перехода личности из образовательного в социокультурное пространство, что может быть достигнуто только в том случае, если образовательная и воспитывающая среды вуза существуют в их единстве и взаимосвязи. Система взаимоотношений личности и вуза зачастую выстраивается строго в соответствии со спецификой профессиональной подготовки обучаемых, вместе с тем в ситуации, когда внешняя социокультурная среда динамично трансформируется, в обществе появляется запрос на личность, легко интегрирующуюся в командный способ коммуникаций, личность с определённым набором лидерских и других социально значимых качеств, вузу необходимо провести перезагрузку собственной социокультурной среды и исходить из понимания и принятия того положения, что воспитание личности – это деятельность, направленная на организацию воспитывающей среды с целью создания условий для приобщения обучающихся к социокультурным и духовно-нравственным, общечеловеческим ценностям, полноценного развития, саморазвития и самореализации личности при активном участии обучающихся.

В социокультурной среде, претерпевающей позитивные изменения, содержательно наполненной, проникающейся потребностями и запросами человека к стремлению улучшения себя самого, творческого участия в жизни общества посредством различных форм коммуникаций, закрепляются способы адаптации личности к глобальным изменениям современного общества, появляются практические умения, позволяющие адекватно оценивать происходящее в обществе и моделировать пути дальнейших преобразований, что в свою очередь активизирует человека как сознательного субъекта позитивных социальных преобразований.

Укрепление субъектных позиций обучающихся в вузе, появление запроса на духовность и социальную ответственность, поиск новых смыслов и новых социальных институтов для личностной реализации и самовыражения представляются возможными в условиях трансформации социокультурной среды вуза, её преобразования в личностно ориентированное, персонифицированное пространство, которое выполняет следующие социально значимые функции: гуманистическую, аксиологическую, адаптивную, прогностическую, инклюзивную, интегративную, т.е. именно те функции, реализация которых продвинет личность к осознанию приобретаемой профессии и раскроет перспективы личностного и социального взросления.

Основу позитивных сдвигов в социокультурной среде вуза составляют нравственные, моральные установки, традиции и убеждения – фундамент понимания сущности человека, его развития и бытия. Высшие ценности личностно ориентированной социокультурной среды – ценность жизни и ценность человека как главный смысл человечества, заключающийся в том, чтобы жить и созидать, что соответствует приоритетной задаче государственной политики в Российской Федерации – формированию стройной системы национальных ценностей [8].

Рассматриваемые функции и установки реализовываются через различные социальные институты в многообразных моделях и формах взаимодействия субъектов социокультурной среды вуза: коллективно-командные и индивидуальные; формальные и неформальные; организуемые онлайн и офлайн. Исследование феномена социокультурной среды вуза позволило трактовать его как основное пространство и совокупность социальных и духовных условий, непосредственно окружающих обучающихся в образовательном пространстве [2]. Кроме того, социокультурная среда вуза рассматривается и как «единое социокультурное образовательно-воспитательное пространство, в социальных институтах которого доминируют демократические ориентации, цивилизованные моральные нормы, ценности здорового образа жизни» [9].

Социокультурная среда вуза характеризуется влиянием на различные стороны деятельности субъекта образования, обеспечивает сохранность и устойчивость культурных образований и поддерживает состояние готовности к позитивному изменению личности, а также закрепляет и преумножает знания, умения, компетенции, которые обеспечивают интеграцию обучающегося с окружающим миром, безбарьерное вхождение в социокультурное пространство общества в самом

широком смысле, характеризующемся такими свойствами, как структурированность, управляемость, конструированность, многофакторность. В исследованиях Л. И. Шумской [10] в жизненных ориентациях современных студентов находят отражение противоречия, характеризующие трансформирующееся общество: смена социальных ориентиров (гражданская активность, коллективизм), характерных для предыдущих поколений, на профессиональные и индивидуальностные (самореализация, здоровье, семья, друзья, материальное благополучие); жизненный прагматизм; падение социальной значимости труда. Как отмечает Л. И. Шумская [10], заметно актуализировалась в молодёжном мировоззрении ориентация на самостоятельное принятие решений, поиск своего жизненного пути. Всё это подтверждает актуальность функционирования социокультурной среды вуза, направленной на обеспечение необходимого уровня «социальной включённости» студентов и здорового их вхождения в современное общество.

Трансформация социокультурной среды вуза сопровождается позитивными личностными изменениями, характеризующимися гармоничностью, целостностью, равновесием личностных смыслов, деятельности, общения, места среди людей, образа жизни, что определяет гармоничное положение личности в обществе. Результатом позитивных изменений личности в обновлённом социокультурном пространстве выступают в том числе наличие у субъектов образования собственной позиции по отношению к событиям в жизни общества, стремление участвовать в социальных процессах, которые выражаются в социально-полезной и значимой деятельности. Достигнутые результаты социокультурного развития выражаются и актуализируются во всех сферах вузовской жизни: в учебной и научно-исследовательской, проектной деятельности; в общественной и культурно-творческой деятельности.

Ценность позитивно изменяющейся социокультурной среды вуза возрастает ещё и в связи с тем, что в этом личностно ориентированном пространстве у обучающихся появляются мотивы, цели, потребности, установки, а также формируется социальная направленность деятельности, стремление к саморазвитию, самосовершенствованию. При этом сама система подготовки в вузе стремится к самым высоким образовательным стандартам, приобретает универсальный характер, обеспечивает формирование компетенций специалиста как основы его профессионального и личностного роста. Система обучения выстраивается как процесс передачи социокультурных ценностей, реализация основных направлений развития вузовской экосистемы и образовательной политики, представляет собой процесс формирования эффективной социокультурной среды университета. В качестве основных задач процесса формирования социокультурной среды университета рассматриваются: создание благоприятной развивающейся атмосферы, создание системы социокультурного партнёрства; развитие инфраструктуры студенческих сообществ; реализация социокультурного потенциала учебно-научной работы; вовлечение в экосистему вуза деятелей науки и культуры, искусства, политики и права, работников других сфер социокультурной сферы. В качестве основных аспектов формирования социокультурной среды вуза выступают: поликультурный, лингво-культурологический, технологический. Преобразование социокультурной среды вуза обеспечивает переход на более высокую ступень личностного развития, формирование социоориентированного мировоззрения, толерантного сознания, системы ценностей, самовыражения в различных сферах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарединова, Э. Р. Формирование социокультурной среды в высшем учебном заведении: теоретический аспект / Э. Р. Зарединова // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2018. – № 4 (62). – С. 242-245.
2. Зотов, В. В. Социальная активность студенческой молодёжи как критерий формирования социокультурной среды вуза / В. В. Зотов // Вопросы культурологии. – 2009. – № 5. – С. 39-42.
3. Каширина, Н. М. Совершенствование социокультурной среды вуза, обеспечивающей формирование общекультурных и профессиональных компетенций выпускников вузов / Н. М. Каширина // Образование и наука в современных условиях. – 2015. – № 4 (5). – С. 165-170.
4. Кольцова, А. А. Социокультурное пространство в рамках современного вуза / А. А. Каширина // Альманах мировой науки. – 2017. – № 2-1. – С. 169-170.

5. Листвина, Е. В. Образовательная среда: социокультурный аспект / Е. В. Листвина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 474-477.
6. Наливайко, Т. Е. Воспитательная среда университета: возможности инновационного развития / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № II-2 (30). – С. 17-20.
7. Попов, А. Н. Социокультурное самоопределение студента в образовательной среде технического вуза: принципы, направления, индикаторы / А. Н. Попов, А. А. Хандричайлов, О. Ю. Малахова // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2020. – № 3 (74). – С. 90-94.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (с изменениями от 06 марта 2018 г.) [Электронный ресурс] / Президент России, официальный сайт. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 06.11.2021).
9. Шишлова, Е. Э. К вопросу о структуре социокультурно-ориентированной образовательной среды вуза / Е. Э. Шишлова // Перспективы науки. – 2019. – № 9 (120). – С. 169-172.
10. Шумская, Л. С. Современное студенчество: возрастные и социально-психологические особенности / Л. И. Шумская // Психология. – 2000. – № 3. – С. 3-11.

Новиков Д. В.
D. V. Novikov

«ВОРОНКА ПРИЧИННОСТИ» СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ ЛЕТА-ОСЕНИ 2020 ГОДА

«FUNNEL OF CAUSALITY» OF SOCIAL AND POLITICAL PROTESTS IN KHABAROVSK TERRITORY IN SUMMER-AUTUMN OF 2020

Новиков Денис Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(914)175-34-92. E-mail: novikovdeniska@rambler.ru.

Denis V. Novikov – PhD in Political Sciences, Associate Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Str., 27; tel. 8(914)175-34-92. E-mail: novikovdeniska@rambler.ru.

Аннотация. В настоящей статье исследуются причины социально-политического протesta в Хабаровском крае лета-осени 2020 года. Применяя в качестве исследовательского метода «воронку причинности», дополненную широко используемой в рамках марксистской философии диалектикой «всеобщего», «особынного», «единичного», автор разрабатывает собственную модель «воронки причинности» социально-политического протesta в Хабаровском крае лета-осени 2020 года. По мнению автора, данная модель «воронки причинности» включает в себя три сегмента: «всеобщее», «особенное», «единичное». Каждый из этих сегментов логическим образом взаимосвязан с двумя другими, а все вместе они составляют каузальное основание социально-политического протesta в Хабаровском крае лета-осени 2020 года.

Summary. This article examines causes of the social and political protest in the Khabarovsk Territory in the summer-autumn of 2020. Applying the «funnel of causality» as a research method, supplemented by the dialectic of the «universal», «special», and «singular» widely used in the framework of Marxist philosophy, the author develops his own model of the «funnel of causality» of social and political protest in the Khabarovsk Territory in summer-autumn of 2020. According to the author, this model of the «funnel of causality» includes three segments: «universal», «special», and «singular». Each of these segments is logically interconnected with the other two, and together they form the causal basis of the social and political protest in the Khabarovsk Territory in the summer-autumn of 2020.

Ключевые слова: социальный протест, «воронка причинности», модель, каузальность, «всеобщее», «особенное», «единичное», Хабаровский край, социальный конфликт, массовое поведение.

Key words: social protest, «funnel of causality», model, causality, «universal», «special», «singular», Khabarovsk Territory, social conflict, mass behavior.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Хабаровского края (соглашение № 46с/2021 от 23 июля 2021 г. на проведение научных исследований в области естественных, технических, гуманитарных и общественных наук). Тема проекта: «Феномен политического протesta в Хабаровском крае лета – осени 2020 года: построение «воронки причинности»».

УДК 316.485.22

В настоящий момент российское общество вошло в полосу социально-политической турбулентности. Её проявлением является нарастание уровня конфликтности во взаимоотношениях власти и различных по составу и численности групп социума, что, в свою очередь, приводит к участвовавшемуся возникновению протестных событий как на локальном, так и на региональном и федеральном уровнях.

Сама по себе конфликтность отечественной социально-политической жизни вовсе не является социально-политической девиацией, поскольку конфликт как таковой – часть нормы политической жизни любого демократического общества. Однако увеличение числа конфликтов, протекающих в неконвенциональных (незаконных и неприемлемых для общества и государства) формах,

является социально-деструктивным явлением, поскольку несёт в себе негативный потенциал и приводит к явным деструктивным последствиям как для общества в целом, так и для различных составляющих его социальных групп.

При всей важности и актуальности решения задачи по изучению социально-политических конфликтов, возникающих в российском обществе, и в первую очередь конфликтов, протекающих в неконвенциональных формах, следует констатировать тот факт, что современная отечественная социально-гуманитарная наука явно с ней не справляется. При всём обилии соответствующей литературы крайне мало работ, посвящённых не описанию тех или иных протестных явлений, а выявлению их закономерностей, и в первую очередь закономерностей каузального (причинного) характера.

Всё вышеуказанное актуализирует тему, связанную с разработкой теоретических моделей, позволяющих выявлять комплекс причин и их взаимосвязи, лежащие в основе явлений социально-политического (и в первую очередь неконвенционального) протеста.

9 августа 2020 года в Хабаровском крае произошло важное событие – был публично арестован глава региона С. И. Фургал. Данное событие стало триггером протестной кампании, которая проходила в Хабаровском крае на всём протяжении второй половины лета – осени 2020 года.

Указанное событие (протестная кампания лета-осени 2020 года) явилось «чёрным лебедем». Оно застало врасплох не только региональную (и федеральную) управленческую элиту, но главным образом стало абсолютной неожиданностью для представителей социально-гуманитарной области научного знания, занимающихся описанием и исследованием как российской политики в целом, так и её хабаровского «измерения» в частности. Последовавшие позднее попытки некоторых исследователей-гуманитариев объяснить каузальность данного «чёрного лебедя» являются, на наш взгляд, ретроспективной рационализацией, т.е. попросту объяснением «задним числом».

Подобная несостоительность современной социально-гуманитарной науки, её неспособность чётко, ясно и конкретно прогнозировать подобные события, а также неспособность чётко, ясно и конкретно предсказывать их последствия являются серьёзными проблемами, поскольку, на наш взгляд, именно качество реализации наукой своей прогностической функции является тем индикатором, который характеризует степень её зрелости и теоретической дееспособности. И в особенности данное суждение актуально для современной – постнеклассической – науки, в которой, как известно, именно связь с практикой является показателем её теоретической зрелости и общественной значимости.

В настоящей статье нами предпринимаются попытка систематизации каузальных оснований протестов, происходивших в Хабаровском крае летом-осенью 2020 года, и построение на этой основе модели «воронки причинности», в рамках которой отдельные каузальные основания (причины) рассматриваются не в качестве рядоположенных элементов, а качестве обусловленных по линии «причина-следствие» обстоятельств.

Теоретико-методологической основой нашего исследования является синтез широко применяемой в современной социально-политической науке модели «воронки причинности» и используемой в рамках марксистской теории диалектики «всеобщего», «особенного» и «единичного». Итогом соединения данных методов явилась «воронка причинности» Хабаровских протестов лета-осени 2020 года.

Как известно, модель «воронки причинности» является важным и широко используемым в социально-политической области научного познания методом. Впервые данная модель была предложена в 1960 году американскими исследователями, представителями Мичиганской школы, в качестве методологического инструмента, позволяющего систематизировать множество факторов, обуславливающих электоральное поведение. Сама «воронка причинности» представляла собой последовательность связанных причинно-следственных факторов, детерминирующих конкретный электоральный выбор избирателя (см. рис. 1). В свою очередь, сужение «воронки» определялось фактом отсечения различных последствий, не оказывавших влияние на «итоговое событие» – голосование за того или иного кандидата.

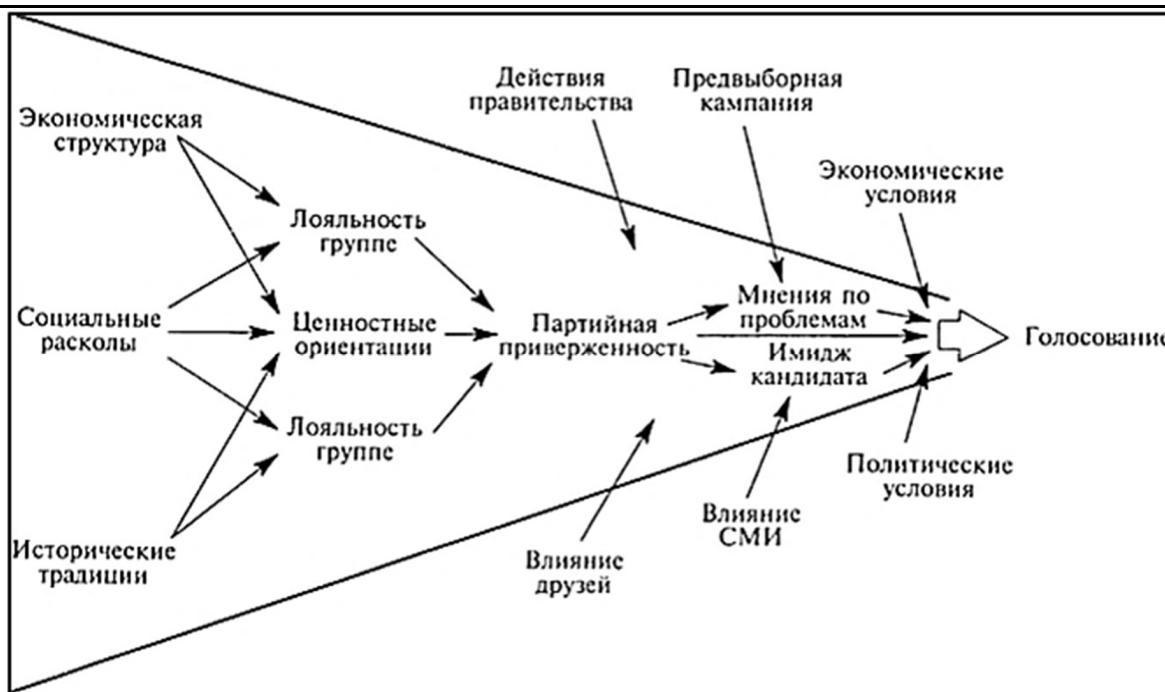

Рис. 1. Модель «воронки причинности» [7, 443]

Теоретики «воронки причинности», описывая сущность своей модели, отмечали следующее: «Представим себе, что ось воронки – это временное измерение. События понимаются так, как если бы они следовали одно за другим в сходящейся последовательности причинных цепей от основания к стержню воронки... Большинство сложных событий в воронке является результатом множества предшествующих причин. В свою очередь, каждое из таких событий влияет на многочисленные последствия, однако фокус нашего внимания сужается по мере приближения к зависимой переменной поведения. Мы постепенно исключаем те последствия, которые перестают оказывать влияние на политическое действие. Поскольку мы вынуждены рассматривать все частные причины как существенные в каждый отдельный момент, имеющих для нас значение последствий намного меньше, чем их причин. Результатом является эффект конвергенции, схождения в одной точке» [7, 442].

Достоинством модели «воронки причинности», разработанной представителями Мичиганской школы, является рассмотрение каузальных оснований того или иного социально-политического события не просто в качестве рядоположенных, а в качестве явлений, связанных причинно-следственной зависимостью. Данная методологическая особенность модели «воронки причинности», на наш взгляд, имеет особую значимость именно в исследовании событий, имеющих поликаузальную природу (какими и являются события социально-политического характера).

Вместе с этим, как и любая модель, классическая «воронка причинности» представляет собой определённое упрощение реальности, а следовательно, обладает определёнными недостатками. На наш взгляд, таких недостатков два.

Первым из них является доминирующая в данной модели темпоральная логика рассмотрения каузальных оснований. Доминирующая темпоральность модели «воронки причинности» проявляется в рассмотрении комплекса каузальных оснований как конкретных фактов, находящихся в единой временной последовательности и расположенных в порядке приближения к основному событию. В связи с этим появляется возможность возникновения классической логической ошибки «post hoc ergo propter hoc» («после этого – значит по причине этого»), когда временная связь явлений трактуется в качестве причинно-следственной.

Второй недостаток классической «воронки причинности» связан с вытекающей из неё возможностью неограниченного постулирования каузальных оснований основного события. По-

скольку критерием включения того или иного факта в «воронку причинности» является его отношение в той или иной степени к основному событию, «временной горизонт» воронки принципиально ограничивается лишь диспозицией конкретного исследователя.

Указанные недостатки классической модели «воронки причинности», по нашему мнению, позволяет устранить обращение к используемой в марксистской теории диалектике «всеобщего», «особенного» и «единичного». Наиболее обстоятельным философским исследованием диалектики «всеобщего», «особенного», «единичного» является работа советского философа А. П. Шептулина «Диалектика единичного, особенного и общего» [17]. Применительно к проблеме причинности в общественной сфере (истории) диалектика «всеобщего», «особенного», «единичного» подробно исследуется в работе советского юриста и философа А. К. Черненко «Причинность в истории» [16].

Как известно, в рамках марксистской диалектики цель научного познания связана не с фиксацией видимости («кажимости») явлений, но с выявлением их сущностных характеристик [9, 30]. Рассмотрение отдельного явления в качестве синтеза его «всеобщих», «особенных», «единичных» характеристик представляет собой реализацию лежащего в основе материалистической диалектики принципа всеобщей взаимосвязи. При этом данные стороны явления рассматриваются не изолированно друг от друга («всеобщее есть только всеобщее», «особенное есть только особенное», «единичное есть лишь единичное»), когда отдельное предстаёт в качестве их «арифметической суммы», а взаимосвязано. В результате «всеобщее» предстаёт в качестве основания для «особенного», содержащего в себе лежащие в основе последнего закономерности. «Единичное» же, в свою очередь, представляет собой конкретизацию опосредованных «особенным» всеобщих закономерностей. Именно в такой логике диалектика «всеобщего», «особенного» и «единичного» использовалась нами в целях исследования каузальных оснований отдельных элементов современного отечественного политического процесса [10].

Применение в качестве методологического принципа диалектики «всеобщего», «особенного» и «единичного» применительно к выявлению каузальных оснований тех или иных явлений социально-политической жизни позволяет преодолеть ранее указанные затруднения, возникающие при использовании классической «воронки причинности». Так, во-первых, отказ от темпоральной (исторической) диспозиции рассмотрения каузальности и замена её логической диспозицией позволяют снять саму возможность допущения логической ошибки *«post hoc ergo propter hoc»*. А во-вторых, использование триады «всеобщее-особенное-единичное» снимает проблему возможного неграниченного постулирования каузальных оснований того или иного события.

В связи с вышеуказанным нами и была предпринята попытка создания модели «воронки причинности», включающей «всеобщие», «особенные» и «единичные» каузальные основания социально-политических протестов в Хабаровском крае лета-осени 2020 года.

Тема хабаровских протестов лета-осени 2020 года в настоящее время не является достаточно разработанной в социально-политических науках. Так, например, поисковые запросы по теме протестов в Хабаровском крае 2020 года, сделанные в научной электронной библиотеке Elibrary, выдают среди множества работ всего 11 научных публикаций [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 11; 12; 14; 15], посвящённых в той или иной степени данной тематике.

Среди указанных публикаций, посвящённых социально-политическому протесту в Хабаровском крае лета-осени 2020 года, лишь в пяти из них в той или иной степени рассматривается вопрос о его причинных основаниях [1; 2; 11; 12].

Анализ указанных публикаций позволяет выделить четыре теоретические позиции, занимаемые исследователями в отношении причинных оснований протестов в Хабаровском крае лета-осени 2020 года.

Первая из них связана с выделением в качестве базовой причины хабаровских протестов проблем социально-экономического характера [1; 15]. В данном случае, следуя логике социально-экономического детерминизма, исследователи рассматривают факторы экономического порядка в качестве главной причины протестной активности в Хабаровском крае, происходившей летом-осенью 2020 года. Так М. С. Танцура и Д. А. Чухломин в своей статье отмечают следующее: «В последние годы исследователи заявляют о серьёзном повышении протестной активности в России и связывают

её рост прежде всего с ухудшением экономической ситуации в стране, состоянием государственной социальной политики, высоким уровнем коррумпированности и отсутствием чёткого диалога «власть – общество». Граждане неудовлетворены кризисным состоянием экономики, ростом цен на продовольственные товары и топливо для автомобилей, падением доходов населения, проблемами в сфере ЖКХ, несвоевременными выплатами заработной платы, сокращением рабочих мест, ростом безработицы, некачественно оказываемыми медицинскими услугами, недостаточно высоким уровнем социальной защищённости, недальновидными реформами и так далее» [15, 42].

Вторая теоретическая позиция, занимаемая по отношению к причинам хабаровских протестов, связана с акцентированием внимания на их социально-психологической каузальности [12]. По мнению данных исследователей, «социально-экономические факторы при формировании протестных настроений являются второстепенными по отношению к социально-психологическим, при том что именно экономические причины называются чаще всего как главные источники недовольства в ходе проведения фокус-групп в Хабаровском крае» [12, 171]. Особый интерес представляет замечание указанных авторов о более активном участии женщин нежели мужчин в протестах, что в определённой мере является подтверждением преимущественной социально-психологической («эмоциональной») детерминации хабаровских протестов [12, 171].

Третья теоретическая позиция в отношении хабаровских протестов 2020 года основана на выделении в качестве их главной причины обстоятельств политического характера [11]. По мнению исследователя, прошедшие в 2018 году выборы губернатора Хабаровского края носили «опрокидывающий» характер. Их результатом стала смена «партии власти» Хабаровского края, когда место «Единой России» заняла Либерально-демократическая партия России (ЛДПР). Данный политический факт (и прежде всего избрание на пост главы региона С. И. Фургала) был негативно воспринят федеральной властью, что в итоге и привело к аресту последнего и, как следствие, к протестам [11, 2072-2073].

Наконец, четвёртая теоретическая позиция [2], связанная с осмыслением причинных оснований хабаровских протестов, в логическом смысле (но не в историческом) является обобщением трёх предыдущих теоретических позиций. Её сторонники в своей достаточно объёмной публикации анализируют различные обстоятельства, детерминировавшие протесты в Хабаровском крае лета-осени 2020 года. По их мнению, основной причиной протестов явилось «посягательство» федеральной власти на идентичность жителей Хабаровского края («коллективное политическое тело»), выразившееся в аресте С. И. Фургала. В свою очередь, данная идентичность была сформирована протестным голосованием на выборах губернатора Хабаровского края, когда вопреки воле федеральной власти победу одержал С. И. Фургал. Указанные исследователи следующим образом описывают данную ситуацию: «В результате протестного голосования 2018 года в Хабаровском крае возникло нечто отсутствовавшее на протяжении всего постсоветского периода – коллективное политическое тело. Сложилась идентичность в масштабах региона... После “отъёма собственности” (ареста Фургала), не имея возможности воплотить себя в легальных формах, точнее, осознавая утрату этой возможности, коллективное политическое целое вышло на улицу» [2, 127].

По существу, вышеобозначенные исследователи (Л. Е. Бляхер и А. В. Ковалевский) рассматривают каузальные основания хабаровских протестов 2020 года как цепочку взаимосвязанных обстоятельств (социально-экономические проблемы Хабаровского края, «опрокидывающие» выборы 2018 года, формирование региональной идентичности, арест С. И. Фургала), которые в конечном счёте их и запустили.

На наш взгляд, конкретным событием («отдельным»), каузально детерминировавшим протесты в Хабаровском крае лета-осени 2020 года, стал произошедший 9 июля 2020 года арест губернатора Хабаровского края С. И. Фургала. Данное конкретное событие как «отдельное» представляет собой диалектическое взаимодействие «всеобщего», «особенного» и «единичного», в совокупности образующее соответствующую «вронку причинности» хабаровских протестов. В рамках данной вронки все три указанных элемента – «всеобщее», «особенное», «единичное» – обладают взаимосвязью. «Всеобщее» находит своё выражение в «особенном», порождая его. В свою очередь «осо-

бенное» выражается в «единичном». В результате этого и возникает как таковая «воронка причинности», структурно состоящая из трёх сегментов: «всеобщего», «особенного», «единичного» causalных оснований хабаровских протестов лета-осени 2020 года.

«Всеобщим» сегментом «воронки причинности» протестов в Хабаровском крае лета-осени 2020 года явился арест С. И. Фургала как одного из руководителей российских регионов.

Сам по себе арест действующего руководителя российского региона не является экстраординарным событием. Так, с 1996 года уголовные дела были возбуждены в отношении 34 региональных руководителей, в том числе в отношении 19 глав регионов. За последнее же десятилетие было возбуждено 6 уголовных дел в отношении действующих губернаторов [13]. При этом ни в одном регионе, за исключением как раз Хабаровского края, масштабных социальных протестов не произошло. Более того, арест бывшего (и достаточно популярного) губернатора Хабаровского края В. И. Ишаева, произошедший 29 марта 2019 года, не привёл к возникновению социального протеста в регионе.

Однако арестованный 9 июля 2020 года С. И. Фургал являлся не типичным, а особым руководителем российского региона. Победив на губернаторских выборах 2018 года инкумбента В. И. Шпорта, С. И. Фургал, по существу, получил статус «народного губернатора» Хабаровского края, аккумулировавшего значительный ресурс репутационной поддержки со стороны жителей региона. В дальнейшем репутационный ресурс С. И. Фургала стал причиной полного переформатирования партийно-политического пространства в регионе, когда по итогам состоявшихся в 2019 году выборов в Законодательную Думу Хабаровского края (а также в городские думы Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре) место «Единой России» как «партии власти» заняла ЛДПР.

По нашему мнению, вышеуказанный «особенный» статус С. И. Фургала составляет «особенный» сегмент «воронки причинности» протестов в Хабаровском крае лета-осени 2020 года.

Наконец, «единичным» сегментом «воронки причинности» хабаровских протестов является, по нашему мнению, сама форма задержания С. И. Фургала. Продемонстрированные по центральному телевидению кадры достаточно жёсткого задержания стали триггером, вызвав массовую фрустрацию у жителей Хабаровского края, которая, в свою очередь, и запустила механизм социально-политического протеста в Хабаровском крае.

Нам представляется, что в данном случае причинную значимость имели именно публично продемонстрированные кадры задержания и последующего этапирования в Москву С. И. Фургала, которые были «считаны» жителями Хабаровского края как похищение федеральной властью «народного губернатора». Красноречивым подтверждением данного тезиса являются следующие слова, сказанные одной из участниц хабаровских протестов: «Мы взяли и выбрали себе губернатора... А они взяли и решили, что так не пойдёт, плевать нам на то, что они там думают, **приедем и заберём** (выделено – Н.Д.), захватим обратно власть. А мы чего? Должны просто дальше сидеть? Нет, так не пойдёт, вот мы и вышли требовать своего» [2, 112].

Таким образом, «воронка причинности» детерминировавшая социальный протест в Хабаровском крае лета-осени 2020 года представляет собой целостность, состоящую из трёх взаимосвязанных сегментов: «всеобщего» – ареста регионального руководителя С. И. Фургала; «особенного» – ареста «народного губернатора» Хабаровского края С. И. Фургала; «единичного» – демонстративно жёсткого задержания «народного губернатора» Хабаровского края С. И. Фургала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байков, Н. М. Социальная активность жителей городского округа: политическая и гражданская самоорганизация / Н. М. Байков, Ю. В. Березутский, Е. Ю. Юревич // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – № 1 (94). – С. 128-138.
2. Бляхер, Л. Е. Что это было? (Предварительная рефлексия о хабаровских митингах) / Л. Е. Бляхер, А. В. Ковалевский // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2020. – № 4 (99). – С. 108-136.
3. Базовые тенденции трансформации массовых политических протестов в РФ (2020-2021) / Е. В. Бродовская, М. А. Давыдова, А. А. Донцов, А. С. Хардикова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 2. – С. 45-58.

4. Бродовская, Е. В. Пролонгированные политические протесты в России и Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа / Е. В. Бродовская, М. А. Давыдова, Е. А. Ерёмин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 6-13.
5. Гулевич, О. А. Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае / О. А. Гулевич, В. В. Гусева // Социальная психология и общество. – 2021. – Т. 12. – № 3. – С. 9-22.
6. Иванов, Р. В. Виртуализация социальных протестов на примере Хабаровского края / Р. В. Иванов / Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Международной научно-практической конференции, Иркутск, 21 сентября 2020 г. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. – С. 388-391.
7. Ильин, М. В. Воронка причинности: от эмпирической модели к формированию парадигмы многослойной причинности / М. В. Ильин // Метод. – 2015. – № 5. – С. 442-451.
8. Карапов, Д. П. Дискурс протеста и динамика социальной напряжённости в Хабаровском и Приморском краях в 2020 г. (по материалам интернет-сообществ) / Д. П. Карапов / Актуальные проблемы науки и техники: сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. – Уфа: Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. – С. 208-212.
9. Мальцева, Е. А. Типология познания: концепция многообразия видов / Е. А. Мальцева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № III-2 (39). – С. 29-36.
10. Новиков, Д. В. Политический монополизм в современной России / Д. В. Новиков. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. – 300 с.
11. Пацеля, Я. С. Протесты в Хабаровском крае: анализ и прогноз развития политической ситуации / Я. С. Пацеля // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11. – № 7 (76). – С. 2072-2076.
12. Печенкин, Н. М. Протестные общественно-политические настроения жителей Дальнего Востока в 2020 году (на примере Хабаровска, Владивостока, Благовещенска) / Н. М. Печенкин, К. И. Неткачев // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – Т. 11. – № 4. – С. 169-175.
13. Случай задержания российских губернаторов [Электронный ресурс] / Информационное агентство России ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/10957203> (дата обращения: 02.11.2021).
14. Соколов, А. В. Особенности политической демобилизации граждан в современной России / А. В. Соколов, А. В. Палагичева // Вестник Пермского университета. Политология. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 82-95.
15. Танцура, М. С. Динамика протестной активности в регионе (на примере Дальневосточного федерального округа) / М. С. Танцура, Д. А. Чухломин // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 6 (95). – С. 41-45.
16. Черненко, А. К. Причинность в истории / А. К. Черненко. – М.: Мысль, 1983. – 204 с.
17. Шептулин, А. П. Диалектика единичного, особенного и общего / А. П. Шептулин. – М.: Высшая школа, 1973. – 272 с.

Петрунина Ж. В.
Z. V. Petrunina

КИТАЙСКАЯ ОБЩИНА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУБЫ

CHINESE COMMUNITY IN THE CULTURAL SPACE OF CUBA

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.
Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Cultural Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы складывания и существования китайской общины на территории Кубы начиная с середины XIX столетия. Подвергнуты анализу исторические условия появления китайцев на острове, проанализирована специфика жизни представителей Китая на Кубе с середины XIX по начало XXI вв., изучен вклад китайских кубинцев в развитие межкультурного диалога. Выявлено, что китайско-кубинское взаимодействие имеет богатые традиции и активно развивается на современном этапе. Определено, что на численность китайской общины на Кубе оказали влияние политические факторы, связанные с революцией 1959 г. Отмечено, что в современных условиях число представителей Китая на Кубе увеличивается. В статье анализируются механизмы взаимодействия, апробированные китайскими кубинцами в первой половине XX в. Подчёркивается, что китайская община на Кубе может выступить в качестве инструмента культурной дипломатии Китая в странах латиноамериканского региона.

Summary. The paper deals with the formation and existence of the Chinese community in Cuba since the middle of the 19th century. The historical conditions of the Chinese appearance on the island are analyzed, the specifics of the life of Chinese representatives in Cuba from the middle of the 19th to the beginning of the 21st centuries are considered, the contribution of Chinese Cubans to the development of intercultural dialogue is studied. It was revealed that the Sino-Cuban interaction has rich traditions and is actively developing at the present stage. It is determined that the size of the Chinese community in Cuba was influenced by political factors associated with the revolution of 1959. It is noted that in modern conditions the number of representatives of China in Cuba is increasing. The article analyzes the mechanisms of interaction tested by the Chinese Cubans in the first half of the 20th century. It is emphasized that the Chinese community in Cuba can act as an instrument of China's cultural diplomacy in the countries of the Latin American region.

Ключевые слова: китайская община, Куба, культурная дипломатия, межкультурный диалог.

Key words: Chinese community, Cuba, cultural diplomacy, intercultural dialogue.

УДК 94

В современном мире особая роль отводится культурной дипломатии. Одним из первых термин «культурная дипломатия» был введён в научный оборот американским исследователем Ф. Баргхорном. По мнению учёного, культурная дипломатия является манипуляцией культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях [8, 353].

Впоследствии термин подвергался корректировке и рассматривался специалистами в качестве инструмента, применяемого государствами «для использования культурного влияния в международной политике» [10] или механизма, включающего «обмен идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания» [1, 48]. Предлагаемые интерпретации свидетельствуют об особом внимании мировых лидеров к культурной дипломатии и стремлении использовать её для укрепления межкультурного общения в различных форматах.

В XXI в. Пекин активно рассматривает культурную дипломатию для продвижения своих интересов на международной арене. В 2004 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао на IV Пленуме ЦК КПК 16-го созыва поставил задачу экспорта китайской культуры, а в 2007 г. лидер страны, выступая с докладом на XVII съезде КПК, выдвинул предложения по расширению культурных обменов и повышению статуса китайской культуры в мире. Одним из перспективных направлений реализации культурной дипломатии Китая является регион Карибского бассейна [6].

Миграция выходцев из Китая в страны Карибского бассейна началась ещё в XIX в., когда британцы, рассчитывая заменить труд рабов на плантациях сахарного тростника, стали завозить на острова китайских и индийских рабочих [9]. Постепенно переселенцы образовали китайские диаспоры (хуацяо), которые вплоть до настоящего времени выступают проводником культурной дипломатии в регионе [7, 140].

Кубинские китайцы являются одной из крупных китайских диаспор в странах Карибского бассейна. Формирование китайского мира на острове было связано с потрясениями, охватившими Китай в первой трети XIX в., и экономическими задачами, которые ставили перед собой британские колониалисты. Переселение жителей Поднебесной на Кубу началось в 1847 г. С одной стороны, причины активного переезда из цинской империи были связаны с первой опиумной войной и последующим за ней кризисом, с другой – развитие сахарной промышленности на Кубе в XIX в. актуализировало спрос на рабочую силу. В середине XIX в. почти сто тысяч китайцев из Гонконга, Макао, Тайваня и районов материкового Китая были привлечены к труду на плантациях сахарного тростника и заключили контракт сроком на 8 лет. В основном это были ремесленники, предприниматели и врачи, которым было чуть больше двадцати лет. Они были смелыми, уверенными в себе, с сильной единой культурной самобытностью. Прибывавшие китайцы не подозревали о суровых условиях жизни и работы, которые встретят их на острове [13]. На Кубе они получили уничижительное наименование «кули». Юридически китайцы считались белыми и не имели трудового стажа. В реальности их положение было близко к рабскому.

Период свободной эмиграции китайцев на Кубу начался после заключения в 1877 г. специальной конвенции между Китаем и Испанией. В целях недопущения закрепления китайских мужчин существовал запрет на миграцию китайских женщин на Кубу. В 1861 г. из 34 834 китайцев на Кубе было лишь 57 женщин [4, 62]. Правовые и социальные ограничения способствовали созданию браков между китайскими мужчинами, порабощёнными по контракту, и порабощёнными африканскими и коренными кубинскими женщинами: мужчина покупал свободу женщины, а затем женился и создавал с ней семью. На Кубе появилось большое количество детей от подобных смешанных браков. Ассимиляция людей и культур привела к смешению религиозных верований и практик.

По истечении срока контракта часть рабочих из Поднебесной смогла остаться на Кубе. Конкуренция с индийцами в сельском и плантационном хозяйстве заставила оставшихся на Кубе китайцев искать возможности развития собственного бизнеса. С 1860-х гг. на Кубе стали появляться первые иммиграントские организации, образованные китайцами. К концу XIX в. уже существовало 39 организаций, 9 из которых располагались в Гаване. В основу объединения был положен клановый принцип.

С 1874 г. центром для иммигрантов из Поднебесной стал район Гаваны между улицами Calle Zanja и Calle de los Dragones, известный как Баррио Чино. Гаванский Чайна-таун занимал площадь 44 м² и долгое время являлся одним из крупных в Латинской Америке. Китайцы получили возможность открывать прилавки с фруктами и овощами, магазины, прачечные, ресторанчики, кафе и школы. Они продолжали идентифицировать себя с китайской культурой и китайским языком. С 1893 г. объединяющим местом прибывавших из Китая мигрантов стало казино Chung Wah, головной офис которого размещался в Гаване. Казино выполняло разные функции, включая и обеспечение финансовой помощи переселенцам, прибывавшим из Китая на Кубу.

В последующие годы китайская миграция на Кубу продолжалась. В начале XX в. в Баррио Чино проживали около 10 000 китайцев, активно занимаясь предпринимательской деятельностью. В 1917 г. кубинским руководством был опубликован декрет № 1707, разрешавший иммиграцию на

Кубу. Китайское консульство в Гаване перевело этот документ на китайский язык, издало его отдельной брошюкой и рекомендовало распространить текст среди родственников, проживавших в Китае [4, 58]. В 1920-е гг. на остров прибыло ещё 30 000 китайских мужчин. Постепенно в Гаване стали появляться представительства китайских шёлковых фабрик, кинотеатры и театр для азиатских оперных спектаклей. Кубинский Чайна-таун имел свою торговую палату, которая функционировала по принципу фондовой биржи. Для представителей розничной торговли издавался двуязычный журнал «Fraternidad» («Братство»). К середине XX в. на Кубе функционировало около 60 различных торговых ассоциаций.

В период с 1930-х по 1960-е гг. на кубинском радио широкой популярностью пользовались музыкальные передачи концертов китайской музыки. Выходили и новостные программы на кантонском языке, в которых большое внимание уделялось вопросам гражданской войны в Китае 1946-1949 гг. и её итогам. Большинство передач оплачивались китайскими торговцами, ведущими бизнес на Кубе. Официальное вещание на китайском языке прекратилось с приходом Фиделя Кастро к власти в 1959 г. Представители кубинских китайцев предприняли попытку создать независимую радиостанцию *Cadena Oriental de Radio* во главе с Мануэлем Чионг Ли, однако этот проект спустя 4 месяца был закрыт [12].

Китайцы принимали участие в кубинской революции (1959 г.), выступая на стороне революционеров. В июне 1960 г. между Китаем и Кубой были установлены дипломатические отношения. Первым послом Китая на Кубе стал Ценг Тао (Ceng Tao).

Поскольку в ходе революции были национализированы частные предприятия, началось сокращение китайцев на Кубе. Китайцы обосновывались в США (в районе Флориды и Пуэрто-Рико), в Доминиканской Республике и других странах Латинской Америки. К демографическим проблемам, связанным с сокращением притока переселенцев из Китая с 1930-х гг. и естественным старением оставшихся на Кубе китайцев, добавился и политический фактор. В результате в районе Баррио Чино число китайских кубинцев сократилось. В 1980 г. на Кубе проживало лишь 4000 китайцев, а к 2002 г. их осталось только 300 [3].

В конце XX в. кубинское правительство выступило с инициативой восстановления Чайна-тауна в Гаване, которая была поддержана руководством КНР. В 1999 г. на гаванской улице *de Los Dragones* были открыты декоративные ворота (пайфан) «Ворота Дружбы», реставрация которых проводилась при финансовой поддержке китайского правительства.

Китайская кубинская община стала постепенно восстанавливаться, возрождая традиции своего народа, многие из которых получили популярность у жителей Кубы. К примеру, в свадебных и похоронных мероприятиях кубинцы широко используют китайский кларнет (сону).

В 1993 г. в Гаване была открыта школа китайского языка и искусств «Escuela de la Lengua y Artes China». Занятия в этой школе помогли китайским кубинцам восстановить знания или начать изучение родного языка.

Оставшиеся на Кубе китайцы вновь празднуют национальный новый год, отмечают годовщину прибытия своих предков на остров [2]. В эти дни на праздничный стол подаются блюда традиционной китайской кухни. В числе популярных возрождаемых развлечений – демонстрация навыков китайских боевых искусств и исполнение танцев Дракона и Льва, последний из которых с 1937 г. исполняется на знаменитом Гаванском карнавале [11]. В крупных кубинских городах становится больше китайских салонов красоты, продуктовых магазинчиков и небольших ресторанов с аутентичными блюдами.

Необходимо отметить, что проводимая политика представляет интерес и для кубинцев китайского происхождения. Многие из них ведут поиск своих предков и стремятся восстановить историческое наследие своих предшественников на Кубе. Использование потенциала китайских кубинцев является важной составляющей при реализации культурной дипломатии Китая. Китайская диаспора может рассматриваться Пекином как перспективный инструмент сохранения национальной идентичности для будущих поколений соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зонова, Т. В. Дипломатия: наука и искусство / Т. В. Зонова // Дипломатический вестник. – 2000. – № 10. – С. 47-50.
2. Китайская диаспора на Кубе встречает Новый год и отмечает 49-ю годовщину победы в Кубинской революции [Электронный ресурс] / Жэньминь жибао онлайн. 02.01.2008. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31520/6331049.html> (дата обращения: 11.10.2021).
3. Китайский квартал. Гавана [Электронный ресурс]. / Visitar Cuba. – Режим доступа: <https://www.visitarcuba.ru> (дата обращения: 11.10.2021).
4. Крюков, М. В. Клановые общества китайцев-иммигрантов на Кубе в первой половине XX в. [Электронный ресурс] / М. В. Крюков. – Режим доступа: https://journal.iea.ras.ru/archive/1970s/1977/no2/1977_2_055_Krykov.pdf (дата обращения: 11.10.2021).
5. Мусалитина, Е. А. Влияние глобализации на трансформацию китайской национальной культуры / Е. А. Мусалитина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № 8 (48). – С. 47-51.
6. Петрунина, Ж. В. Карибский вектор китайских интересов / Ж. В Петрунина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы X международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, 02 – 04 июня 2020 г.). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. – С. 918-922.
7. Цвик, Г. И. Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) / Г. И. Цвик // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2018. – Т. 10. – № 2. – С. 135-144.
8. Barghoorn, F. C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy / F. C. Barghoorn. – Princeton, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1960. – 1960. – 362 p.
9. Eveline Chao. The Caribbean-Americans Searching for Their Chinese [Электронный ресурс] /Atlas Obscura. 22.05.2018. – Режим доступа: <https://www.atlasobscura.com/articles/chinese-caribbean-american-hakka-conference> (дата обращения: 11.10.2021).
10. Ninkovich, Frank A. The Diplomacy of Ideas, U.S. Foreign Policy and Cultural Relations, 1938-1950 / Frank A. Ninkovich. – New York: Cambridge University Press. 1981. 851 p.
11. Las tradiciones de los Chinos en Cuba [Электронный ресурс] / Chinos de Cuba. Presencia China en Cuba, a partir de sus Tradiciones e Historia. 27.05.2010. – Режим доступа: <http://chinosdecuba.blogspot.com/2010/05/> (дата обращения: 11.10.2021).
12. Los Chinos en la Radio Cubana [Электронный ресурс] / Chinos de Cuba. Presencia China en Cuba, a partir de sus Tradiciones e Historia. 03.10.2010. – Режим доступа: <http://chinosdecuba.blogspot.com/2010/09/los-chinos-en-la-radio-cubana.html#comment-form> (дата обращения: 11.10.2021).
13. Tsang, Martin A. Chinese Influences on Life and Religion in Cuba [Электронный ресурс] / Martin A. Tsang. – Режим доступа: <https://cuba.miami.edu/people/chinese-influences-on-life-and-religion-in-cuba/> (дата обращения: 11.10.2021).

Тимофеева И. Ю.
I. Yu. Timofeeva

ФЕНОМЕН ПАРТИЦИПАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

THE PHENOMENON OF PARTICIPATION IN MODERN CULTURE

Тимофеева Ирина Юрьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: irina_tomoffeева@mail.ru.

Irina Yu. Timofeeva – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: irina_tomoffeева@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена партиципации в современной культуре. Систематизируются основные черты партиципативных практик (роли автора и потребителя культуры, характер коммуникации, особые рецепции культурного продукта, эстетизация социального взаимодействия, акцентирование аффектации и др.), которые не только присущи онлайн-сообществам, но и распространяются на традиционные формы культуры. Широкое распространение форм партиципативной культуры репрезентативно представлено на примере изменённых рецептивных стратегий субъекта культуры. Исследовательский интерес автора в особенности сосредоточен на вопросах генезиса феномена партиципации и причинах его широкой распространённости в современной культуре.

Summary. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of participation in modern culture. The main features of participatory practices are systematized (the roles of the author and consumer of culture, the nature of communication, special receptions of a cultural product, aesthetic processes of social interaction, accentuation of affectation, etc.), which are inherent not only in online communities, but also extend to traditional forms of culture. The wide spread of forms of participatory culture is represented by the example of modified receptive strategies of the subject of culture. The author's research interest is particularly focused on the genesis of the phenomenon of participation and the reasons for its widespread occurrence in modern culture.

Ключевые слова: партиципация, культура соучастия, культурная идентификация, современная культура, медиатекст, медиакультура, медиатехнологии, платформенное общество.

Key words: participation, culture of participation, cultural identification, modern culture, media text, media culture, media technologies, platform society.

УДК 008(1-6)

В социокультурных исследованиях, посвящённых анализу современной культуры, всё больше внимания уделяется процессам и трансформациям, являющимся следствием активно развивающейся среди массмедиа. Во многом это вызвано активным распространением медийных коммуникаций и их системным воздействием на всю конфигурацию культурного пространства. Процессы медиатизации, информатизации, цифровизации, дигитализации культуры сигнализируют о её коренных, фундаментальных преобразованиях, влекущих за собой формирование в том числе новой социальной реальности. В зарубежной и отечественной гуманитаристике научными школами (mediatization studies, platform studies) активно изучаются процессы культурной медиатизации,рабатываются необходимые подходы, терминологический аппарат и методы анализа процессов взаимодействия и конвергенции традиционных институтов культуры с новой медийной реальностью, активно влияющей на всю её систему. Исследователи отмечают, что происходит конструирование нового типа культуры, в своей системной целостности затрагивающего каждый её элемент: прежде всего, человека – субъекта культуры, процесс его смыслополагающей деятельности и её результаты, интерпретации себя и мира во времени и пространстве и т.п. Медиаплат-

формы – это не только «сложные социально-технические комплексы, но и мощные социальные институты» [5, 169].

В современных научных концепциях, разрабатывающих данную проблематику, исследователи указывают на то, что под воздействием медиаплатформ «формируется новый культурный опыт людей» [5, 167]. Среди прочего трансформируются рецептивные и коммуникативные стратегии субъекта культуры, вырабатываются новые алгоритмы взаимодействия с культурным наследием, его ценностно-предметным миром, изменяются технологии сохранения и трансляции культурной памяти. Это и обусловило наш исследовательский интерес к феномену так называемой «participatory culture» или «культуры соучастия», само появление которого свидетельствует о фундаментальных изменениях, указанных выше.

«Культура партиципации» или «партиципативная культура» (participatory culture) – термин, введённый в научный оборот американским культурологом Г. Дженкинсом [4, 15] для обозначения новых форм современной культуры, ставших возможными благодаря цифровым технологиям. В русскоязычных научных исследованиях часто встречается перевод термина как «культура соучастия» или «культура участия». Под культурой партиципации Г. Дженкинс понимал прежде всего особые культурные (творческие) практики медийных субкультур, внутри которых происходит особое взаимодействие акторов в контексте смоделированной ситуации или в пространстве проекта. Причём каждый участник такого проекта одновременно играет роль автора и потребителя, а цель такого рода активности, как правило, заключается в самом процессе взаимодействия. Свои выводы американский культуролог строил исходя из анализа культурных практик прежде всего интернет-сообществ (разного типа фэндомы (от англ. fandom, букв. «сообщество фанатов»), геймеры, гики, сообщества фанфикшн и др.).

Среди принципиальных характеристик партиципативной культуры можно обозначить следующие:

- Человек – потребитель культурных ценностей приближается в своей функции к их производителю. Главный продукт культуры соучастия – совместно создаваемый «контент» и коммуникация вокруг контента, связанная с его мгновенной оценкой, эмоциональным откликом на него, комментированием, постоянным дополнением, усовершенствованием его (таким образом, происходит непрерывное взаимодействие вокруг одного и того же тематического контента, где автор с лёгкостью становится потребителем, а потребитель – автором).

- Производство культурных ценностей переходит из разряда индивидуального творчества и становится актом творчества коллективного (творчеством так называемых «сообществ»). Функция автора заключается не в производстве конкретных культурных ценностей, но в создании пространства, ситуаций для взаимодействия, обмена и соучастия. Автор из творца превращается в «ведущего». Под творческим процессом в данном случае понимается не только творчество в контексте художественной культуры, но творческий акт вообще как специфическая деятельность человека, направленная на производство или приобретение нового культурного опыта.

- Необходимым элементом в системе создания/потребления культурных ценностей являются площадки так называемого «обмена»: сегменты культуры, где осуществляется обратная связь, комментирование, обсуждение, оценивание через личный опыт потребления и где вносятся предложения по изменению культурного продукта либо сами изменения (участие потребителя в создании либо возможность его трансформировать).

- Трансформируются функции социальных институтов, которые постепенно перестают быть доминирующими в организации социальной жизни и деятельности человека. В целом, формируется своего рода парадоксальная социальная позиция – позиция «непубличного соучастия». «Непубличность» в данном случае выражается в атомизированном поведении, стремлении исключить себя из традиционного набора паттернов социальных ролей. А соучастие выражено в стремлении контактировать с достаточно большим количеством людей в особом «медийном поле».

- Партиципационное взаимодействие, выходящее далеко за область собственно художественной культуры, привносит в любое социальное взаимодействие эффект эстетизации. Это касается повседневно-досуговых сфер социальной активности, организационного менеджмента, обра-

зования, политической сферы, и, собственно, сферы производства знания. Партиципаторные практики со-действия, со-участия, со-чувствия во всех этих сферах трансформируют деятельность акторов в своеобразный «паблик-арт», придавая любой социальной коммуникации предельную эмоциональную насыщенность, вовлечённость через обязательную активность участников.

Тенденция распространения партиципаторных практик симптоматична для современной культуры. Они выходят далеко за медийное пространство и наблюдаются в том числе в традиционных формах культуры. К примеру, мы можем наблюдать партиципационные эксперименты в современной художественной культуре: «Произведение искусства обращено к самому зрительскому “акту создания”, испытанию зрителем собственного “творческого момента”, психологическим реакциям и реальному влиянию зрителя на процесс конструирования произведения: партиципационное искусство – это “зритель в действии”, использующий в качестве главных средств свой выбор и интуицию» [14, 5]. Иммерсивные (от англ. *Immersive* – создающий эффект присутствия, погружение) театральные эксперименты, а также шоу, инсталляции, к примеру, базируются как раз на изменённой функции автора и публики и своей главной задачей ставят акцент на чувственное восприятие (вчувствование), «погружение», «расширение сознания» и т.д. Претерпевает изменения сама практика организации культурно-просветительских мероприятий, ранее структурированная и встроенная в систему социального регулирования и управления. Реализуются культурно-просветительские проекты, организованные с помощью краудфандинговых платформ (коллективное софинансирование, которое влечёт за собой в том числе и участие спонсоров в процессе создания/потребления произведения искусства). К примеру, фестиваль камерной музыки «Возвращение», где «создаётся неповторимая открытая и интерактивная среда, создающая чувство причастности, вовлечённости в музыкальное событие» [6, 53].

Геймификация и цифровизация образовательной среды также трансформирует привычный набор социальных ролей внутри этого института. Выстраивание индивидуальных образовательных стратегий самим учеником с помощью технических средств, превращающих образовательный процесс в увлекательную игру, воздействующую прежде всего на эмоциональное восприятие, становится широко популярным в современном обществе [2]. Не говоря уже о собственно досуговой сфере, где традиционные учреждения культуры (музеи, библиотеки) широко и повсеместно внедряют интерактивные проекты, изменяя стратегию взаимодействия субъекта культуры с объектом культурного наследия, культурной памяти. Любопытный опыт в этой связи, к примеру, представляют проекты по сохранению исторического наследия в виде цифровых архивов. Такая «цифровая память» организуется путём вовлечения в процесс формирования архива всех желающих, вне профессиональных компетенций. Каждый становится частью целого, пишет историю, погружаясь в это временное измерение, аффективно (но не рефлексивно) участвуя в, казалось бы, сугубо профессиональном процессе [1, 7]. Совершенно справедливо на эти процессы указывает французский историк П. Нора: «Мы живём в эпоху всемирного торжества памяти... все ...пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому. ...мир затопила нахлынувшая волна воспоминания, прочно соединив верность прошлому – действительному или воображаемому – с чувством принадлежности, с коллективным сознанием и индивидуальным самосознанием, с памятью и идентичностью» [8].

Главный вопрос заключается в следующем: почему такого рода коммуникации в социокультурном пространстве становятся всё более привлекательными, каковы генетические корни феномена партиципации? Помимо широкого распространения сетевых технологий, интернет-коммуникаций и постепенной дигитализации культуры в целом, предоставляющих лишь инструмент для партиципации, должен существовать внутренний культурный запрос на актуализацию форм партиципации. Как известно, феномен партиципации известен человечеству давно и связан он с пра-логическими (мифологическими) формами мышления. Базовым свойством мифологического мышления является принцип мистической сопричастности – партиципации (см. работу Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении») и отождествления себя и мира. А это, в свою очередь, адресует нас к проблемам фундаментального характера: самоидентичности, определения человеком самого себя в пространстве природы, а затем и культуры. Самоидентифи-

кация начинается с процесса выделения себя из мира, проведения между человеком и миром минимальных границ, его объективации и попытки ответить на вопрос: кто я в этом мире и каков этот мир по отношению ко мне? «В смыслогенетической теории партиципация понимается широко, т.е. не только как стремление ощутить себя частью некоей большой социальной общности, но и вообще как всякое ситуативное снятие субъектно-объектных отношений, достигаемых в акте экзистенциального природнения. Потому партиципация – основа любого рода идентичности» [11, 147]. Но основа древняя, первичная, до-субъективная, когда не осознаются чётко границы «я» и «не-я». Совершенно справедливым, на наш взгляд, является утверждение учёного о том, что партиципационные практики становятся актуальными в современном мире в силу того, что современная культура находится в состоянии кризиса, который сопровождается её десакрализацией, релятивизмом, калейдоскопом алгоритмов коммуникаций и поведенческих моделей и т.д., которые могут находиться ещё и во внутреннем противоречии друг с другом. Человек в таком культурном контексте всё реже совершает свой рационально-логический, последовательный выбор культурных стратегий. Наоборот, каждая из культурных программ становится, в силу её релятивизма, для него всё менее значимой. И, как следствие, происходит смена культурной активности человека: «От медиации с объектом посредством знаков субъект перешёл к состоянию перманентной медиации в знаковом поле, то есть от партиципации к некоему познаваемому и осваиваемому объекту сознание погрузилось в континуальное состояние партиципации к самому процессу медиации» [11, 169]. И это, безусловно, становится базовым качеством современного культурного сознания.

В данной статье была предпринята попытка наметить стратегии анализа феномена партиципации, который заслуживает самого пристального научного внимания. Культура соучастия рождается как результат антропологических изменений, формирования новой социальности как таковой, порождённой во многом благодаря цифровым технологиям, которые, в свою очередь, сыграли роль своего рода триггера, актуализировав алгоритмы мифологического мышления и его практик в современной культуре, реанимировали к жизни самые древние формы культурной коммуникации и идентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Р. Н. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа / Р. Н. Абрамов, А. А. Кожанов // Социология науки и технологий. – 2015. – № 2. – С. 45-67.
2. Биджиева, С. Х. Геймификация образования: проблемы использования и перспективы развития [Электронный ресурс] / С. Х. Биджиева, Ф. А.-А. Урусова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 4. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/34PDMN420.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).
3. Деникин, А. А. К определению термина «партиципация» в контексте современных художественных практик / А. А. Деникин // Наука телевидения. – 2018. – № 14.1. – С. 58-79.
4. Джэнкинс, Г. Конвергентная культура: столкновение старых и новых медиа / Г. Джэнкинс; пер. с англ. А. В. Гасилина. – М.: Рипол-Классик, 2019. – 384 с.
5. Зверева, В. И. Концепции «платформенного общества» в современных социокультурных исследованиях / В. И. Зверева // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкоизнание. Культурология. – 2019. – № 8. – С. 161-171.
6. Казымова, Л. А. Музыкально-просветительские проекты в современном культурном пространстве / Л. А. Казымова, Н. В. Малышева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № IV-2 (52). – С. 50-55.
7. Лапина-Кратасюк, Е. Г. Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия / Е. Г. Лапина-Кратасюк, М. В. Рублева // ШАГИ-STEPS. – 2018. – Т. 4. – № 3-4. – С. 147-165.
8. Нора, П. Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 13.11.2021).
9. Павлов, И. А. Одностороннее соучастие: рецензия на книгу Jenkins H. , Ito M. , Danah Boyd. 2015. Participatory culture in a Networked Era: a conversation on Youth, learning, Commerce, and Politics. Cambridge, UK: Polity [Электронный ресурс] / И. А. Павлов // Экономическая социология. – 2020. – Т. 21. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/odnóstorónnéé-součastie-retsenziya-na-knigu-jenkins-h-ito-m-danah-boyd-2015-participatory-culture-in-a-networked-era-a-conversation-on-youth> (дата обращения: 13.11.2021).

10. Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм / А. В. Павлов // Философский журнал. – 2019. – № 12 (2). – С. 20-33.
11. Пелипенко, А. А. Идентичность: смыслогенетические основания вопросы социальной теории / А. А. Пелипенко // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. IV. – С. 147-171.
12. Пелипенко, А. А. Интернет как феномен эволюции культуры. От логоцентризма – к неосинкетизму / А. А. Пелипенко // Библиотечное дело. – 2017. – № 10 (292). – С. 14-18.
13. Самутина, Н. В. Практики эмоционального чтения и любительская литература (фанфикшн) / Н. В. Самутина // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 1 (143). – С. 246-469.
14. Almenberg Gf. Notes on Participatory Art: Toward a Manifesto Differentiating it from Open Work, Interactive Art and Relational Art. Milton Keynes: Author House, 2010. 232 p.
15. Jenkins H. Back to school special: Transmedia entertainment // Henryjenkins. org. 2019. Sept. 5. URL: <http://henryjenkins.org/blog/2019/8/28/back-to-school-specialtransmedia-entertainment-hcp8s>.

Савелова Е. В., Горшунова Л. В.
E. V. Savelova, L. V. Gorshunova

СПЕЦИФИКА И ПОТЕНЦИАЛ ВИРТУАЛЬНОГО ГОРОДСКОГО АРТ-ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. ХАБАРОВСКА)

SPECIFICITY AND POTENTIAL OF VIRTUAL URBAN ART SPACE (ON THE EXAMPLE OF KHABAROVSK)

Савелова Евгения Валерьевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(4212)56-33-75. E-mail: savelova_ev@hgiiik.ru.

Evgenia V. Savelova – Doctor of Philosophy, PhD in Culture Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Culture Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 680045, Khabarovsk territory, Khabarovsk, 112 Krasnorechenskaya str.; tel. +7(4212)56-33-75. E-mail: savelova_ev@hgiiik.ru.

Горшунова Лидия Владимировна – аспирант кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. +7(4212)56-33-75. E-mail: sheremetevvalidiya@mail.ru.

Lidiya V. Gorshunova – Postgraduate Student, Department of Culture Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 680045, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, 112 Krasnorechenskaya str.; tel. +7(4212)56-33-75. E-mail: sheremetevvalidiya@mail.ru.

Аннотация. Цель настоящей статьи – анализ специфики применения метода культурологической экспертизы для изучения особой формы арт-пространства – виртуального арт-пространства. В качестве модели для проведения сравнительного сопоставления избрана предложенная Л. В. Никифоровой систематизация категорий «мест» культурного пространства. Актуальность работы связана с характером формирования в социокультурном пространстве города новой актуальной формы самоорганизации и творческого самовыражения личности – арт-пространства. Автор обращает внимание также на одну из ключевых тенденций развития современного общества – виртуализацию современной культуры. Арт-пространство как феномен культуры также подвергается существенным трансформациям, что проявляется в возникновении арт-пространства нового типа – виртуального арт-пространства.

Summary. The purpose of this article is to analyze the specificity of using the method of cultural expertise to study a special form of art space – virtual art space. L. V. Nikiforova's proposed systematization of categories of «places» of cultural space can be chosen as a model for comparative comparison. The relevance of the work is connected with the nature of the formation in the socio-cultural space of the city of a new relevant form of self-organization and creative self-expression of the individual-art space. The author also draws attention to one of the key trends in the development of modern society – the virtualization of modern culture. The art space as a cultural phenomenon is also undergoing significant transformations, which is manifested in the emergence of a new type of art space – a virtual art space.

Ключевые слова: культура, креативность, культурное пространство, креативное пространство, арт-пространство, культурологическая экспертиза, виртуальное пространство, виртуальность, Хабаровск.

Key words: culture, creativity, cultural space, creative space, art space, culture expertise, virtual space, virtuality, Khabarovsk.

УДК 130.2

Актуальность работы обусловлена современными тенденциями развития городского пространства, которое характеризуется возникновением новой актуальной формы самоорганизации и творческого самовыражения личности – арт-пространства. В российских культурологических исследованиях в настоящий момент не сложилось терминологического единства в отношении дан-

ногого явления: термин «арт-пространство» употребляется в качестве синонимичного таким понятиям, как «креативное пространство», «креативный кластер» и т.д. Это свидетельствует о его сложности и неоднозначности, о чём пишут многие современные авторы [1; 2; 4; 5]. Вследствие этого очевидной становится необходимость выработки рабочего понятия «арт-пространство».

Важнейшей характеристикой современной культуры исследователями называется виртуализация современной культуры и, как следствие, значительное изменение отдельных явлений. Процесс информатизации оказывает всестороннее влияние на культуру, что является причиной формирования нового многомерного киберпространства, мира виртуальных феноменов. Арт-пространство как форма проявления культуры также подверглось влиянию виртуализации, что проявилось в возможности возникновения виртуального арт-пространства.

В процессе исследования было сформулировано определение «арт-пространство». Оно понимается как специфическая современная форма самоорганизации городского культурного пространства. Среди её отличительных черт – публичная доступность, а также особый характер возникновения. В создании и дальнейшем функционировании не принимает участие государство, это независимая инициатива представителей креативного класса. Цели, преследуемые при создании арт-пространства: предоставление личности площадки для реализации креативного потенциала; возможности активного, деятельного участия в формировании окружающего культурного пространства. Одним из важных результатов деятельности арт-пространства становится формирование у участников процесса (организаторов, авторов, посетителей) черт идентичности – приобщение к сообществу арт-пространства, восприятие себя как его части. Различные характеристики арт-пространства исследуются в различных работах российских, а также зарубежных авторов [3; 6; 7; 12; 13; 15].

Важной тенденцией, отмечаемой в современных гуманитарных работах, является актуализация экспертной деятельности; также привлекает внимание исследователей разнообразие появляющихся новых определений понятия «экспертиза». В ряду современных видов экспертиз в качестве одного из новых, малоисследованных видов гуманитарной экспертизы выделяют культурологическую экспертизу. Исследователи (А. П. Садохин, Л. В. Никифорова) отмечают, что определение содержания метода культурологической экспертизы и возможностей его применения пока только начинается, что делает необходимым тщательное изучение культурологической экспертизы [10].

В представленном исследовании на основе идей А. П. Садохина и Л. В. Никифоровой культурологическая экспертиза используется нами в качестве специфической разновидности исследовательской деятельности. В качестве методологической базы она применяет культурологический подход, целью которого является «установление культурного значения и ценности предметов, фактов, явлений и суждений сферы культуры» [9, 62]. В качестве цели культурологической экспертизы предстаёт определение общих и частных признаков объекта экспертизы и «проведение его сравнительного сопоставления» [9, 62]. Это делает возможным установление индивидуально-конкретной специфики объекта экспертизы на основе общности его частных признаков.

В ходе проведения данной работы использовалась сформулированная Л. В. Никифоровой систематизация категорий «мест» культурного пространства, которая стала основой для проведения сравнительного сопоставления. Систематизация, предложенная Л. В. Никифоровой, включает: пространственные объекты; функциональные зоны; малые пространственные и пластические объекты; художественные артефакты; артефакты делопроизводства; нематериальные феномены (имена собственные, типажи, этнонимы); ритмы жизни. При применении данной систематизации для анализа арт-пространства было необходимо дополнить её следующими характеристиками: характер возникновения и организации арт-пространства; проявление черт субкультурной идентичности у посетителей арт-пространства [9].

Одной из ключевых характеристик арт-пространства является наличие самого публично доступного пространства, где осуществлялась бы деятельность, направленная на реализацию креативного потенциала личности. В то же время важно обратить внимание на существование в культурном ландшафте края форм самоорганизации представителей креативного класса, которые не

соответствуют данной характеристике, однако имеют все остальные черты арт-пространства. Это проекты, не имеющие физического места, осуществляющие свою деятельность виртуально или в сотрудничестве с другими учреждениями культуры. Представляется возможным рассмотреть их в качестве специфической формы арт-пространства.

Хабаровское интернет-издание «Утёс» осуществляет свою деятельность с перерывами с 2018 г. Руководителем и основателем проекта является Никита Зинченко, материалы из интервью с которым используются в работе.

В настоящий момент издание позиционирует себя как «энциклопедия хабаровской жизни», а также презентует себя в социальных сетях как проект, который «не только пишет о жизни города, но и организует её». Основатель «Утёса» Н. Зинченко, рассказывая о возникновении задумки проекта и истории его реализации, отмечает, что идея «Утёса» принадлежит ему лично и что с самого начала проект был частной инициативой. По его словам, в конце первого курса университета им было получено задание: разработать собственное медиа. Никита делал свой проект, рассчитывая продолжить работу над ним и после экзаменов. Он также отмечает, что не опирался на опыт уже существующих в городе проектов, так как они не удовлетворяли его представлению о необходимом городу формате: «Местные медиа мне не особо нравились, пришлось делать своё». Также, говоря о процессе воплощения своей идеи в городском пространстве, Н. Зинченко отмечает, что в ходе развития концепция проекта менялась. Так, от формата СМИ «Утёс» со временем отошёл и стал пробовать свои силы именно в организации культурных событий.

Таким образом, становится ясно, что «Утёс» характеризуется как частная инициатива представителей креативного класса, что является одной из важнейших характеристик арт-пространства. Весь проект возник из личного стремления его автора «экспериментировать, делать что-то классное, попробовать разные форматы, разные жанры, писать о городе, познакомиться с городом поближе». СМИ возникло и продолжает существовать исключительно в качестве частной инициативы, которая «выживает исключительно на собственные средства».

Анализ в деятельности проекта таких категорий, как «пространственные объекты», «функциональные зоны», «малые пространственные и пластические объекты», «художественные артефакты» и «артефакты делопроизводства и обеспечения творческого процесса» затруднён в силу отсутствия у издания собственного помещения для реализации деятельности, а данные категории характеризуют материальные феномены арт-пространства. Представляется оправданным в данном случае обратиться к исследованию оформления и дизайна аккаунтов издания в социальных сетях, так как они являются представительствами и презентационными площадками «Утёса» и именно с них начинается взаимодействие с публикой и потенциальным сообществом.

В самом названии проекта используется образ утёса – местной достопримечательности, что характеризует такую категорию арт-пространства, как «имена собственные, типажи, этнонимы». Определение формата проекта как «энциклопедии хабаровской жизни» является формулировкой миссии проекта и дублируется во всех аккаунтах.

В оформлении всех аккаунтов издания используется оригинальное оформление с использованием логотипа в виде волн, а также оригинальное начертание названия портала, где первая буква слова находится над остальными, образуя таким образом возвышение над ровной строкой и символизируя утёс – узнаваемый городской объект. Подобное оформление подчёркивает локальный характер проекта, обращаясь к известным и популярным городским символам: волны реки Амур; утёс, возвышающийся над рекой.

Интересно отметить, что несмотря на отсутствие собственного помещения, такую категорию, описывающую материальные феномены, как художественные артефакты, можно выявить в деятельности «Утёса». Ими являются кружки и футболки с авторскими принтами, разработанные художником издания и предназначенные для продажи и получения средств для поддержки деятельности редакции.

Восьмая категория включает в себя нематериальные феномены: события, ситуации, процессы, которые составляют ритмы жизни организации. Именно анализ данной категории даёт возможность наиболее полно исследовать деятельность проекта. Важной особенностью проекта является

ется его равнозначный онлайн- и офлайн-характер, что существенно влияет на формирование афиши, включающей различные форматы мероприятий. В качестве основных направлений деятельности проекта можно выделить музыкальные, литературные, художественные и общественные мероприятия.

Музыкальное направление реализуется в первую очередь путём проведения акустических вечеров на различных площадках города (бар «Бюро 1908», кафе «Можжевиль», бар «Гараж», бар «Пивная борода»). К участию в любом из вечеров приглашаются все желающие музыканты, работающие в любых жанрах. Мероприятия для участников и зрителей бесплатны. Целью концертов является поддержка местных музыкантов.

На реализацию музыкального направления обращена также и онлайн-деятельность «Утёса». Издание регулярно публикует новые релизы от хабаровских музыкантов, берёт интервью у различных исполнителей, в том числе в формате видеointервью.

К литературным мероприятиям относятся литературные вечера – поэтические «Тусовки», которые так же, как и музыкальные, организуются в содружестве с разными городскими локациями (кофе-место «Пряное», бар «Пивная борода»). Поэтические вечера также доступны бесплатно для всех желающих. Информационным дополнением и поддержкой данного направления деятельности проекта является публикация материалов о литературной жизни города: статьи о существующих литературных объединениях Хабаровска; о хабаровских поэтах и писателях, которые работают в настоящее время. Соединением двух направлений деятельности – музыкального и литературного – являются музыкально-поэтические вечера, основной площадкой для которых выступает творческая мастерская «Дом».

Художественное направление деятельности «Утёса» находит своё воплощение преимущественно в онлайн-формате. Издание регулярно публикует произведения местных молодых художников, работающих в различных жанрах и техниках. В соавторстве с хабаровскими художниками подготовлен также ряд материалов, тематически связанных с городом: схемы-развёртки достопримечательностей Хабаровска, визуальная энциклопедия представителей городских сообществ «Типичный хабаровчанин», комикс про хабаровского супергероя Спектра. В онлайн-формате в рамках художественного направления было проведено несколько «дней свободного арта “Коллаб”» на площадке арт-пространства Platonnika. Проектом, объединяющим литературное и художественное направление, стала работа «Поэты Хабаровска» – собранные на отдельном сайте стихотворения молодых хабаровских поэтов, дополненные авторскими комментариями и визуализированные работами местных художников.

Важным направлением деятельности проекта является проведение социальных мероприятий различной направленности: цикла открытых интервью с представителями различных хабаровских сообществ «У меня проблема» (кафе «Можжевиль»), цель которого – предоставление горожанам возможности высказаться, а самим организаторам – услышать точку зрения жителей на актуальные проблемы; встречи с психологом «Возьми себя на ручки» (коммуна Броско Молл), посвящённой теме преодоления стресса; цикла интервью про Хабаровск «Говорить как есть» (театр-студия «И т.д.»), посвящённого проблемам художников в Хабаровске.

Социальная тематика также является одной из ведущих в онлайн-деятельности издания. «Утёс» регулярно публикует материалы (статьи, подборки, интервью), посвящённые актуальным событиям и проблемам Хабаровска. Среди них: серия проблемных колонок («Как устроена помочь бездомным в Хабаровске во время пандемии»; цикл текстов о расизме, основанный на личных историях); серия статей-исследований урбанистических проблем Хабаровска («Планы и разочарования. Как изменился Хабаровск за последние пару лет», «Краткий гик-тур по Хабаровску» «Очень больно. Безбарьерная среда в Хабаровске слишком барьерная»); исследования ближайшей истории города («Как хабаровчане тусовались в прошлом веке – и что осталось сегодня», видеокурсия «Места пересылки в Хабаровске»).

Девятая категория, также характеризующая нематериальную составляющую арт-пространства, это проявление черт субкультурной идентичности у участников событий арт-пространства. В первую очередь следует обратить внимание на то, как организаторы определяют

целевую аудиторию проекта. В интервью Н. Зинченко отмечает, что, по его собственным впечатлениям, участников мероприятий «Утёса» и его читателей можно разделить на 2 возрастные группы: первая – это молодые люди от 17 до 25 лет, студенты или те, кто только закончил учёбу. Это люди, которым интересно, что происходит в городе, интересны местная музыка, местная культура. Люди, которые хотят классно провести время и которым не всё равно. Вторая категория – более взрослые активные горожане от 25 до 35 лет. Это люди, которые уже обосновались здесь и понимают, что нужно знать, что происходит в городе, если ты хочешь здесь жить. Им не наплевать на город. Показательно, что в качестве важнейшей характеристики, объединяющей всех участников неформального сообщества вне зависимости от возраста и социального положения, координатор «Утёса» называет неравнодушие к происходящим в городе событиям, интерес к развитию Хабаровска. Ключевая характеристика, следующая за предыдущей, – желание влиять на городские изменения. По словам организатора, все участники мероприятий «Утёса» напрямую каждый день взаимодействуют с городом и хотят, чтобы что-то в нём менялось.

В поддержку предположения о формировании черт потенциальной субкультуры арт-пространства говорит и то, что субкультуризация аудитории медиа в современном мире – общая тенденция: «Говоря о субкультуризации аудитории новых медиа, стоит понимать, что речь идёт о процессе субкультуризации вообще, то есть отделении от господствующей культуры. Субкультуризация аудитории обогащает и усложняет культуру медиапространства... Сегодня субкультурные медиа являются рупором для своей аудитории, управляя её поведением» [8, 60]. В данном контексте на передний план выходит характеристика «Утёса» именно как виртуального арт-пространства, медиа-издания.

Таким образом, мы проанализировали интернет-проект и издание «Утёс», использовав как метод культурологическую экспертизу и дополненную в рамках проводимого исследования модель анализа, предложенную Л. В. Никифоровой. Было проведено сравнительное сопоставление с рабочим определением «арт-пространства» и его характеристиками.

Исследовав деятельность проекта за 2018 – 2021 гг. при помощи модели анализа, содержащей девять категорий, характеризующих материальные и нематериальные составляющие арт-пространства, мы сделали вывод о возможности охарактеризовать «Утёс» как потенциальное арт-пространство.

Проанализировав деятельность проекта, мы смогли выделить многие категории, в том числе ключевые, для определения соответствия формату арт-пространства: характер возникновения и организации; проявление черт субкультурной идентичности, а также ритмы жизни. Категории, связанные с материальными феноменами, в большинстве своём имеют лишь виртуальное воплощение и реализуются в онлайн-формате. В то же время важным показателем потенциальной возможности перехода проекта в формат не виртуального, а реального арт-пространства является то, что необходимость собственной площадки осознаётся организаторами и планируется как перспектива развития, однако именно характер проекта – независимая площадка – пока не позволяет реализовать эти планы. По словам Н. Зинченко, на создание площадки – собственного культурного центра – нужны большие деньги, которых у независимых организаторов нет.

Есть основания полагать, что на сегодняшний день «Утёс» хотя и не является арт-пространством, демонстрирует перспективы становления как учреждение именно такого формата. В то же время уже сейчас «Утёс» выступает как виртуальное арт-пространство, имеющее собственные специфические характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большаков, В. П. Провинциальность культурных пространств нынешней России / В. П. Большаков // Культура российской провинции: прошлое, настоящее, будущее: материалы круглого стола. – СПб.: Искусство России, 2005. – С. 6-8.
2. Боровинская, Д. Н. Зарубежный опыт исследования креативности в XX в. / Д. Н. Боровинская // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 348. – С. 42-46.
3. Гильмиянова, Р. А. Арт-пространство как язык самовыражения молодёжи / Р. А. Гильмиянова, М. В. Старостина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы XIII

Международной научно-практической конференции, 13 декабря 2018 г. – Т. 3. – Уфа: Издательство БГПУ, 2018. – С. 92-94.

4. Гнедовский, М. Б. Творческие индустрии: политический вызов для России / М. Б. Гнедовский // Отечественные записки. – 2015. – № 4 (25). – С. 168-182.
5. Гуткина, И. М. К вариативности связи понятий «пространство» и «культура» / И. М. Гуткина // Пространство цивилизаций и культур на рубеже XXI в. – Саратов, 1999. – С. 64-66.
6. Демшина, А. Ю. Диалогическое построение арт-пространства как форма развития современной культуры / А. Ю. Демшина // Вестник СПбГУК. – 2017. – № 2 (31). – С. 44-48.
7. Кудряшов, В. С. Типы, структура, подходы к организации креативных городских пространств / В. С. Кудряшов // Региональная экономика. Юг России. – 2016. – № 4 (14). – С. 23-30.
8. Прокофьева, В. Ю. Влияние новых медиа на культурное сегментирование виртуального пространства / В. Ю. Прокофьева, А. О. Храмова, А. М. Шмагина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № 1-2 (33). – С. 57-62.
9. Пространство университетской повседневности: прикладное исследование в формате культурологической экспертизы / Л. В. Никифорова [и др.] // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 7. – С. 60-70.
10. Самойлова, Е. О. Арт-пространство умного города: перспективы развития / Е. О. Самойлова, Ю. М. Шаев // Манускрипт. – 2017. – № 12-4 (86). – С. 150-153.
11. Силкина, Л. В. Социально-философские основания анализа культурного пространства: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Силкина Лариса Владимировна. – Саратов, 1999. – 17 с.
12. Суховская, Д. Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Суховская Дарья Николаевна. – Пятигорск, 2016. – 37 с.
13. Суховская, Д. Н. Реализация творческого потенциала населения через креативные пространства города: лофты, зоны коворкинга, арт-территории / Д. Н. Суховская // Молодой учёный. – 2013. – № 10 (57). – С. 650-652.
14. Утёс: чем живёт и болеет Хабаровск [Электронный ресурс] / ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/uteskhv> (дата обращения: 12.09.2021).
15. Флорида, Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства (Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life) / Р. Флорида. – М.: StrelkaPress, 2014. – 368 с.

Сохацкая Д. Г., Михайлова Т. М.
D. G. Sokhatskaya, T. M. Mikhailova

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННУЮ СРЕДУ РОССИЙСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ)

INFLUENCE OF POLITICAL IDEOLOGY ON THE SUBJECT-SPATIAL ENVIRONMENT OF THE RUSSIAN CITY (ON THE EXAMPLE OF KOMSOMOLSK-ON-AMUR)

Сохацкая Дарья Геннадьевна – член союза дизайнеров России, доцент Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: das@knastu.ru.

Daria G. Sokhatskaya – Member of the Union of Designers of Russia, Associate Professor, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27. E-mail: das@knastu.ru.

Михайлова Тамара Михайловна – студентка кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(914)177-15-89. E-mail: m.miesha97@mail.ru.

Tamara M. Mikhailova – a Student, Design of the Architectural Environment Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave., 27; tel. 8(914)177-15-89. E-mail: m.miesha97@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрено влияние политической идеологии на принципы организации предметно-пространственной среды российского города на примере города Комсомольска-на-Амуре. Представлено определение функциональных зон, визуальных коммуникаций, обеспечивающих оптимальную жизнедеятельность и функции человека в среде. Рассмотрено описание городов с помощью трёх слоёв пространства города: физического пространства, социальной деятельности и системы людей, городской культуры. Развитие города может быть рассмотрено через призму нескольких мировоззрений: советского, крестьянского, заводского и современного. Отмечена взаимозависимость устройства города от влияния климата и существующего городского ландшафта. Отмечаются основные признаки образа города: сумрачные монументальные здания, отделанные тёмно-серой каменной штукатуркой; сталинская архитектура в центре города. В статье рассмотрена идея о проектировании города Комсомольска-на-Амуре, организация которого сложилась на базе промышленных учреждений.

Summary. The article examines the influence of political ideology on the principles of organizing the subject-spatial environment of a Russian city, using the example of the city of Komsomolsk-on-Amur. The definition of functional areas and visual communications, providing optimal life and human functions in the environment are presented. The description of cities using three layers of city space is considered: physical space, social activity and the system of people, urban culture. The development of the city can be viewed through the prism of several worldviews: Soviet, peasant, factory and modern. The interdependence of the city structure on the influence of climate and the existing urban landscape is noted. The main features of the city's image are noted: gloomy monumental buildings, finished in dark gray stone plaster; Stalinist architecture in the city center. The article discusses the idea of designing the city of Komsomolsk-on-Amur, the organization of which was formed on the basis of industrial institutions.

Ключевые слова: функциональные зоны, пространство, районы, постройки, мировоззрение, городские слои.

Key words: functional zones, space, districts, buildings, worldview, urban layers.

УДК 712

Особенности развития пространства постсоветского города кардинально отличаются от городов Западной Европы того же времени рядом пространственных деформаций, произошедших от развития недвижимости. Например, в центре города не хватает услуг и торговли, центр города от-

личается слабой инфраструктурой и не способен поддерживать высокую плотность населения, также присутствуют ямы промышленных зон, расположенных слишком близко к спальным районам и т.д. [1].

Можно выделить основные принципы постройки городов: сумрачные монументальные здания, имеющие отделку тёмно-серой каменной штукатуркой; сталинская архитектура в центре города; «основные» районы города, спроектированные исходя из расположения промышленных учреждений (авиационного и судостроительного заводов) [3].

Для описания постсоветских городов выявляются «слои»:

Первый слой – это физическое пространство, всё что было создано человеком и природой (здания, климат, ландшафт).

Второй слой – это социальный, деятельность и системы людей, проживающих в городе.

Третий слой – это нематериальное пространство, т.е. городская культура, которая копится и фиксируется в виде событий, названий улиц и различных компаний, зданий, а также продукты культуры.

Используя «слои», можем заметить проблему постсоветского подхода к градостроительному проектированию городов: при тщательном изучении развития города в советское время обсуждается вопрос «что будем строить?», а не «для кого будем строить?».

Одним из основополагающих факторов, влияющих на развитие и строительство города и его районов, является городское мировоззрение. Данное понятие неоднородно, т. к. складывается из различных подфакторов, таких как благосостояние населения, культурное наследие, социальный уровень жизни и т. п. К примеру, городское население можно поделить на группы:

1. Крестьянское мировоззрение. Для большинства постсоветских городов оно остаётся, и носителей такого мировоззрения городское управление не интересует. В качестве примера архитектор Святослав Мурунов привёл благоустройство территорий вокруг многоквартирных домов: всё ещё можно найти улицы, за которыми ухаживают жители этих же домов, в том числе и дачники, которые высаживают рассаду на балконах своих квартир; также примером является немалое количество заборов и ограждений во дворах, так называемые «границы», для обозначения своей территории.

2. Заводское мировоззрение. Является самым распространённым для городов, где многое связано с промышленными предприятиями. Для такого мировоззрения всё просто, его задача – работать, и зачастую человек выбирает это не сам, а выбрали за него (родители или школа). Всё дело в том, что в СССР при помощи идеологических инструментов прививалась любовь к своей стране и партии.

3. Современное мировоззрение, можно сказать мировоззрение выбора. Сейчас у людей больше возможностей, можно самому выбрать профессию, город, товары при покупке и т.д., соответственно, это отражается и в градостроительстве.

4. Советское мировоззрение. Несмотря на распад Советского Союза, «советская ментальность» присутствует в обществе до сих пор. Это проявляется в проведении городских праздников: на центральной площади или в центре города устраивают сцену, где проходят основные массовые мероприятия и парады, выступают чиновники, детские коллективы, музыкальные группы. Советское мировоззрение выражается и через названия частных предприятий: «Мир обое», «Империя стёкол» и т.д. Региональные и государственные проекты начинались только с экономических расчётов и экономии финансовых средств государства вместо проектирования и постройки одной, но целостной и организованной городской среды. Но основываясь на расчётах и финансовой экономии, правительственные проектные учреждения сокращали бюджетное финансирование, что сказывалось на качестве проектируемой архитектурной среды города. К примеру, вместо одной полноценной детской площадки решают построить десять, но хуже качеством и за короткий срок. В данном случае в приоритете оказалось количество реализуемых проектов, нежели их качество.

Одним из важнейших факторов при развитии города и его пространства является «слой» социальная система, в котором рассматриваются характеристики групп жителей и общество в целом:

1. Административные органы города, это люди, которые в 1990-е гг. спасли город от полного экономического развода. Помогла школа советского времени, лозунг которой был: «Умри, но сделай!». Но есть важные проблемы, которые испытывает администрация в наше время: это контроль частного бизнеса, горожан с активной жизненной позицией, разительно отличающейся от правительственной, т.е. людей, которые контролю не поддаются (активисты, бизнесмены и т.п.). Основной задачей и работой администрации было выпросить ресурсы и финансирование у выше-стоящих органов власти. И пока городская экономика развивалась на продажах городских земель, произошёл упадок тех локусов городского пространства, которые отвечали за благополучие и благосостояние, социальное и культурное развитие горожан: объекты культурного наследия, общественные и дворовые пространства, визуальный облик жилых и общественных зданий. На сегодняшний день городское пространство утратило и утрачивает свой имидж и культуру. Теперь же нужно показывать развитие, чтобы получить финансирование для проектирования и реализации современных сооружений и зданий в городе.

2. Предприниматели и бизнесмены. Во времена СССР за предпринимательство можно было получить тюремный срок. На примере градостроительства: заказчик требует готовить генпланы проще, а главное быстрее, в итоге это превращается в печатный станок документов, которые в реальности неприменимы. Поэтому даже иностранный гражданин, побывавший в нескольких городах постсоветского времени, сможет или даже точно найдёт в них что-то общее.

В постсоветской архитектуре также можно выделить группы характеристик архитектурных стилей:

1. Первая группа – это идеал всех советских государственных институтов проектирования в части городов. Основой является расположение многоквартирных домов, максимальное упрощение и удешевление проекта. Признаками такой архитектуры являются эркеры, фальшмансардная крыша и окна, окраска фасадов в охру и т.д. Планировка квартир, соответственно, не отличается оригинальностью и эргономичностью, она схожа с формами зданий и фасадов.

2. Демонстрация отделочных материалов, в основном это относится к общественным зданиям, часто появляется ощущение намеренной демонстрации масштабности декора, дабы показать совершенство.

3. Эксклюзив. Тот случай, когда учитывается «личность» заказчика, т.е. одноквартирные частные дома.

За простую и одинаковую архитектуру большинство горожан винят климат [15], называя его «суховыем», хотя в некоторых странах он в разы хуже. Большинство винят и размер территориальной застройки, ссылаясь на большую территорию РФ, но на самом деле есть и другие постсоветские страны, внешним видом не отличающиеся от нашей [3].

Расположение домов при СССР отличается своей обычной, ничем не приметной планировкой: присутствует большое количество пустого места, которое можно заполнять «полезными» зонами, общественными пространствами, дополнительными сооружениями и т.д. Пустыри – пространства с дикими растениями или «дикоросом», за которыми не ухаживают, а протоптанные транзиты – явление неудачного проектирования, где в конечном итоге скапливается пыль и грязь. Также из-за пустоты во дворах появляются большие участки с открытой почвой, в дождливые дни эти пространства превращаются в лужи грязи, разносящейся из дворов на замощённые тротуары и проезжую часть. Можно упомянуть и провода, весящие со столбов электричества, как гирлянды. В постсоветское время, к сожалению, не слышали о практике прятать провода под землю, не портят тем самым эстетический вид, что также может обезопасить их от ветра и «отдыха птиц». К ситуации с проводами можно отнести и трубы теплотрассы, которые также портят визуальный облик окружающей среды.

Городской ландшафт также является одним из факторов формирования городского пространства. Это динамическая структура, которая, как и планировка улиц, застройка кварталов, является наследием прошлых лет [5]. Такие пространства занимают значимые и значительные площади в городах. Скверы, бульвары и парки благоустроены, имеют оформление малыми архитектурными формами и цветочными насаждениями, клумбами, всё это необходимо и востребовано

горожанами. Что касательно постсоветского ландшафта, разнообразия на улицах городов можно встретить не так много, чаще присутствуют однообразные клумбы, цветники, газоны, расположенные в основном вокруг значимых мест. В частности, это монументы и памятники, даже в парковых зонах, основной упор на благоустройство территорий приходится на зону около фонтана и входа в парковую часть.

Тема озеленения городской среды и в частности газона в наших городах является самой острой. В европейских странах газоны считаются местом для отдыха, приятного времяпрепровождения на свежем воздухе, соответственно, газоны постригаются и подвергаются уборке и санитарной обработке, газоны устроены «для людей». В случае, когда газоны устраиваются в постсоветском городе, их максимально пытаются обезопасить от людей. Горожане не могут организовать свой досуг и использовать газон в своих целях, то есть пройтись, присесть или прилечь становится невозможным. Санитарная обработка озеленения городской среды, в том числе и газонов, не производится, что также вводит горожан в заблуждение и диссонанс с окружающей средой. Со стороны непосредственных пользователей городского пространства – людей – возникают недоверие к административным органам власти, отрицательные эмоции и различные негативные действия по отношению к элементам, объектам городской среды, т. е. нанесение ущерба муниципальной собственности.

В Комсомольске-на-Амуре отмечаются постройки и объекты советского наследия, которые в течение долгого времени не подвергались реставрации и дополнительному благоустройству. Градостроительные возможности ограничены, к примеру, в функции администрации не входит строительство магазинов, промышленных объектов и жилых домов. Современное строительство стало приоритетом частных предпринимателей, которые нацелены на личное обогащение и не имеют обязательств по благоустройству города.

Комсомольск, как и большинство городов постсоветского времени, задумывался передовым, образцовым и социалистическим городом, и, к сожалению, задумку удалось реализовать. На сегодняшний день Комсомольск-на-Амуре, как и другие постсоветские города, имеет уже сложившуюся градостроительную структуру, основные постройки, в которые был вложен строгий социалистический подтекст. Это проявлялось в обществе и жизни людей, социальной позиции и политической идеи. Социалистические правила в современное время утратили свою силу, поэтому в нынешнем обществе Комсомольска возникают разногласия и отрицательное отношение к городу. Генеральный план разрабатывался ленинградскими архитекторами под руководством Бориса Викторовича Данчича (1892–1942). Предполагалось проектирование двух центров города, это значит, что каждая из частей имела бы симметричную планировку улиц [1]. «Основной» центр должен был располагаться в Центральном районе с осью на проспекте Первостроителей, идущей от Амура. Воплощению этого плана помешала Великая Отечественная война. Исходя из основной архитектуры и плана градостроительства города проспекты Ленина и Мира застроены в стиле сталинского неоклассицизма, соответственно, нельзя не упомянуть и тот факт, что на данный момент памятники архитектуры реставрированы неправильно, закрашивание лепнины того времени в глухой золотой цвет – наихудшее решение администрации нашего города. Подробнее изучение городского пространства и принципов его построения, предположение об изучении городского пространства в объединении подходов в трёхмерную систему координат X-Y-Z рассматриваются в статье Д. Г. Сохацкой [9].

К примеру, не только наш город строился и проектировался по «советскому заказу». Первые дома в Магнитогорске заселялись без канализации, водопровода, иногда даже без перегородок в квартирах [6]. На строительство заводов и инфраструктуры бросали все силы, на людей денег не оставалось. Стоит отметить, что в те годы Германия тожеправлялась после первой мировой войны и её экономическое состояние было скверным, но там не могли себе позволить, чтобы люди жили в таких условиях, в СССР был другой подход [12]. Становится понятно, что без «типового» проектирования не обойтись. Необходимость строить много и быстро при отсутствии денег приводит к индустриальному строительству.

Нужно отметить, что по фотографии любой россиянин сможет безошибочно определить город России. Он характерен образом социалистической идеологии, выраженной в архитектуре

«хрущёвок» и панельных девятиэтажных жилых домов, а также по присутствию неблагоустроенной окружающей среды и визуального шума рекламных вывесок, серому колористическому решению фасадов домов [10].

Процесс благоустройства в странах различается, общие нормы и принципы совпадают. Но в первую очередь в приоритете человек как субъект городской жизни. Пешеходы и велосипедисты в городе – главные пользователи городского пространства.

Дворы современных многоквартирных домов и домов советского периода не насыщены разнообразием объектов архитектуры. Градостроительство в то время было неоднородным, архитекторы делали ставки на квартальные застройки [5]. Требования и нормы к проектированию меняются, в том числе для детей и жителей района. Появляются новые материалы, что позволяет сделать дворы интереснее, безопаснее. Советские дворы представляют собой зелёную зону (пустырь) с детской площадкой и лавочками для пенсионеров, беседки и стоянки для автомобилей. Большинство жителей советские «образцовые» дворы уже даже и не вспомнят, у других же остались впечатления разрухи. Дворы не убирались, восстановления территорий практически не было. Несмотря на это советские дворы не исчезли, они также остались между серыми бетонными домами, изменилось лишь наполнение – безопасное покрытие на площадках, увеличилось количество парковочных мест для машин.

Для современного двора характерен упор на эффективность использования разными группами населения. По новым стандартам, цель благоустройства – это создание комфортной и безопасной среды. Зонирование территорий также изменилось. Дворы стали делиться на секторы, соответствующие разному возрасту и интересам жителей: для пожилых людей – зоны тихого отдыха, для маленьких детей – детские площадки, для детей постарше – площадки для активного отдыха и спортплощадки. Дворы также рассматриваются как места взаимодействия детей и их родителей. Сейчас двор – это концепция, функциональность. Важную роль в ландшафте современных дворов играет озеленение. Сейчас в арсеналах девелоперов есть не только деревья и газоны, но и плотные посадки разнообразных кустарников, многолетних растений, луговых цветов [13, 14]. Но не все застройщики проявляют и применяют свой опыт в благоустройстве дворов, многие стараются сэкономить. В европейских странах в основе благоустройства и проектирования используется умеренность архитектурных деталей.

В настоящее время неспособность жителей, администрации и застройщиков договориться приводит к таким проблемам, как невозможность изменить назначение пустых участков, производство благоустройство дворов и общественных зон, детских площадок, проектирование и преду-смотрение зон для маломобильных групп населения.

Постсоветское пространство независимо от границ выглядит одинаково. Любой житель может найти в других городах знакомые объекты и принять их за свои, всё очень похоже, очень знакомо.

В заключение можно сказать, что условия социалистической идеологии привели к масштабному строительству городов, которые в современное время перестали отвечать ценностям и правилам общества. Неблагоустроенные районы, дворовые и общественные пространства города находятся в полуразрушенном состоянии. Упадок культурной насыщенности архитектурных построек и сооружений оказывает негативное влияние на развитие, общий культурный уровень подрастающего поколения, приводит к конфликту интересов жителей постсоветских городов [6]. Это происходит не только по причине прошлых социалистических идей, находящих отражение в городской среде, но и в утрате безоговорочного патриотизма горожан, их веры государству и административным органам власти города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин, В. М. Комсомольск-на-Амуре. Город мужества, труда и героизма / В. М. Крысин, А. Р. Буряк, В. Ф. Бычков. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1982. – 216 с.
2. Международный и российский опыт благоустройства и озеленения городов [Электронный ресурс] / Студенческая библиотека онлайн (inf{at}studbooks.net), 2013-2021. – Режим доступа:

Сохацкая Д. Г., Михайлова Т. М.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННУЮ СРЕДУ РОССИЙСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ)

- https://studbooks.net/2329476/nedvizhimost/mezhdunarodnyy_rossiyskiy_optyt_blagoustroystva_ozeleneniya_gorodov (дата обращения: 06.06.2021).
3. Гасанова, Н. А. Архитектура в постсоветском мире [Электронный ресурс] / Н. А. Гасанова // LIVEJOURNAL.com. – Режим доступа: <https://ngasanova.livejournal.com/2575598.html> (дата обращения: 05.06.2021).
 4. Ожегова, Е. С. Ландшафтная архитектура: история стилей / Е. С. Ожегова; под ред. Д. О. Швидковского. – М.: Оникс; Мир и Образование, 2009. – 560 с.
 5. Ачкасова, В. А. Постсоветский ландшафт 2010-х: зоны интересов и «центр силы» / В. А. Ачкасова. – М.: Управленческое консультирование, 2020. – 70 с.
 6. Беспалов, С. В. Механизмы позитивного образа России в странах постсоветского пространства / С. В. Беспалов. – М.: Евразийская сеть политических исследований, 2017. – 68 с.
 7. Исаченко, А. Г. Ландшафты СССР / А. Г. Исаченко. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 310 с.
 8. Коржев, М. П. Озеленение советских городов: пособие по проектированию / М. П. Коржев. – М.: Сектор благоустройства и озеленения населённых мест Научно-исследовательского института градостроительства Академии архитектуры, 1954. – 180 с.
 9. Сохацкая, Д. Г. Три вектора измерения городского пространства / Д. Г. Сохацкая // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № I-2 (33). – С. 63-65.
 10. Димитриади, Е. М. Анализ архитектурно-колористической образности городов Дальнего Востока / Е. М. Димитриади // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 4-10.
 11. Кузьмина, М. А. «Комсомольск начинался с палаток...»: путеводитель по проспектам, улицам и площадям города / М. А. Кузьмина. – Комсомольск-на-Амуре: Жук, 2007. – 166 с.
 12. Иконников, А. В. Функция, форма, образ в архитектуре / А. В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1986. – 288 с.
 13. Barke, M. Why study urban morphology? The views of ISUF members // Urban Morphology, international Seminar on Urban Form (ISUF). – 2019. – Vol. 23 (2). – P. 105-114.
 14. Lars M. and Barthel St. Towards a socio-ecological spatial morphology: integrating elements of urban morphology and landscape ecology // Urban Morphology, international Seminar on Urban Form (ISUF). – 2019. – Vol. 23 (2). – P. 115-124.
 15. Фёдорова, О. С. Исследование влияния природно-климатических факторов на формирование архитектурно-художественного образа города / О. С. Федорова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – 120 с.

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАКАТАХ

REPRESENTATION OF REGIONAL IDENTITY IN PRE-ELECTION POLITICAL POSTERS

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr.; tel. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. В статье на основе предвыборных политических плакатов исследуется дискурсивная стратегия актуализации региональной идентичности. Дискурсивная стратегия реализуется с помощью репертуара тактик, в числе которых тактика отождествления с регионом, тактика анонсирования действий, направленных на развитие территории, и тактика объединения. Автор представил две группы регионально-детерминированных компонентов: вербальные, выраженные в текстовой части плаката; невербальные, выраженные в особенностях графического оформления плаката. С помощью политического плаката, задействованного в качестве ключевого коммуникационного канала с жителями региона, фиксируются аксиологические установки и ценностные ориентиры человека на определённый период времени. Исследование выполнено на основе применения постулатов дискурс-анализа и аксиологического подхода к исследованию текстов культуры, а также понимания политического плаката как мультимодального текста.

Summary. The article explores the discourse strategy of actualizing regional identity based on the pre-election political posters. A discourse strategy is implemented using a repertoire of tactics, including the tactics of identifying with the region, the tactics of announcing actions aimed at developing the territory and the tactics of unification. The author presented 2 groups of regionally determined components: verbal, expressed in the text of the poster; non-verbal, expressed in the features of the graphic design of the poster. With the help of a political poster, used as a key communication channel with the inhabitants of the region, the axiological attitudes and value orientations of a person are recorded for a certain period. The study was carried out based on the application of the postulates of discourse analysis and the axiological approach to the study of cultural texts, as well as the understanding of a political poster as a multimodal text.

Ключевые слова: региональная идентичность, ценность, политический плакат, дискурсивная стратегия, мультимодальный текст.

Key words: regional identity, value, political poster, discourse strategy, multimodal text.

УДК 304.2

Политический плакат как жанр существует очень давно, тем не менее интерес к нему не ослабевает. Неслучайно О. С. Иссерс называет плакат «новым старым жанром» [6, 248]. Объяснить интерес исследователей к плакатному творчеству можно изменением общественных ценностных ориентиров, а также изменением лингвистической составляющей плаката, которая является реакцией на изменения в обществе. Предвыборная борьба всегда сопровождалась политическими плакатами, которые не только информируют потенциальных избирателей о политической программе партии или отдельного кандидата, но и транслируют ценностные приоритеты и ориентиры, актуальные в настоящий момент.

Несмотря на то что в последнее время появляется много научных исследований, связанных с различными жанрами политического дискурса, работ, фокусом внимания которых определён политический плакат, небольшое количество. Среди интересных последних исследований можно

выделить, например, статьи таких зарубежных авторов, как Х. Вальтер, Майкен Ана Корес (Maiken Ana Kores), Мария Мартинез Лирола (María Martínez Lirola); среди отечественных авторов укажем работы С. Ю. Павлиной, О. С. Иссерс. В данных научных наблюдениях рассматриваются различные аспекты политического плаката. В частности, Мария Мартинез Лирола на основе анализа плакатов Ирландских политических партий сформулировала основные лингвистические и визуальные стратегии, используемые для убеждения населения страны голосовать за ту или иную партию на выборах. Её научная работа демонстрирует неизменно позитивный образ государственных деятелей, что выражается в том числе и в представительном внешнем виде, создавая образ заслуживающих доверия избирателей политиков. Таким образом, в исследовании указывается, что плакат – мощный инструмент воздействия, используемый в избирательных кампаниях [19]. Похожий обзор плакатов политических партий, подготовленных для избирательной кампании, проводит Майкен Ана Корес. Заявляя, что все тексты по сути являются презентациями социальных практик, автор с помощью лингвистического анализа политических постеров фиксирует концепты, актуализированные политическими партиями при осмыслиении глобальных и региональных проблем собственной страны, а также способы презентации выявленных концептов. Автор также приходит к выводу, что «формулируемая информация, представленная в политических плакатах, служит идеологической цели» [18]. Как и названные выше исследователи, Х. Вальтер уделяет особое внимание воздействующей функции политического плаката, цель которого состоит в том, чтобы вызвать у аудитории «чувства высшего порядка» [3, 146], демонстрирующие различные идеинные и социально-политические взгляды. При этом, Х. Вальтер подчёркивает, что вербальные и невербальные элементы плаката, выступая в единстве, содержат смыслы, легко поддающиеся расшифровке у аудитории, поскольку «политический плакат создан для адресанта и без него не существует» [3]. Предметом исследования О. С. Иссерс явилось массовое «плакатное творчество» протестного электората крупных городов России конца 2011 – начала 2012 годов. Известный лингвист последовательно рассматривает такие жанрообразующие признаки протестного плаката, как коммуникативная цель, прецедентные тексты и приёмы языковой игры. Тематический анализ плакатов О. С. Иссерс показал, что иронический подтекст присутствует в значительной части всех исследуемых арт-объектов: в плакатах нового века ценится не агрессия, а прежде всего чувство юмора [6, 248]. В статье С. Ю. Павлиной выявляются особенности взаимодействия компонентов разных семиотических систем в электоральном контексте. Научные наблюдения автора доказывают, что чаще всего в британских и американских плакатах трансляция актуальной политически значимой информации происходит при тесном взаимодействии семиотических кодов вербальной и невербальной систем [9].

Отметив возросший интерес учёных к политическому плакату, следует сказать, что мы не обнаружили исследований, которые касались бы вопроса актуализации региональной идентичности в политическом плакате. Вместе с тем проблема идентичности сейчас стоит как никогда остро, поскольку наряду с процессами глобализации, активными на протяжении последних десятилетий, возникли течения в противоположном направлении, течения в сторону регионализации, признания права существования собственных национальных интересов. Недостаточная разработанность вопросов актуализации региональной идентичности с помощью вербальных и невербальных средств в политических плакатах определяет актуальность и цель настоящего исследования.

В качестве рабочего определения примем определение плаката Х. Вальтер: «Плакат – единичное произведение, лаконичное, броское изображение с кратким текстом, выполненное в агитационных, рекламных, информационных или учебных целях» [3, 144]. К политическим плакатам Х. Вальтер относит в том числе предвыборные плакаты.

Источниками материала в данном исследовании являются политические плакаты, функционирующие в условиях предвыборной коммуникации последних 15 лет, из открытых источников. Использованы региональные тексты, созданные разными кандидатами и представляющие интересы разных политических партий. Всего изучено более 250 текстов. Плакаты цитируются без изменения орфографии и пунктуации.

Для реализации намеченной цели мы использовали несколько методологических подходов.

Во-первых, автор статьи задействует основные постулаты дискурс-анализа, который предполагает, что язык рассматривается как средство репрезентации и конструирования социальной действительности [17], язык – это форма социального поведения, он воспроизводит и создаёт социальную структуру; «он используется в социальных отношениях, чтобы узаконить отношения, устанавливать различия во власти и воспроизводить идеологии» [15]. «В этом смысле дискурс-анализ предоставляет набор универсальных инструментов для описания и объяснения многих (если не всех) социальных феноменов» [5, 277]. Дискурс-анализ изучает то, как язык создаёт и воспроизводит социальные реалии [19]. Принципы дискурс-анализа помогают понять связь между различными языковыми и визуальными предпочтениями в обществе, иначе говоря, дискурс-анализ раскрывает отношения между дискурсом и обществом, актуализирует аксиологические центры дискурса в современном контексте. Для актуализации таких аксиологических центров автор использует определённые стратегии создания текста, или дискурсивные стратегии (в терминологии Л. А. Фирстовой [14]). Вслед за Л. А. Фирстовой мы понимаем под стратегией «поэтапный план реализации коммуникативных намерений автора, тактика понимается как способ реализации коммуникативного плана или стратегии дискурса. Каждая тактика может быть представлена определённым набором языковых средств, которые называются тактическими приёмами, или способами реализации тактик» [14, 8].

Второй методологический подход, на котором базируется проводимое исследование, связан с пониманием текста политического плаката как мультимодального (поликодового) [10; 11], креолизованного [2] текста, т.к. значимую часть плаката составляют, помимо вербальных компонентов, различные изображения, фотографии и прочие невербальные элементы, которые тесным образом связаны со смыслом, передаваемым в плакате вербальными средствами. Мультимодальный текст наилучшим образом отражает тот факт, что современный человек получает информацию об окружающей его действительности по разным взаимосвязанным друг с другом каналам. Таким образом, модель построения мультимодального текста выглядит следующим образом: «текст» + «изображение» [4]. Разные семиотические системы, как то: письменный текст, визуальные образы, шрифты, композиционная организация, цветовые решения – выступают в единстве и служат цели эффективного создания смысла и оказания определённого влияния на читателя [16]. Мультимодальный текст в знаково-образной целостности является воплощением кода культуры. Субъект воспринимает указанную целостность, обусловленную контекстуальными связями, на идейно-смысловом и содержательном уровнях.

Третьим методологическим подходом является аксиологическая трактовка текстов культуры, суть которой заключается в том, чтобы выявить содержательную сторону текста культуры через категорию «ценность/смысл». В настоящем исследовании в качестве универсальной ценности и смысла культуры предстаёт региональная идентичность, понимаемая как макроуровневая структура, составленная из трёх компонентов:

1. общность территории;
2. культурно-историческая общность;
3. социально-экономическая общность.

В России сложилось особенно трепетное отношение к Родине, которое получило философское (например, в работах Н. Бердяева) и литературно-художественное переосмысление. Второе, отношение к родной земле, как к жене, выразил А. Блок [13, 174]. Неслучайно Ю. С. Степанов фиксирует родную землю как константу культуры. В компоненты данного концепта Ю. С. Степанов, вслед за М. Пришвиным, включает: «боль» за свою землю, естественное богатство, саму землю, родного человека, природу, родное слово [13].

Новизна настоящего исследования заключается в попытке актуализировать концепт региональной идентичности в предвыборном политическом плакате.

Размещая плакаты на билбордах, кандидаты во власть различного уровня осознают, что реципиенты видят плакат короткое время, поэтому центральная задача авторов плакатов сделать так, чтобы прохожему запомнилась основная идея партии или отдельного кандидата.

Исследователи безоговорочно соглашаются с тем, что ключевая функция предвыборного политического плаката – манипулятивная, смысл которой состоит в том, чтобы с помощью различных дискурсивных стратегий убедить потенциального избирателя поддержать на выборах того или иного кандидата или политическую партию [7]. Среди ведущих дискурсивных стратегий, представленных на предвыборных политических плакатах и направленных на актуализацию региональной идентичности, мы выделили стратегию самопрезентации. Н. В. Малышева исследует различные точки зрения на проблему самопрезентации. Так, самопрезентация фиксируется как целенаправленная деятельность по контролю за производимым на других впечатлением; как процесс формирования идентичности, которую один человек предъявляет другим людям через внешние проявления; как процесс регуляции производимого субъектом впечатления с учётом специфики социальных ситуаций и (или) выражения системы представлений о самом себе; как поведение, используемое для передачи некоторой информации о субъекте другим людям [8]. Рассмотрим на примерах различные тактические коммуникативные средства, реализующие указанную стратегию. Следует отметить, что подобная процедура стала возможной, потому что все проанализированные нами политические плакаты, освещающие интересы партий или отдельных кандидатов в предвыборной борьбе, с точки зрения структурной организации относятся к тем плакатам, которые объединяют изображение (графический, цветовой и иконический коды) и вербальный текст (в терминологии С. Ю. Павлиной [9]). Под иконическим кодом понимаются «рисунки, фотографии и другие графические изображения, инкорпорированные в текстовое пространство плаката» [9, 102].

Стратегия самопрезентации реализуется в контексте актуализации региональной идентичности, во-первых, в тактике отождествления того региона, интересы которого намерен представлять будущий народный избранник, с частью России: *Для нас Россия больше мира! Орск! Россия! Красноярск Родина Россия! Во благо России – во благо Подмосковья!*

Во-вторых, стратегия самопрезентации воплощается в тактике отождествления себя (т.е. кандидата) с конкретной территорией, регионом. Интересно, что данная тактика подкрепляется и невербальными компонентами. Так, в ходе исследования были обнаружены политические плакаты, на которых кандидаты изображены на фоне очертаний города, например очертаний Москвы, или очертаний края на географической карте России (см. рис. 1).

Указание на географическую территорию на плакате убеждает реципиента в том, что кандидат чувствует свою причастность к судьбе определённой территории, ощущает себя земляком жителей региона, а значит понимает их проблемы, разделяет их боль, переживает за их настоящее и будущее: *Работаю на благо Бурятии! На благо Москвы – на благо москвичей! Наш выбор – сильная Сибирь! Наше Прикамье – наши традиции! За город, который нам дорог! Мой город – моя ответственность! Моя судьба – в судьбе Забайкалья! За нашу Владимирскую область!*

Чаще всего идея отождествления себя со своей малой родиной вербализуется с помощью личного местоимения «мы» и притяжательных местоимений *наш, мой*, что подчеркивает идею единения кандидата с некоторой общностью людей, которую он представляет в городской или Государственной Думе, на посту главы города или губернатора.

Единение с регионом отражается в использовании таких эпитетов, как «родной», «любимый», «дорогой»: *За родную Москву! Родному городу – энергию молодых! За город, который нам дорог! Любимому городу – разумную власть!*

Дискурсивная стратегия самопрезентации реализуется также в тактике анонсирования своих будущих действий для социально-экономического развития региона. Тем самым кандидат информирует о своих приоритетах в депутатской работе, демонстрирует интерес к жизни того или иного региона: *Здоровье земляков – защита Забайкалья! Челябинск – город без заводов! За сов-*

Рис. 1. Предвыборный плакат

местный труд на благо Сахалина! Крепкие производства – сильная Брянщина! Воронеж – город для жизни! Древней столице – современное благоустройство (о городе Владимира)! Родному Забайкалью – развитие! За достойное будущее Донского края! Тамбовщина может больше! Заря (Заря – посёлок, примечание наше) – городской порядок!

Политический плакат отражает современное состояние политической, экономической и социальной ситуации определённой эпохи развития общества. Очевидно, что слоганы на предвыборных политических плакатах обнажают региональные проблемы, с которыми местные жители сталкиваются на постоянной основе. Например, можно предположить, что в посёлке Заря или городе Владимире отсутствуют благоустроенные общественные пространства, качественные дороги и тротуары. Или известно, что Челябинск – это город крупных предприятий, деятельность которых оказывает негативное влияние на состояние окружающей среды, что в свою очередь отражается на здоровье жителей Челябинска. Поэтому идея о городе без вредного производства лежит в основе предвыборной программы партии, отражающей экологическую повестку современности. Возможно, в Забайкальском крае остро стоит вопрос о состоянии краевой системы здравоохранения, поэтому кандидат считает необходимым показать жителям, что он осведомлён о проблеме и считает её своим приоритетом.

Обращает на себя внимание активное употребление на предвыборных политических плакатах лексемы «сильный» в отношении страны, региона, человека. По данным справочно-информационного портала Грамота.ру [12] лексема *сильный* имеет следующие лексико-семантические варианты:

1. Обладающий большой физической силой (противоп.: слабый).
2. Обладающий значительной мощностью, мощный.
3. Обладающий волей, твёрдым характером, стойкий.
4. Значительный (по величине, степени проявления).
5. Обоснованный, веский, убедительный.
6. Талантливый, обладающий знаниями; сведущий, знающий, умелый в чём-л.

Судя по всему, второе и четвёртое значения прилагательного «сильный» следует отнести к описанию региона. Используя такие словарные значения в отношении города или края, кандидат в органы власти различного уровня стремится к развитию производственного потенциала местности, которую он представляет. Описывая себя как сильного депутата или губернатора, кандидат демонстрирует качества, отражённые в словарных дефинициях: обладающий волей, твёрдым характером, стойкий, а также талантливый, обладающий знаниями; сведущий, знающий, умелый в чём-л.: *Сильной Башкирии сильный президент! Сильный губернатор – сильное Подмосковье!*

Одним из частотных слов на предвыборных политических плакатах является имя прилагательное «достойный». Депутаты обещают своим избирателям достойную жизнь, достойное будущее, под которыми следует понимать, что человеку должны быть обеспечены возможности на свободное удовлетворение своих базовых физиологических (питание, жилище, одежда) и экзистенциональных (комфорт, социальная и правовая безопасность) потребностей, а также второстепенных потребностей (духовных и социальных).

Стратегия самопрезентации проявляется в тактике объединения, реализуемой с помощью тактического хода побуждения, призыва к совместным действиям: *Строим Хабаровск вместе! Возродим нашу Смоленину вместе!* В таких слоганах для усиления значения императива и действия плаката на аудиторию используется местоимение *вместе*, что соответствует пониманию русской культуры как коллектиivistской культуры. Указанное местоимение выражает стремление автора к достижению общих целей. Кроме того, тактика побуждения и призыва выражена с помощью глагольной конструкции. Для русскоязычного плаката это инфинитив (*Любить край – служить людям! Защищать каждого Рязанца!*), употребление глагола в форме 1-го лица множественного числа без местоимения «мы» (*Защитим интересы города Владимира!*). Темпоральный вектор культуры в данном случае естественно направлен в будущее, поскольку предвыборная борьба предполагает высказывание готовности представителей власти принимать непосредственное участие в развитии региона, совершать активные действия по улучшению уровня жизни населения региона.

Тактика объединения отражена в частотном использовании обращения «земляки» к реципиентам предвыборного политического плаката: *Здоровье земляков – защита Забайкалья!* Употребление в лозунгах подобного слова делает их более убедительными. Анализ предвыборных политических плакатов выявил использование одной из центральных культурологических метафор регион/город – дом: *Каменск – это мы! Наш город – наш дом!* Метафоры способствуют осознанию ценностных установок той или иной культуры. В русской картине мира дом – чрезвычайно значимая константа. Дом – это не просто здание, предназначеннное для проживания, но, скорее, дом – «это жилище, убежище, характеризующееся неприкованностью и независимостью» [1]. Достаточно вспомнить, что к дому на Руси относились как к живому человеку, обозначая некоторые элементы избы названиями частей тела человека, например, часть дверей называлась пята, стопа. Дом был для русского человека тем сокровенным местом, в котором люди строили свой мир и свою жизнь. Дом – это часть жизни и способ соединять и формировать свою жизнь. Иначе говоря, дом – это образ рода и родины, модель мира и жизни человека.

На некоторых предвыборных плакатах нам встретились эпитеты, которые описывают народного избранника, подчёркивают его личную связь с регионом: *Сумкино – под прикрытием надёжного депутата! Староосколец северной закалки! Яркий пример уральского характера! Верен народу, нужен орловщине!* Подобные примеры способствуют позитивной оценочности кандидата. В них находят отражение положительные качества личности: надёжность, сила, преданность, закалённость перед различными препятствиями.

Помимо того, что информация должна быть понятна широким массам, способ её представления предполагает лаконичность, а это означает, что каждый элемент плаката как особого вида текста следует сделать максимально «заряженным», выразительным, привлекающим внимание [9, 101]. Невербальные компоненты проанализированных плакатов также актуализируют региональную идентичность в своём взаимодействии с вербальной частью предвыборных постеров. Известно, что символика цвета оказывает воздействие на чувства и сознание адресата и используется в плакате в качестве дополнения. Актуализация региональной идентичности проводится на фоне цветов российского флага или надписи на плакате в цветах российского флага. Таким образом, основные цвета, которые используют авторы плаката, это синий, красный и белый. Анализ показал, что ключевые слова предвыборного политического плаката окрашены в красный цвет, тем самым привлекая внимание читателя и призывая к определённому внутреннему осмыслинию текста. В ходе исследования мы установили, что иконическая составляющая, а именно портрет предполагаемого народного избранника, доминирует или является равноценной вербальной составляющей по объёму занимаемого пространства политического плаката. Такой способ визуализации личности кандидата оправдан, поскольку несёт в себе определённый психологический эффект личного знакомства читателя с депутатом. Как правило, для плаката используется фото политического деятеля, подчёркивающее какие-либо черты его характера (решительность, простоту, близость к народу) и вызывающее уверенность у избирателей в правильности своего выбора (см. рис. 2).

Итак, в результате исследования мы установили, что в предвыборных политических плакатах используется две группы регионально-детерминированных компонентов: вербальные, выраженные в текстовой части плаката; невербальные, выраженные в особенностях графического оформления. Оба типа компонентов реализуют дискурсивную стратегию самопрезентации, представленную на плакатах в различных тактиках, а именно: тактике отождествления с регионом, тактике анонсирования действий, направленных на развитие территории, и тактике объединения. С помощью политического плаката, задействованного в качестве ключевого коммуникационного канала с жителями региона, фиксируются аксиологические установки и ценностные ориентиры

Рис. 2. Оформление текста в цвета российского флага

человека на определённый период времени. Региональная идентичность сегодня является универсальной ценностью для современного общества, которое начинает осознавать необходимость сохранения своей территориальной уникальности в пространстве единой страны. Регион должен стать для каждого его жителя домом, т.е. местом, где комфортно и безопасно, местом, в котором все проживающие в нём едины в своём стремлении к нравственному и материальному благополучию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина, С. Н. Идея Дома в русской философии: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Алехина Светлана Николаевна. – Курск, 2004. – 171 с.
2. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. – М.: ТЕЗАРУС, 2013. – 122 с.
3. Вальтер, Х. Политический плакат – зеркало своего времени / Х. Вальтер // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3. – С. 143-149.
4. Загидуллина, М. В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определённости [Электронный ресурс] / М. В. Загидуллина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 1 (31). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnost-k-voprosu-o-terminologicheskoy-opredelennosti> (дата обращения: 09.10.2021).
5. Иссерс, О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 2011. – № 4. – С. 227-232.
6. Иссерс, О. С. Оппозиционный плакат как жанр полимодального дискурса / О. С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 2012. – № 3. – С. 247-252.
7. Ли, Е. В. Реализация стратегии самопрезентации в южнокорейском политическом дискурсе / Е. В. Ли // Политический дискурс в парадигме научных исследований: сб. науч. ст. – Тюмень: Вектор Бук, 2015. – С. 74-83.
8. Малышева, Н. В. Профессиональная самопрезентация в резюме и сети Instagram / Н. В. Малышева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № 4 (44). – С. 42-47.
9. Павлина, С. Ю. Политический плакат как поликодовый текст / С. Ю. Павлина // Политическая лингвистика. – 2019. – № 2 (74). – С. 100-106.
10. Сонин, А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Сонин Александр Геннадьевич. – М., 2006. – 323 с.
11. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия: кол. моногр. / отв. ред. Р. Г. Котов. – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.
12. Проверка слова: сильный [Электронный ресурс] / Справочно-информационный портал Грамота.ру. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovare/dic/?word=%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9&all=x> (дата обращения: 09.10.2021).
13. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 989 с.
14. Фирстова, Л. А. Дискурсивные стратегии и тактики в рамках телепублицистического дискурса (на материале русскоязычных и англоязычных информационных программ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Фирстова Любовь Анатольевна. – Саратов, 2008. – 25 с.
15. Fairclough, N. Language and power. Second edition. London: Macmillan, 2002.
16. Kress, G. & van Leeuwen, T. Reading images: The grammar of visual design. Second edition. London: Routledge Press, 2006.
17. Leeuwen, T. van, Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis / Leeuwen, T. van. New York, 2008.
18. Maiken Ana Kores. Powerful posters – A multimodal analysis of Slovenia's 2018 parliamentary elections / Maiken Ana Kores // DOI:10.4312/ars.14.1.105-124.
19. María Martínez Lirola. Multimodal analysis of a sample of political posters in Ireland during and after the Celtic Tiger / María Martínez Lirola // REVISTA SIGNOS. ESTUDIOS DE LINGÜÍSTICA // DOI: 10.4067/S0718-09342016000200005 49(91). P. 245-267.
20. Mondada, L. Challenges of multimodality: Language and the body in social interaction / L. Mondada // Journal of sociolinguistics. – 2016. – N 20 (3). DOI: 10.1111/josl.1_12177. P. 336-366.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

PHILOLOGY AND ART

Шушарина Г. А.
G. A. Shusharina

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

IMPLEMENTATION OF SELF PRESENTATION COMMUNICATIVE STRATEGY IN BUSINESS COMMUNICATION

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Str; tel. 8(4217)241-165. E-mail: lmk@knastu.ru.

Аннотация. Настоящее исследование посвящено фиксированию коммуникативных тактик и языковых средств самопрезентации личности, представленных в сфере делового общения. С этой целью в статье рассматриваются отрывки из художественных фильмов и художественных произведений, содержащих сцены деловой коммуникации. Опираясь на классификацию тактик реализации коммуникативной стратегии самопрезентации, составленную Е. А. Ковригиной, автор статьи исследует языковые средства тактики самопропаганды и тактики заискивания, реализующих стратегию самопрезентации. Среди основных коммуникативно-прагматических средств тактики самопропаганды мы зафиксировали следующие: асертивность, которая выражается в использовании глаголов, указывающих на высокий профессионализм участника коммуникации, в сочетании с личным местоимением первого лица единственного числа, апелляция к известным личностям для повышения собственного статуса, а также использования эмотивной, положительной оценочной лексики. Тактика заискивания актуализируется посредством подчёркнутой вежливости, осведомлённости делами собеседника, восхищения собеседником и проявления уважения к нему, сопоставления с собеседником в пользу последнего. Указанные способы сопровождаются использованием соответствующих языковых средств.

Summary. The present research is devoted to the fixation of communicative tactics and linguistic means of self-presentation of a person, presented in the field of business communication. For this purpose, the article examines excerpts from feature films and works of art containing scenes of business communication. Based on the classification of tactics for the implementation of the communicative strategy of self-presentation, compiled by E.A. Kovrigina, the author of the article explores the linguistic means of self-promotion tactics and ingratiating tactics that implement the self-presentation strategy. Among the main communicative-pragmatic means of self-promotion tactics, we recorded the following: assertiveness, which is expressed in the use of verbs indicating the high professionalism of the communication participant, in combination with the personal pronoun of the first person singular, an appeal to famous personalities to improve their own status, as well as the use of emotive, positive evaluative vocabulary. The tactics of ingratiating are actualized through emphasized politeness, awareness of the interlocutor's affairs, admiration for and respect for the interlocutor and comparison with the interlocutor in favor of the latter. These methods are accompanied by the use of appropriate language means.

Ключевые слова: деловое общение, самопрезентация, коммуникативная стратегия, тактика.

Key words: business communication, self-presentation, communication strategy, tactics.

УДК 808.5

Интерес к коммуникативному поведению в разных сферах общения не ослабевает. Опираясь на прагматический подход в исследованиях языковых явлений, учёные предлагают новые интерпретации коммуникативных стратегий, разрабатывают различные арсеналы коммуникативных тактик, реализующих ту или иную коммуникативную стратегию [1; 6; 7; 12; 13]. О. С. Иссерс считает

тает, что подобный интерес можно объяснить коммуникативными, когнитивными, лингвистическими, социологическими и психологическими, риторическими и эстетическими предпосылками [2, 52-54]. Существует множество подходов к определению термина «коммуникативная стратегия». В данной статье мы используем определение О. И. Иссерс, согласно которому стратегия – «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [2, 54].

Настоящее исследование посвящено фиксированию коммуникативных тактик и языковых средств самопрезентации личности, представленных в сфере делового общения. С этой целью в статье рассматриваются отрывки из художественных фильмов и художественных произведений, содержащих сцены деловой коммуникации. Коммуникативная цель текстов, представляющих наш материал исследования, убедить своего делового партнёра в необходимости совершения коммерческой сделки. Для этого автор реплик прибегает к различным коммуникативным стратегиям, в том числе к коммуникативной стратегии самопрезентации, которая, как считает О. С. Иссерс, реализуется практически в любом речевом действии [3]. При этом важно отметить, что мы понимаем деловое общение широко, а именно как общение, представляющее собой психологическое взаимодействие людей, направленное на реализацию задач, стоящих перед ними в их совместной деятельности [5]. Деловое общение классифицируется на официальное деловое общение, тематика которого ограничена рамками служебных задач (стандартизированное общение с использованием документального языка), и на неофициальное деловое общение с расширенной тематикой для переговоров и нестрогим профессиональным языком [5]. Формы делового общения отличаются своим разнообразием.

В лингвистике, по мнению М. А. Лаппо, самопрезентация рассматривается как «коммуникативная (в том числе вербальная) стратегия управления впечатлением о говорящем у адресата» [8]. Н. В. Малышева исследует различные точки зрения на проблему самопрезентации, понимание которой неоднократно подвергалось корректировке. Так, самопрезентация фиксируется как целенаправленная деятельность по контролю за производимым на других впечатлением с учётом специфики социальных ситуаций и (или) выражения системы представлений о самом себе; как процесс формирования идентичности, которую один человек предъявляет другим людям через внешние проявления; как поведение, используемое для передачи некоторой информации о субъекте другим людям [10]. Под самопрезентацией в данной работе будет пониматься демонстративное поведение с целью создания определённого впечатления у реципиента и получения желаемого результата [11, 56]. Такой эффект О. А. Леонович предлагает называть коммуникативной аттракцией [9].

В качестве основы для исследования мы выбрали классификацию тактик реализации коммуникативной стратегии самопрезентации, составленную Е. А. Ковригиной [4]. Исследователь подчёркивает, что наиболее частотными тактиками являются тактика самопродвижения и тактика заискивания. Тактика самопродвижения заключается в демонстрации собственных знаний и умений участника коммуникации, своих профессиональных достоинств с целью создать впечатление компетентного человека, эксперта в определённой области. Тактика заискивания предполагает умение, с одной стороны, быть дружелюбным и вежливым, с другой стороны, даже льстивым. Механизмы тактики заискивания направлены на создание привлекательного имиджа в глазах собеседника, что должно обеспечить успешность в деловых переговорах [4].

Проанализируем отрывок из художественного фильма Евгения Абызова «Лёгок на помине» (2014), главный герой которого молодой и успешный риелтор Павел пытается убедить Алину Степановну, хозяйку старинного поместья, оформить на него доверенность на куплю-продажу особняка. Для этого Павел решает втереться в доверие к владелице недвижимости. В своём диалоге с ней он использует несколько коммуникативных тактик, одна из которых – тактика заискивания. Риелтор вежливо и спокойно использует языковые средства, демонстрирующие участливое отношение к жизни Алины Степановны и жизни её покойного мужа. Павел понимает, насколько дорог был для героини эпизода её муж, как она восхищалась и уважала его при жизни, поэтому молодой бизнесмен использует слова и выражения, которые льстят самолюбию собеседника и которые собеседник желал бы слышать (все, большим поклонником, замечательная, на века):

ПАВЕЛ: Теперь к делу! Я прочитал все книги вашего мужа. Я являюсь его большим поклонником.
АЛИНА СТЕПАНОВНА: Апполон был великим человеком: писатель, учёный, путешественник, коллекционер. Он объездил весь мир и везде успевал. Сейчас бы, вы знаете, сказали – экстремал. С ним было так интересно. Стены этого дома хранят воспоминания о самых счастливых днях моей жизни...

ПАВЕЛ: Алина Степановна, у меня есть замечательная идея!

АЛИНА СТЕПАНОВНА: ...да, продолжайте Павел, я слушаю вас.

ПАВЕЛ: У меня есть идея. В этом доме соорудить дом-музей имени Апполона Георгиевича...

АЛИНА СТЕПАНОВНА: Григорьевича, да...

ПАВЕЛ: ...да! Чтобы его поклонники со всего света: из Китая, из Парижа, Венеции, Бугульмы могли бы приезжать сюда, и таким образом мы смогли бы пронести память об Апполоне Горском на века.

Далее Павел старается подчеркнуть осведомлённость в обстоятельствах жизни семьи. Он представляет себя в роли музейного работника, который мечтает создать музей в честь усопшего хозяина старинного поместья. Для этого риелтор использует тактику «самопрдвижения», чтобы выглядеть компетентным в глазах собеседника и вызвать доверие к совершающей сделку и к нему самому со стороны хозяйки дома. Это реализуется, во-первых, в частотном употреблении местоимения *Я*, во-вторых, в использовании глаголов, показывающих высокие профессиональные качества (знаю) и положительные личностные качества, а именно настойчивость в достижении цели (не боюсь, сделаю, дойду). Такая самоподача и акцентирование своих профессиональных способностей представляет собой уверенность в себе, напористость, не перерастающую в агрессивность, или асертивность. В конечном итоге главный герой фильма достигает желаемого результата, бесспорно, благодаря умело применяемым коммуникативным тактикам:

АЛИНА СТЕПАНОВНА: Прекрасная идея. Я сама давно мечтала о чём-то вот таком, но я не знаю, как это делать.

ПАВЕЛ: Я знаю.

АЛИНА СТЕПАНОВНА: Вы в самом деле можете открыть музей? Вот удивительно, я почему-то с первого же взгляда подумала, что вы риелтор.

ПАВЕЛ: Гхм... Известная женская интуиция, смысл которой в том, что никакой интуиции нет. Хм-ха-ха! Что вы, я музейный работник... я... одну секундочку... сейчас... вот, вот моё удостоверение. Алина Степановна, мы откроем музей уже в следующем месяце, но для этого мне нужны законные основания, вы же понимаете.

АЛИНА СТЕПАНОВНА: Дерзайте, но... если вы сделаете что-нибудь не так, в вашей жизни могут появиться трудности.

ПАВЕЛ: А знаете, ... я не боюсь трудностей. Алина Степановна, вы не представляете, что я сделаю: я дойду до министерства, мы получим меценатов, спонсоров, Третьяковскую галерею, мы сделаем музей мирового уровня.

АЛИНА СТЕПАНОВНА: А от меня что требуется?

ПАВЕЛ: Сущая формальность... Вот ручка. Прошу. Ну, вот и прекрасненько.

Следующий отрывок для анализа, актуализирующий коммуникативную стратегию самопрезентации в деловом общении, взят из художественного фильма Э. Салаватова «ПираММида» (2011). Нижеследующий диалог демонстрирует, как один из героев фильма намеренно пытается использовать несколько тактик самопрезентации для того, чтобы установить деловые отношения с собеседником и стать его партнёром. Главное действующее лицо – Белявский – представляет себя как человека, которому можно и следует доверять. С помощью техники «заискивания» герой старается выразить собеседнику своё дружелюбие, своё единение с ним. Его речь не обходится без похвалы достоинств второго участника коммуникации и восхищения его личностью. Герой фильма даёт понять, что наслышан о деловой жизни собеседника и обращается к нему на «Вы», тем самым подчёркивая его значимость и высказывая своё уважение к нему. Для этого герой использует различные части речи положительной оценочности (искренне, восхищаюсь):

БЕЛЯВСКИЙ: Я искренне восхищаюсь вами Сергей Кондратьевич! За полгода поднять такую машину! В то время как я со своими американскими друзьями пытался работать с «Семьёй», пытался работать с парламентом, вы зашли снизу, взяли массой, так сказать. Потрясающе... и сколько у вас сейчас вкладчиков?

МАМОНТОВ: Американские друзья?! очень интересно.

Здесь же Белявский реализует и тактику «самопропаганды». Он прямо указывает на то, что имеет определённый опыт в делах с иностранцами, с некоторыми из них у героя сложились тёплые взаимоотношения. Обращает на себя внимание использование прилагательного в превосходной степени сравнения:

БЕЛЯВСКИЙ: Да, есть партнёры за океаном. Крупнейшие финансисты. Крупнейшие. Они очень заинтересовались.

МАМОНТОВ: Мне лестно.

Начиная разговор о деле, Белявский использует официальную риторику, которая также реализует тактику «самопропаганды». Подобное использование канцеляризмов направлено в данной ситуации на демонстрацию серьёзности своих намерений, а также вновь подчёркивает связь героя с некоторыми иностранными партнёрами, заинтересованными в сделке:

БЕЛЯВСКИЙ: Я полномочен поговорить с вами о сделке по МММ.

МАМОНТОВ: Цена вопроса?

БЕЛЯВСКИЙ: 50 миллиардов долларов.

МАМОНТОВ: Зачем вам МММ?

БЕЛЯВСКИЙ: Влиять, Сергей Кондратьевич, влиять.

МАМОНТОВ: Вы передайте своим друзьям, что я отказываюсь от их лестного предложения.

БЕЛЯВСКИЙ: Сергей Кондратьевич, 50 миллиардов долларов. Вы подумайте. Не спешите.

МАМОНТОВ: Я очень быстро думаю.

БЕЛЯВСКИЙ: Это ваш окончательный ответ?

МАМОНТОВ: Илья Викторович... я Россией не торгую.

Ещё один фрагмент реализации коммуникативной стратегии самопрезентации в деловом общении был обнаружен в художественном фильме режиссёра К. Шипенко «Как поднять миллион» (2014). Беседа начинается сразу с делового предложения. При этом главный герой с помощью тактики заискивания стремится уговорить собеседников совершить сделку:

МЭР: Доброй ночи! Вы, вероятно, Женя?

ЖЕНЯ: Да, здравствуйте.

МЭР: А вы соответственно Николай?

КОЛЯ: Угу.

МЭР: Да вы садитесь! У меня для вас особое дело. Возможно, для вас это будет интересно, у меня есть изобретение... девайс. Если внедрить в массу, то она изменится к лучшему. Проблема только в том, что если этим буду заниматься я...ну вы понимаете, какая у меня репутация? Если я даже спасу кого-то от пожара, скажут, что я сам поджёг. А вот вы – другое дело...

В приведённом фрагменте тактика заискивания актуализируется с помощью сопоставления я – вы, в котором я – человек с негативной репутацией, тогда как второй участник сопоставления обладает противоположной репутацией. Мэр также демонстрирует свою осведомлённость делами собеседников и заинтересованность в их судьбе, при этом использует тактику самопропаганды, объясняя, что при совершении выгодной сделки у собеседников откроются новые перспективы:

МЭР: Не дураки: блог раскрутили, кое-кто даже занял 4-е место в олимпиаде для программистов. Занимались бизнесом, не очень успешно... Ну а что делать, коррупция, а вы молодые, наивные, как и страна в целом. Но вот выпал шанс, новый девайс, новые перспективы – и у вас всё получается. Что это?

КОЛЯ: Божье проявление?

МЭР: Доказательство. И у нас простые люди могут получить всё, что захотят. Вы получите 2 % от прибыли. ...Не волнуйтесь, с моими связями у вас не будет никаких проблем.

Далее рассмотрим отрывки из художественных произведений, содержащих сцены деловой коммуникации и реализующих тактику заискивания и самопродвижения в контексте коммуникативной стратегии самопрезентации.

Главный герой книги Эдуарда Багирова «Гастарбайтер» случайно встречает продавца музыкальных пластинок, который настойчиво предлагает главному герою купить одну из пластинок. С этой целью продавец в качестве обращения использует местоимение 2-го лица (*Ты*), тем самым стремится установить доверительные отношения с потенциальным покупателем. Использование данного местоимения в сочетании с наречием *только* намеренно подчёркивает исключительность собеседника и реализует тактику заискивания: «Только тебе отдам...». Одновременно продавец использует тактику самопродвижения – он доказывает свою способность профессионально разбираясь в качественной музыке с помощью перечисления известных музыкальных имён. Кроме того, торговец музыкальными пластинками подчёркивает, что он единственный, у кого можно приобрести данный товар:

Пластинок с подобной музыкой в магазинах заброшенного туркменского городка отродясь не было, а на мой вопрос, когда же завезут Бетховена, заведующий марыйским магазином грампластинок, дядя Амангельды, лишь удивлённо выпучил глаза.

– О Аллах, кто это такой? Лучше купи вот последний завоз, смотри, Какыши Сапаров есть, Роза Рымбаева есть, даже есть Сахы Джапбаров и Лев Лещенко, да! Битховин-митховин мы не закаляем, кто такой, даже не знаем, но, наверное, нехороший чалавек, если у нас нету. Ну, ладно, – увидев мои рассстроенные глаза, подобрел дядя Амангельды. – Вот, смотри, что у меня для тебя есть! Только тебе одному дам, большой дефицит, по пятьдесят рублей всем продаю, а тебе – по госцене! Помни доброго старого дядю Амангельды!

В произведении «Гастарбайтер» был обнаружен ещё один пример использования коммуникативной стратегии. С самого начала разговора один из героев диалога обращается к собеседнику по-дружески и использует одну из основных тактик самопрезентации, тактику заискивания. Он подчёркивает заинтересованность в судьбе собеседника (*Надо и тебе в люди выходить*). Герой Синдеев даёт положительные характеристики своему собеседнику (*интеллигентная, научившись быстро*). Интересно сравнение Жени с известным телеведущим Л. Якубовичем, который в представлении Синдеева обладает большими коммуникативными способностями. Его речь правильная и культурная:

СИНДЕЕВ: Орехов хочешь? – вопросил он, жестом указывая мне на стоящий напротив стола такой же убогий, как и под ним, стул.

ЖЕНЯ: Нет, благодарю. Вы приглашали, и я вот... пришёл...

СИНДЕЕВ: Да хороши тушеваться-то, не съем, небось. Я вот тут чего прикинул. Бармена моего, Кольку, завалили тут на днях в Навашине из-за бабы по пьянке. А ты вроде ничего, подходишь. Рожа у тебя интеллигентная, трепещешься, что Якубович в «Поле чудес», культурно... Давай-ка, попробуй за стойкой постоять. Кассовый аппарат там простой, научившись быстро. А чего! Надо и тебе в люди выходить.

Таким образом, мы установили, что в анализируемых в данной статье отрывках из художественных фильмов и произведений коммуникативная стратегия самопрезентации реализуется с помощью тактики самопродвижения и тактики заискивания. Среди основных коммуникативно-прагматических средств тактики самопродвижения мы зафиксировали следующие: асsertивность, которая выражается в использовании глаголов, указывающих на высокий профессионализм участника коммуникации, в сочетании с личным местоимением первого лица единственного числа, апелляция к известным личностям для повышения собственного статуса, а также использование эмотивной, положительной оценочной лексики.

Тактика заискивания актуализируется посредством подчёркнутой вежливости, осведомлённости делами собеседника, восхищения собеседником и проявления уважения к нему, сопоставления с собеседником в пользу последнего. Указанные способы сопровождаются использованием соответствующих языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошина, С. В. Коммуникативная стратегия самопрезентации в автобиографическом дискурсе / С. В. Волошина // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 9 (92). – С. 261-265.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
3. Иссерс, О. С. Интердискурсивность и интеркодовость в новых коммуникативных практиках русского языка / О. С. Иссерс // Русский язык: исторические судьбы и современность: сб. тр. IV Междунар. конгр. исследователей рус. яз. (Москва, 20–23 марта 2010 г.). – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 119-120.
4. Ковригина, Е. А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ковригина Елена Александровна. – Кемерово, 2010. – 25 с.
5. Корепанова, В. В. Сущность и содержание понятия «профессионально-деловое общение» / В. В. Корепанова // Вестник КГУ. – 2012. – № 4. – С. 113-114.
6. Крижановская, Е. М. Коммуникативные стратегии и тактики публичных выступлений кандидатов в депутаты регионального уровня / Е. М. Крижановская // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5 (59). – С. 82-85.
7. Куралева, Т. В. Самопрезентация в предвыборном дискурсе: корпусное исследование (на материале предвыборных речей Б. Сандерса и Х. Клинтон) / Т. В. Куралева, В. Н. Кондрашова // Научный диалог. – 2018. – № 4. – С. 100-112.
8. Лаппо, М. А. Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса / М. А. Лаппо // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. – 2012. – Т. 6. – № 2. – С. 72-76.
9. Леонтович, О. А. Аттрактивность и стратегии самопрезентации в межкультурном общении [Электронный ресурс] / О. А. Леонтович. – Режим доступа: <http://congreso2017.esp-centr.sfedu.ru/materials/17/995/leontovicholga.pdf> (дата обращения: 09.10.2021).
10. Малышева, Н. В. Профессиональная самопрезентация в резюме и сети Instagram / Н. В. Малышева // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № 4 (44). – С. 42-47.
11. Михайлова, Е. В. Обучение самопрезентации / Е. В. Михайлова. – Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. – 161 с.
12. Чистякова, Г. В. Коммуникативные стратегии и тактики в самопрезентациях (на материале русско- и англоязычных сайтов знакомств) / Г. В. Чистякова, Е. П. Бондарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11 (41). – Часть 2. – С. 203-207.
13. Янко, Т. Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии / Т. Е. Янко // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4. – С. 28-53.

Гореликов А. И.
A. I. Gorelikov

**СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ
И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

**MODERN LEGISLATION TO ENSURE THE NATIONAL SECURITY OF THE INDIGENOUS
PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST**

Гореликов Андрей Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Публичное и частное право» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина 27; тел. 8(962)298-80-90. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Andrey I. Gorelikov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Public and Private Law Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Komsomolsk-on-Amur, Russia); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Ave. 27; tel. 8(962)298-80-90. E-mail: Gorelikov-Andrei@mail.ru.

Аннотация. Проведён концептуальный анализ существующей законодательной базы. Рассмотрены с позиции теории модернизации сложные динамические системы трансформации традиционных обществ как составная часть обеспечения национальной безопасности коренных малочисленных народов северных территорий. Обозначено авторское видение мировоззренческих и методологических подходов к исследуемой проблеме. Обоснована необходимость принятия регионального нормативно-правового акта, позволяющего обеспечить национальную безопасность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Сделан вывод, что обеспечение их национальной безопасности возможно гарантированной защитой прав на ведение традиционного жизнеустройства, сохранения уникальной культуры и традиций.

Summary. A conceptual analysis of the existing legislative framework was carried out. The article considers complex dynamic systems of transformation of traditional societies as an integral part of ensuring national security of indigenous small-numbered peoples of the northern territories from the standpoint of modernization theory. The author's vision of ideological and methodological approaches to the problem under study is outlined. The necessity of adopting a regional regulatory legal act to ensure the national security of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East is substantiated. It is concluded that ensuring their national security is possible by guaranteed protection of the rights to conduct traditional life and preservation of unique culture and traditions.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, национальная безопасность, теория модернизации, правовое поле.

Key words: indigenous peoples, national security, modernization theory, legal field.

УДК 347

Особое место в многонациональной Российской Федерации занимают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, общая численность которых составляет более 250 тыс. человек. Сложившееся государственное и региональное законодательство со времени вхождения территорий исконного проживания автохтонных народов было направлено на обеспечение их национальной безопасности.

Актуальность исследования поставленной проблемы обозначена сохранением уникальности материальной и духовной культуры малочисленных этносов как обеспечения их национальной безопасности в правовом поле. На всех этапах исторического развития автохтонных народов северных территорий в издаваемых государством нормативно-правовых актах гарантировалась защищённость территорий традиционного природопользования, жизненного уклада, культурных ценностей.

Опора на теорию модернизации, обширную законодательную базу позволила провести авторское исследование современной правовой системы по обеспечению национальной безопасности автохтонных народов как объяснительной модели их устойчивого развития.

Насколько успешны будут результаты, зависит от принятия комплекса экономических, социальных, юридических мероприятий в проводимой государством национальной политике в отношении автохтонных народов [20].

Несомненно, составной частью такой программы должна стать российская правовая система, гарантирующая коренным народам права на сохранение исконной среды обитания и традиционного природопользования.

Важно отметить, что одним из первых правовых актов стало «Временное положение об управлении “туземных” народностей северных окраин РСФСР» 1926 г. [11].

В законодательной базе РФ данный правовой акт представляет собой концепцию взглядов, принципов и приоритетов национальной безопасности, целевые направления деятельности органов государственной власти по основополагающим направлениям проводимой национальной политики. Проведённый с позиции теории модернизации углубленный анализ «Временного положения» даёт основание рассматривать его как программу длительного действия, направленную на ускоренное преодоление коренными народами исторического «отставания». «Временным положением» в числе экономических мер выдвигалась задача приступить к систематической работе по закреплению за каждым «туземным» родом необходимых ему промысловых территорий. В социокультурной сфере предполагалось провести комплекс мер по ликвидации безграмотности, создать здравоохранительную систему [2]. По своей сути «Временное положение» содержало комплексную программу длительной модернизации традиционного уклада, заложило концептуальные подходы правового обеспечения национальной безопасности автохтонных народов.

С русле Концепции национальной безопасности «Временное положение» закрепляло принципиально новый подход к развитию правового механизма, обеспечивающего защиту интересов традиционных обществ на переходных этапах советской модели развития, как основы национальной безопасности, что позволяло сохранить накопленные веками культурные ценности, сложившийся веками уклад жизнеустройства [19]. Данный подход закреплён во всех последующих нормативно-правовых актах, регулирующих общественные отношения государства и автохтонных народов. Вместе с тем «Временное положение» закрепляло исходные принципы межнациональных отношений, на основе которых формировалось правовое поле по обеспечению национальной безопасности северных народностей в новых исторических условиях.

Как известно, со второй половины 1950-х гг. в советском обществе начал проводиться курс демократических, социально-экономических преобразований. Изменилось не только оформление идеологических установок, но и стремление Правительства мобилизовать все силы страны на проведение экономических реформ.

Автохтонные народы северных территорий вновь становятся объектом пристального внимания государства. Подтверждением тому служит издание многочисленных нормативно-правовых актов, направленных на индустриальное развитие экономического сектора, социально-культурных сфер жизнеустройства коренных народов. Региональные и местные органы власти, иные хозяйствственные структуры сосредотачивают своё внимание на модернизации традиционного уклада малочисленных этносов. Специфика модернизации традиционного сектора экономики характеризуется переходом на индустриальную технологическую основу. В этой связи актуальным представляется рассмотрение принятого руководством страны 16 марта 1957 г. программного документа № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» [5]. Нет необходимости доказывать, что постановление содержало многоцелевые базовые программы, направленные на индустриальные преобразования. Обеспечивалось внедрение современных технологий в экономический традиционный сектор. Изменение структур и характера межнациональных отношений, вне сомнения, вело к ускоренному обмену культурными ценностями, которые неоднозначно влияли на все сферы социальной жизни. Таким образом, с одной стороны, происходил естественный процесс в общецивилизационном пространстве, а с другой – обеспечивалась их

национальная безопасность. Принятые постановлением перспективные решения позволили практически завершить переход традиционных отраслей на промышленное производство.

В перспективе экономического и культурного строительства постановлением ставились задачи перевода национальных колхозов на индустриальную основу и повышения эффективности их хозяйственной деятельности. Социалистическая реконструкция по своей сущности отражала основы концепции развития на длительную перспективу. Для этнических обществ данное постановление послужило началом интеграции в индустриальное пространство страны.

В исторической литературе считается, что начало нового этапа трансформации этнических обществ (1950 – 1980-е гг.) связано с данным постановлением. Совершенно справедливо большинство специалистов относят постановление 1957 г. к документам, положившим начало обеспечению национальной безопасности.

Историческая значимость постановления состоит в том, что развитие автохтонных народов на индустриальной основе стимулировало внедрение достижений научно-технического прогресса в традиционный сектор экономики. В основе проводимых радикальных преобразований очевидно применение метода мобилизационной модернизации. Подавляющая часть осуществленных и планируемых преобразований была направлена на ускоренное обеспечение целей и задач индустриального характера [1].

Решение задач по обеспечению национальной безопасности нашло подтверждение в последующем нормативно-правовом акте «О дополнительных мерах по развитию экономики и культуры народностей Севера», которым закреплялась окончательная интеграция традиционной экономики в экономическую систему государства, неизбежный переход автохтонных народов на индустриальный путь развития [6].

Совершенно справедливо следует отметить, что в структуре комплексного воздействия государства на малочисленные этносы сохранение их самобытной занятости, защита права на землепользование, ведение традиционного хозяйствования, самоуправление являются составной частью правовой системы Стратегии национальной безопасности. Правительство издаваемыми нормативно-правовыми актами формирует правовое поле национальной политики, определяет стратегические цели и задачи по обеспечению безопасности в отношении автохтонных народов [7].

Важное место в числе федеральных законов, изданных Правительством РФ в последнее десятилетие, занимает «Программа стратегического планирования устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на период 2016-2025 гг.» [8]. Анализ проблемных целеустановок Программы показывает, что обеспечить национальную безопасность автохтонных народов возможно законодательным закреплением их прав на традиционный образ жизни. Обращается внимание, что на региональном уровне обеспечение национальной безопасности малочисленных этносов решается в правовом поле регионального законодательства. Это позволяет учитывать своеобразие жизнеустройства, сложившиеся в течение длительного времени этнокультурные практики коренных малочисленных народов. Примером решения этой задачи в наше время служит Программа широкого освоения Арктики [9]. Программой предусматривается необходимость неукоснительного соблюдения и защиты прав проживающих на этой территории автохтонных народов на ведение традиционного хозяйствования, бережного сохранения экосреды. В социокультурной сфере базовым пунктом является законодательное закрепление права на сохранение и развитие традиционного уклада оленеводов, повышение качества их жизни, сохранение самобытной культуры.

Проводя исследование по поставленной проблеме, мы обратили внимание на рассмотрение ряда документов международного права. Особого внимания заслуживает ратифицированная Российской Федерацией 1 февраля 1995 г. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств [13]. В её русле российским законодательством разработан и принят ряд нормативно-правовых актов, подтверждающих поддержку государством самобытности и культуры малочисленных народов [10].

Исходя из последних данных, в мире автохтонные народы расселены на 20 % территории Земли [18]. Их общая численность в мире составляет от 300 до 500 млн человек, являющихся собой 80 % всего мирового культурного и этнического разнообразия [17].

Для проведённого исследования представляет интерес закреплённое Уставом ООН требование «поощрять права человека и основные свободы для всех без различия расы, пола, языка и религии» [12]. Обращает внимание Всеобщая декларация прав человека, провозгласившая «в качестве стандарта для всех народов и наций уважение к правам и свободам и обеспечение их всеобщего и эффективного признания» [16].

Следует отдельно выделить Международный акт ООН «О правах человека» 1966 г. В частности, ст. 27 предусматривается недопустимость дискредитации гражданских и политических прав меньшинств [4].

Проведённое исследование будет неполным без учёта сложившейся практики контроля за выполнением принятых федеральных и региональных нормативно-правовых актов. Сложившаяся в российском законодательстве институциональная система Федеральное агентство по делам национальностей (ФАНОД) осуществляет контроль над обеспечением защиты интересов национальных меньшинств. Функционирующие на федеральном уровне институциональные механизмы контроля в достаточной мере реализуют задачи, поставленные в проводимом исследовании.

Проанализировав современные нормативно-правовые акты, в той или иной мере относящиеся к обеспечению национальной безопасности, мы можем утверждать, что до настоящего времени не сложился соответствующий механизм защиты интересов коренных народов и эффективного взаимодействия государственных органов и малочисленных этнических сообществ в реализации национального законодательства по обеспечению национальной безопасности. Система контроля над выполнением нормативно-правовых актов, изданных на федеральном и региональных уровнях, нуждается в доработке.

Проведённый специальный анализ регионального законодательства показал, что контролирующие полномочия распределены между законодательными и исполнительными органами.

Для нас важно установить роль и место региональных законодательных и исполнительных ветвей власти, разрабатывающих, принимающих, а также реализующих соответствующие нормативно-правовые акты в сфере интересов коренных малочисленных народов.

Исследование статей федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти в субъектах РФ» подтверждает необходимость закрепления положения о правовом привлечении к законотворческой деятельности общественных организаций [14]. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» позволяет в достаточной мере обеспечить участие представителей общественных организаций (Ассоциации коренных малочисленных народов) [15]. Таким образом, эффективным механизмом защиты интересов автохтонных народов становится формирование единой координирующей системы взаимоотношений региональных властей и общественных организаций.

В сфере защиты интересов коренных малочисленных народов важное место отводится институту региональных уполномоченных, на которых возлагается задача осуществлять роль связующего звена между властными структурами и общественными организациями автохтонных народов, выполнять функции информирования малочисленных народов, привлечения к согласованию разрабатываемых отдельных программ стратегического планирования развития региона.

В числе институционального механизма обеспечения защиты интересов автохтонных народов особое место занимают органы местного управления. С созданием института самоуправления, а также функционирующих Советов представителей малочисленных этносов реализуются функции защиты прав и контроля. При их содействии усиливается влияние федеральных уполномоченных по правам человека.

На наш взгляд, сегодня было бы целесообразно закрепить специальным нормативно-правовым актом сложившуюся вертикаль организационно правовых форм обеспечения национальной безопасности малочисленных народов. Это позволило бы наделить региональные и муни-

ципальные институты правом общественного контроля, предоставить более широкие полномочия в использовании территорий традиционного природопользования, традиционной хозяйственной деятельности, мониторинге за соблюдением федеральных и региональных законов об окружающей среде при промышленном использовании земли и природных ресурсов в местах хозяйственной деятельности малочисленных народов.

Очевидна необходимость законодательного оформления системы организационно-правового обеспечения защиты прав коренных народов как эффективного механизма по обеспечению национальной безопасности.

В научной литературе по проблемам национальной безопасности основное внимание специалистов обращено раскрытию социально-экономических, политических, культурологических, экологических и иных факторов, напрямую связанных с угрозой национальной безопасности РФ. Особое внимание обращено на фактор защищённости интересов личности и её гармонического развития. Вторая статья Конституции РФ провозглашает: «Человек, его права и свободы являются важнейшей ценностью». Из чего следует, что личность становится важнейшим объектом национальной безопасности [3].

В ходе проведённого исследования нами обращено внимание на существенный прирост коренных малочисленных народов, в основном за счёт самоидентификации взрослого населения как представителей малочисленных этносов северных народностей. Упорядочение учёта граждан, пользующихся предоставленными государственными льготами и привилегиями, в некоторой мере объясняет возникновение сложностей с подтверждением национальной принадлежности к северным народностям. Возникшая проблема в сфере защиты прав человека нуждается в проведении отдельного исследования.

Проведённое исследование сложившейся системы российского и международного законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности малочисленных народов показывает, что законодательные структуры субъектов РФ в достаточной мере имеют возможность разрабатывать и принимать нормативно-правовые акты по защите их интересов. Опора на федеральную законодательную базу позволяет на региональном уровне обеспечить в правовом поле реализацию социально-экономических, политических, культурных, экологических мер, направленных на обеспечение национальной безопасности этнических обществ. Само понятие «национальная безопасность» приобретает правовой статус, гарантирующий защиту государством.

В заключение следует отметить, что успешное обеспечение национальной безопасности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока зависит от того, насколько существующее законодательство защищает их права на сохранение традиционной жизнедеятельности на территориях исконного проживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова, А. В. Этнологический мониторинг в многоэтничной стране // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2015. – № IV-2 (24). – С. 108-110.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3977. Оп. 1. Д. 314. Л. 16.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах человека; Международный пакт об экономических и культурных правах 1966 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1994. – С. 20-61.
5. О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. № 300 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). – М.: Политиздат, 1984. – Т. 9. – С. 175-180.
6. Постановление Совета Министров СССР от 25 декабря 1973 г. «О дополнительных мерах по развитию экономики и культуры народностей Севера» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М.: Политиздат, 1976. – Т. 10. – С. 49-54.

7. О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: Распоряжение Правительства РФ от 04 февраля 2009 г. № 132-р // Собрание Законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 876.
8. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016-2025 годах Конвенции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2016 г. № 1792-р // Собрание Законодательства РФ. – 2016. – № 36. – Ст. 5440.
9. Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ: Распоряжение Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366-р // Собрание Законодательства РФ. – 2014. – № 318. (Ч. 4.). – Ст. 2207.
10. О подписании Конвенции о сохранении промысловых ресурсов и управлении ими: Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2010 г. № 2481-р // Собрание Законодательства РФ. – 2011. – № 2. – Ст. 486.
11. Собрание узаконений РСФСР. 1926 г. № 73.
12. Устав ООН 1945 г. [Электронный ресурс] / ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС», 2021. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540400/> (дата обращения: 12.10.2021).
13. О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств: Федеральный закон от 18 июня 1998 г. № 84-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 2833.
14. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
15. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 12.
16. Мингазов, Л. Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира / Л. Х. Мингазов // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 5. – С. 61-72.
17. Indigenous issues. International Work group on Indigenous Affairs. Retrieved on September 5, 2005. URL: <https://www.iwgia.org/155.asp>.
18. Indigenous Peoples and the United Nations System. Office of the High Commissioner for Human Rights, United Nations Office at Geneva, WGIP, 2001. URL: <http://www2.ohchr.org/english/issues/indigenous/groups/groups-01.htm>.
19. The problems of legal regulation of the development of far eastern native minorities during the soviet state national policy formation period (1920s – 1930s). Akhmetova A. V., Ivashenko Ya. S. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. Т. 622. С. 305-314.
20. Transformation of legal status and its influence on the culture of native minorities of the far east in XIX – early XX centuries. Akhmetova A. V., Dementeva V. V., Ivashenko Ya. S. // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – Т. 46 (4). – С. 1297-1304.

Кузьмина О. А.
O. A. Kuzmina

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

ROLE OF LEGAL TECHNIQUE IN TRAINING STUDENTS MAJOR IN JURISPRUDENCE

Кузьмина Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Публичное и частное право» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(962)287-27-27. E-mail: petr0va@mail.ru.

Olga A. Kuzmina – PhD in History, Associate Professor, Department of Public and Private Law, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Str.; tel. 8(962)287-27-27. E-mail: petr0va@mail.ru.

Аннотация. Юридическая техника как неотъемлемый элемент юридической деятельности включает в себя круг вопросов современной науки права как в области правотворчества, так и в области правоприменения. Юридическую технику принято рассматривать с двух точек зрения: как науку и как учебную дисциплину. В одних образовательных учреждениях, осуществляющих подготовку обучающихся по направлению «Юриспруденция», юридическая техника выведена в самостоятельную дисциплину, в других – включена в перечень тем для изучения в рамках иных правовых дисциплин. Как бы то ни было, эффективная подготовка будущих специалистов в области права невозможна без овладения знаниями о юридических инструментах: способах, средствах, методах юридической техники. В работе дана характеристика понятия «юридическая техника», представлены различные точки зрения на содержание данного юридического инструмента. Автором предпринята попытка обратить внимание на ключевые моменты в овладении обучающимися правилами, способами, методами юридической техники.

Summary. Legal technique as an integral element of legal activity includes a range of issues of modern science of law, both in the field of lawmaking and in the field of law enforcement. It is customary to consider legal technique from two points of view: as a science and as an academic discipline. In some educational institutions that train students major in Jurisprudence, legal technique is regarded as an independent discipline, in others it is included in the list of topics for study within the framework of other legal disciplines. Nevertheless, effective training of future specialists in the field of law is not possible without mastering knowledge of legal instruments – methods, means, methods of legal technique. The paper gives a characteristic of the concept of «legal technique», presents various points of view on the content of this legal instrument. The author made an attempt to pay attention to the key points in mastering the rules, methods, methods of legal technique by students.

Ключевые слова: юридическая техника, образовательный процесс, юриспруденция, закон, право, профессиональная подготовка.

Key words: legal technique, educational process, jurisprudence, law, professional training.

УДК 340

Составным элементом юридической деятельности является юридическая техника. О необходимости изучения юридической техники, её видах и правилах заговорили сравнительно недавно. При этом юридическая техника имеет давние корни, её развитие связывают с развитием общества и права. А право всегда являлось регулятором общественных отношений. Чем сложнее и многостороннее становились общественные связи, тем больше они нуждались в правовой регламентации, совершенствовании источников их правового регулирования. Генезис истории права свидетельствует о постоянном поиске приёмов и средств, преследующих цель полного выражения в нём потребностей развития общества. В этой связи юридическая техника становится инструментом повышения уровня правовой культуры отдельного индивида и общества в целом.

История юридической техники имеет свои этапы, которые могли различаться для каждого отдельного государства. Так, например, истоки становления юридической техники российского государства мы видим в IX в. На данном этапе в качестве источника норм права выступал обычай. Именно древние обычаи славянских племён легли в основу появления первых государственных княжеств. Позже, в X-XI вв., в результате обобщения обычаев появились княжеские уставы, затем вошедшие в первый правовой кодекс «Русская Правда» и его составные части.

В общем виде в истории развития юридической техники выделяют три этапа: архаический, средневековый и современный [3, 25].

Развитие юридической техники в российской правовой системе связывают со средневековым периодом. Так, например, доктор юридических наук В. В. Момотов своё исследование посвятил анализу формирования русского средневекового права в IX-XIV вв. По мнению автора, средневековое право IX-XIV вв. «обладает внутренним логическим единством и последовательностью в своем развитии» [7], сочетает обычное право и княжеское законодательство.

Вызывает интерес периодизация развития юридической техники, предложенная доктором юридических наук, профессором А. В. Мицкевичем. В своём историко-теоретическом очерке автор выделил два периода (тенденции) развития дореволюционных правовых источников:

1. Тенденция и период господства восточнославянских источников самобытного развития русского права – IX-XVII вв.

2. Тенденция влияния преимущественно западноевропейского законодательства государств имперского, абсолютистского типа на законодательство в дореволюционной России [6].

Первый период предполагает анализ источников права, особенностей их построения от древних обычаев славянских племён до Соборного Уложения 1649 г., второй – анализ законодательства во всех его формах начиная с периода правления Петра I до 1917 г.

В настоящее время наблюдается высокий интерес к юридической технике, что обусловлено рядом причин. Во-первых, наметившейся тенденцией гармонизации права, сближением различных правовых систем. Во-вторых, ориентацией на международное взаимодействие, в том числе в сфере законодательства и права, внедрением международных норм и правил в национальные правовые системы. В-третьих, повышением требований к качеству законодательства с точки зрения юридической техники.

Понятие «юридическая техника» нашло выражение в исследовании многих авторов, каждый из которых вкладывает свой смысл в его содержание. Одни рассматривают её как составную часть общей теории государства и права, другие отмечают лишь её прикладной характер. С. С. Алексеев в своей работе «Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования» под «техникой» понимает средства, приёмы, правила, способствующие достижению результата. В этой связи юридическая техника рассматривается им как «совокупность средств, приёмов, правил разработки, оформления, публикации и систематизации законов, иных правовых актов, обеспечивающая их совершенство» [1, 106]. Подобная трактовка представлена в работе Е. Г. Лукьяновой, которая видит в юридической технике «способы и приёмы формальной обработки массива права для его практического применения» [4, 116]. При этом автор отмечает, что юридическая техника выполняет две задачи. Первая задача – сделать простым понимание и применение права в конкретной жизненной ситуации. Вторая задача (философская) – перевести идею права «в форму практически применимых правовых правил» [4, 116].

В широком смысле юридическая техника дана в трактовке Б. В. Чигидина, который рассматривает её как «научно-прикладную область юридического знания, сущность которой состоит в научно-познавательной и практическо-преобразовательной деятельности субъекта правотворчества, имеющей своим предметом текст (форму) правового акта» [11]. В этой связи автор отмечает, что юридическую технику нельзя рассматривать только как науку, либо только как направление практической деятельности. Следует согласиться с мнением автора, поскольку юридическая техника составляет основу права, его базис.

Юридическая деятельность многогранна, каждое её направление требует своих приёмов и средств. В этой связи представляется необходимым в рамках образовательного процесса, процесса

подготовки будущих специалистов в области юриспруденции рассматривать юридическую технику со всех точек зрения.

Следует отметить, что в некоторых учебных заведениях юридическая техника выделена в самостоятельную дисциплину, которая базируется на знаниях, полученных в рамках изучения «Теории государства и права» и «Конституционного права». При таком варианте дисциплина «Юридическая техника» рассматривается как начальный этап для формирования компетенций отраслевых юридических наук.

В своём исследовании мы рассмотрим другой вариант, чаще встречающийся в образовательной практике, когда элементы юридической техники изучаются в рамках отдельных дисциплин.

Первоначально рассмотрение юридической техники осуществляется в рамках изучения дисциплины «Теория государства и права». Рассматривая данную дисциплину как науку, приходим к выводу, что это наука одновременно гуманитарная (социальная), политическая и юридическая. Её цель – представить целостную характеристику системы закономерностей функционирования общества, охарактеризовать социальные явления с точки зрения центрального положения в них индивида с его правами, свободами, реализация которых возможна через право и закон.

Ввиду того что «Теория государства и права» – наука фундаментальная, она ориентирована на изучение базовых социальных явлений: право, его связь с государством, правовые нормы. Теория государства и права – это «ядро» всей юридической науки в целом, познание её сути закладывает основу для последующего постижения остальных юридических дисциплин. В рамках изучения дисциплины перед преподавателем стоит задача сформировать у обучающихся представление об общих категориях и понятиях юриспруденции. Именно таким понятием является «юридическая техника». Важно осознать, что данное понятие является общим для всех юридических наук, универсальным с точки зрения времени. Теория государства и права позволяет перевести теоретические представления о праве, законе, правовой норме в практическую плоскость. Это выражается, например, в систематизации правового материала, выведении общих положений из ряда частных. В этой связи важной видится такая задача юридической техники, как структурирование правового материала. Как отмечалось выше, юридическую технику следует рассматривать не только как законодательную (правотворческую) деятельность, но и как деятельность по обработке правового материала с целью его практического применения. Так, систематизация представлений о договоре дала возможность выявить общие положения, касающиеся всех его видов. Далее на основе анализа накопленного правового опыта были выделены составные элементы, встречающиеся во всех договорах: предмет, субъекты, содержание.

При реализации педагогического процесса важно научить будущего юриста разбираться в основных понятиях и категориях, их составных частях. Структурными элементами юридической техники являются законы и иные правовые акты. Изучение дисциплины «Теория государства и права» предполагает рассмотрение понятий «источник права», «нормативно-правовой акт», «правотворческий процесс и его стадии». Необходимо сформировать у студентов представление о классификации нормативных правовых актов по основанию юридической силы и субъекту, их принявшему. Это позволит представить всю совокупность нормативных правовых актов в виде иерархической лестницы, где каждому документу отведена своя ступень [9, 189].

Кроме того, обличая право в форму нормативного правового акта, следует акцентировать внимание на технические правила и приёмы их разработки, особенности оформления, систематизации. Эти вопросы находятся в поле изучения не только дисциплины «Теория государства и права», но и таких дисциплин, как «Конституционное право», «Введение в профессиональную деятельность» [2], «Русский язык и культура речи». На последних двух стоит остановиться отдельно.

Дисциплина «Введение в профессиональную деятельность» среди прочих вопросов рассматривает вопросы юридической техники, а именно её структурные правила. По своей природе юридическая деятельность весьма сложна, она не терпит спонтанного исполнения, и в этой связи должна быть определённым образом систематизирована. К структурным элементам юридической деятельности принято относить её части, этапы и стадии. Каждая структурная составляющая име-

ет свои задачи, достижение которых приводит к эффективности профессионального труда. На практике это должно выражаться в соблюдении логических правил при выработке общего плана работы юриста и отдельных её этапов [5, 43]. Профессиональная подготовка будущих юристов предполагает формирование навыков составления правовых документов. Любой документ, в том числе и правовой, должен обладать внутренней логической структурой, которая определяется его частями. Деление документа на части способствует, во-первых, полному изложению необходимой для него информации. Отсутствие внутренней логической структуры может привести к потере необходимых данных и будущим юридическим ошибкам. Во-вторых, структурирование документа способствует лёгкости его восприятия. Идеальной считается ситуация, когда разработанный правовой документ понятен адресатам.

В общем виде в структуре правового документа выделяют вступительную, основную и заключительную части. При реализации педагогического процесса важно объяснить студентам, что входит в состав той или иной части. Так, например, вступительная часть правового документа включает его реквизиты: дату принятия и номер, его наименование. Последнее соответствует содержанию документа, отражает его сущность. Однако название правового акта может быть объёмным, сложным для запоминания. Поэтому оптимальным для будущей профессиональной деятельности считается правило, когда студенту достаточно запомнить номер принятия документа, ключевые слова его заголовка. Это облегчит его будущий поиск в справочных правовых системах.

Ранее в исследовании мы отмечали, что техника юридического труда сопряжена со знанием русского языка. Знание стилистических, синтаксических правил построения текста играет важную роль в деятельности юриста. Не менее важна и культура речи, рассматриваемая как способность владеть нормами устного и письменного языка, умение точно, грамотно передавать мысли посредством него [8, 28]. Юридическая деятельность ориентирована на общество и его граждан. Соответственно, любой правовой документ должен быть понятен. В первую очередь это касается правотворческой деятельности. Но не каждый выпускник высшего учебного заведения, имея диплом о высшем юридическом образовании, будет в дальнейшем заниматься правотворческой деятельностью. Поэтому говоря о знаниях норм и правил русского языка и культуры речи и их связи с юридической техникой, мы предполагаем, что они будут использоваться специалистом в процессе реализации норм права, например, в процессе подготовки судебных решений, приговоров суда, различных видов договоров.

Рассматривая в рамках учебного процесса юридическую технику, мы должны обращать внимание на её соответствие синтаксическим требованиям. Необходимо научить студента правильной конструкции текстовых предложений. Следует избегать сложносочинённых предложений, но и искусственно упрощать текст не стоит. Язык текста правового документа должен быть ясным, чётким, кратким, простым.

Нельзя не упомянуть и о технике юридического письма. О. А. Хазова под юридическим письмом подразумевает «любой текст, подготовленный юристом и имеющий юридическое содержание» [10, 6]. В рамках учебных планов по направлению «Юриспруденция» мы не встретим отдельного курса, посвящённого технике юридического письма. Формирование и развитие навыков подготовки правовых текстов осуществляется в рамках отдельных правовых дисциплин и практической подготовки обучающихся. Однако, как показывает практика, этого не всегда достаточно для будущей профессиональной деятельности.

В общем виде вопросы, рассматриваемые иными юридическими науками, могут быть включены в предмет юридической техники [12]. Например, тактика проведения экспертизы, методика расследования преступлений направлены на рационализацию юридической деятельности.

Юридическая техника не универсальная область знания, нельзя утверждать, что она включает в себя все правовые науки и подготовку будущих специалистов в области права следует осуществлять сквозь призму техники юридического труда. Вместе с тем юридическая техника ориентирована на целостное представление об инструментарии профессии юриста.

В заключение отметим, что в процессе подготовки будущих юристов юридическая техника призвана систематизировать знания о способах, приёмах, средствах осуществления юридической деятельности, которые были выработаны общей теорией права и иными правовыми дисциплинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
2. Введение в профессию: учебное пособие для юристов / сост. М. Ю. Осипов. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2021. – 214 с.
3. Калина, В. Ф. Юридическая техника: учебник для прикладного бакалавриата / В. Ф. Калина. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 291 с.
4. Лукьянова, Е. Г. Теория государства и права: учебник / Е. Г. Лукьянова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 232 с.
5. Максименко, Е. И. Юридическая техника: учебное пособие / Е. И. Максименко. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2017. – 189 с.
6. Мицкевич, А. В. Источники (формы выражения) российского права (историко-теоретический очерк) / А. В. Мицкевич // Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. – М.: СПАРК, 1998. – С. 6-39.
7. Момотов, В. В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв.: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Момотов Виктор Викторович. – Москва, 2003. – 515 с.
8. Евтюгина, А. А. Русский язык и культура речи: курс лекций: учебное пособие / А. А. Евтюгина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. – 269 с.
9. Теория государства и права. Курс лекций / Е. А. Сунцова, Е. И. Бычкова, А. Н. Волчанская, С. А. Правкин; под ред. А. М. Багмета. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 327 с.
10. Хазова, О. А. Искусство юридического письма / О. А. Хазова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2015. – 103 с.
11. Чигидин, Б. В. Юридическая техника российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чигидин Борис Викторович. – Москва, 2002. – 190 с.
12. Давыдова, М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография / М. Л. Давыдова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.

ИСТОРИЯ
HISTORY

Абабкова Н. Н., Рыбалова А. В.
N. N. Ababkova, A. B. Rybalova

**ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЁ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ
В РАЗВИТИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОРОДА И УКРЕПЛЕНИИ ОБОРОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**ENGINEERING AND TECHNICAL INTELLIGENTSIA AND THEIR SOCIOCULTURAL
ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN CITY AND STRENGTHENING
THE DEFENSE CAPACITY OF THE COUNTRY AT THE BEGINNING OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR**

Абабкова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культурология» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(914)169-09-95. E-mail: Ababkova70@mail.ru.

Natalia N. Ababkova – PhD in History, Associate Professor, History and Culture Study Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr.; tel. 8(914)169-09-95. E-mail: Ababkova70@mail.ru.

Рыбалова Александра Владимировна – студент направления подготовки «Документоведение и архивоведение» социально-гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(909)898-54-69. E-mail: o3velikii@gmail.com.

Alexandra V. Rybalova – Student Major in Documentation and Archival Science, Social and Humanitarian Faculty, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin Pr.; tel. 8(909)898-54-69. E-mail: o3velikii@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена деятельности Амурского судостроительного завода г. Комсомольска-на-Амуре в начале Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов было определено, что в результате мобилизационных мероприятий на заводе возникла серьёзная кадровая проблема. Производственная перестройка предприятия, направленная на выпуск военной продукции, ещё сильнее актуализировала кадровый вопрос, поскольку реорганизация предприятия требовала привлечения к работе специалистов других направлений. От решения кадрового вопроса во многом зависела бесперебойная работа ведущего оборонного предприятия на Дальнем Востоке страны. В сложных условиях военного времени была организована подготовка и переподготовка специалистов и рабочих. Значительный пласт работы по реорганизации завода, налаживанию нового производства, организации материально-культурной сферы заводчан, решению кадровых, военно-технических задач взяла на себя инженерно-техническая интеллигенция завода.

Summary. The article is devoted to the activities of the Amur Shipbuilding Plant in Komsomolsk-on-Amur at the beginning of the Great Patriotic War. Based on archival materials, it was determined that as a result of mobilization measures, a serious personnel problem arose at the plant. The industrial restructuring of the enterprise aimed at the production of military products further actualized the personnel issue, since the reorganization of the enterprise required the involvement of specialists in other areas. The smooth operation of the leading defense enterprise in the Far East of the country largely depended on the solution of the personnel issue. In difficult wartime conditions, training and retraining of specialists and workers was organized. The engineering and technical intelligentsia of the plant played a significant role in the plant reorganization, the establishment of new production, the organization of the material and cultural sphere of factory workers, and in solving personnel and military-technical tasks.

Ключевые слова: инженерно-техническая интеллигенция, судостроительный завод, Великая Отечественная война, г. Комсомольск-на-Амуре, Дальний Восток, кадровый дефицит, оборонная промышленность, боевые машины, судостроение, трудовой подвиг.

Key words: engineering and technical intelligentsia, a shipbuilding plant, the Great Patriotic War, Komsomolsk-on-Amur, the Far East, personnel shortage, defense industry, combat vehicles, shipbuilding, labor feat.

УДК 625.5:94(571.62)

Актуальность темы определяется существующим интересом в обществе к вопросу о месте и роли интеллигенции в сложных периодах российской истории. В разные эпохи интеллигенция оставалась генератором общественных идей и воззрений. Однако в годы Великой Отечественной войны инженерно-технические работники не только создавали проекты по реорганизации производственных мощностей в новых реалиях, но и сами стали непосредственными участниками этих процессов.

Великая Отечественная война консолидировала не только военные, производственно-экономические, но и интеллектуальные ресурсы нашей страны. Значительная часть инженерно-технических работников ушла на фронт. Многие из них вошли в состав партизанских отрядов и народных ополчений. На техническую интеллигенцию, которая была направлена для организации производства в тылу, государством была возложена огромная ответственность – способствовать превращению страны в единый военный лагерь [10, 180].

Руководство страны уделяло особое внимание привлечению инженерно-технических специалистов к созданию оборонной промышленности, в том числе на Дальнем Востоке СССР.

Реалии начавшейся войны требовали модернизации дальневосточных машиноремонтных заводов для обеспечения войск средствами вооружения, ремонта боевых и транспортных машин.

В 1941 г. Амурскому судостроительному заводу исполнилось всего 5 лет. Но, несмотря на юный возраст, уже в первые месяцы войны на заводе были введены в эксплуатацию монтажный, литьевой и кузнецкий цеха, проведена реконструкция станочного и машинного парка, внедрены в эксплуатацию уникальные станки по обработке стальных конструкций. Однако после освоения программы сборки корпусов и монтажа механической части кораблей, судовых устройств и оборудования помещений завод всё ещё имел достаточно слабую мощность заготовительных и обрабатывающих цехов, поэтому изготовление арматуры, вспомогательных и главных механизмов, деталей устройств и оборудования производилось заводами Ленинграда, Николаевска, Харькова и Сталинграда [3, 195].

Оказавшись на оккупированной фашистами территории, многие заводы, которые ранее поставляли в г. Комсомольск-на-Амуре дополнительное оборудование для изготовления продукции на судостроительном заводе, сократили либо вовсе прекратили свои поставки. В изменившихся условиях предприятие не могло дальше работать как прежде – функционировать только как судостроительный завод. Возникла потребность расширить производство, которое бы смогло собственными силами обеспечить изготовление технической продукции для нужд фронта [1, 129].

Для модернизации завода требовались квалифицированные кадры. Кадровый вопрос в начале войны оказался не менее острым, чем производственный. Многие мужчины, работавшие на заводе, ушли на фронт. Нехватку рабочих рук частично компенсировали женщины и подростки, которые были привлечены для работы в цеха завода. Сложнее обстояло дело с квалифицированными специалистами. После мобилизации на заводе их осталось не более 300 человек, из них дипломированных инженеров – 199 человек [6, 26].

Решение кадрового вопроса на заводе началось незамедлительно с первого месяца войны. Уже 25 июня 1941 г. при заводе была открыта школа для обучения рабочим специальностям [7, 206]. Учителями и наставниками стала инженерно-техническая интеллигенция, которая проводила обучение прямо у станков, без прерывания производства.

В соответствии с циркуляром народного Комиссариата Судостроительной промышленности Союза ССР, в городе были прекращены занятия на курсах мастеров социалистического труда, курсах техникума рабочих и мастеров-практиков в стахановских школах. Средства, освободившиеся с прекращением учёбы, были направлены на подготовку новых рабочих кадров в порядке индивидуального обучения [7, 63].

Ещё одним шагом в решении кадровой проблемы на заводе стало принятие Постановления Госкомитета обороны и ГКО от 07 сентября 1941 г. № 2453 и приказа начальника Управления Трудовых Резервов от 21 октября 1941 г. № 91 о создании РУ № 6. Основная задача обучения со-

стояла в быстром освоении практических навыков выполнения технических операций. Поэтому зачастую теоретическая подготовка проходила в форме инструктажа на рабочем месте. Практические занятия проводились в цехах завода, выполнивших фронтовые заказы. Обучение было рассчитано на 9 месяцев. По окончании учёбы ученики сдавали экзамены. В зависимости от полученных результатов им присваивался 3-й или 4-й разряд [1, 145-146]. Учащиеся училища получали профессию токаря, электрика, столяра, слесаря-судосборщика, дестройщика, проверщика, монтажника, кузнеца, сапожника, швеи и др. [9]. Преподавателей руководство завода назначало из числа работающих инженерно-технических специалистов. Помимо занятий, учебным планом предусматривались консультации, которые начинались в 20:00, после окончания рабочей смены [7, 228].

Для повышения уровня знаний и идеально-политической подготовки для рабочих завода в возрасте от 16 до 60 лет был организован всеобуч [5, 133]. Занятия проводились специалистами завода, которые сами разрабатывали темы, готовили лекции, вели информстраничку о событиях на фронте. Помимо обучения и выполнения сверхурочных видов работ, заводчане были обязаны участвовать в регулярно проводимых военных учениях.

Осложняли положение работников завода дефицит питания и плохие социально-бытовые условия. Нехватка еды и средств гигиены, недостаточное количество сна и отдыха отрицательно сказывались на их физическом здоровье. Всё производство было направлено на то, чтобы максимально удовлетворять потребности в необходимых для фронта вещах. На заводе был введён 11-часовой рабочий день. Сначала в связи с большим объёмом работ по капитальному ремонту завода перевели на работу со сверхурочным временем в три часа строителей. Через некоторое время на такой график работы перешёл весь завод [5, 1]. В своих воспоминаниях заместитель начальника центральной лаборатории завода отмечал, что «одиннадцатичасовой рабочий день часто удлинялся на 3-4 часа. Не было никаких отпусков, редкие выходные, постоянное и мучительное чувство голода» [1, 140].

В силу разных причин не все трудовые коллективы завода в срок выполняли намеченные планы. Имели место эпизоды задержки и невыполнения графика работ [5, 40]. Вследствие несоблюдения безопасности на своём рабочем месте иногда рабочие получали травмы и увечья, что в условиях дефицита рабочей силы отрицательно сказывалось на производственном процессе завода [8, 78]. Силами администрации выявлялись случаи пренебрежительного отношения к секретным документам и несоблюдения правил и норм их хранения [5, 96]. Внутризаводскую обстановку в коллективе обостряли факты использования некоторыми сотрудниками своего служебного положения в личных целях. Руководство завода, инженерно-техническая интеллигенция проводили регулярную работу по устранению имеющихся недостатков в деятельности предприятия. Организовывались воспитательные беседы. В случае серьёзного нарушения трудовой дисциплины или советского законодательства работника переводили на низкооплачиваемую работу либо увольняли с учётом обязательного денежного возмещения убытка, который понесло предприятие по его вине. Лица, которые отказывались от выполнения сверхурочной работы, считались нарушителями и привлекались к судебной ответственности [8, 169].

Однако никакие существующие на заводе проблемы не помешали его коллективу выполнять и перевыполнять планы государства по производству военных судов и продукции для нужд фронта. Так, заводом было изготовлено и передано Тихоокеанскому флоту и Амурской военной флотилии 2 крейсера, 5 эскадренных миноносцев, 2 подводные лодки, 2 речных дизель-электрических парома [11, 11].

Для активизации производственного процесса завод активно включился в социалистическое соревнование, которое в СССР рассматривалось как социально-экономический процесс, выражающий отношения здоровой состязательности и товарищеской взаимопомощи между людьми, коллективами для роста благосостояния страны и всестороннего развития личности. По инициативе инженерно-технических сотрудников завода было принято решение о внутрицеховом социалистическом соревновании между участками, бригадами и рабочими отдельных профессий [1, 130]. 23 июня 1941 г. у завода состоялся митинг, на котором стахановец Смирнов произнёс: «В ответ на

вероломное нападение гитлеровских захватчиков работники судостроительного завода будут работать столько, сколько потребуется Родине» [2]. Такой призыв был поддержан не только заводчанами, но и другими предприятиями города и края. Неоднократным победителем соревнования становилась бригада слесарей под руководством А. С. Шишкова. Коллектив на долгие годы стал примером качественного и эффективного труда по всем заявленным показателям социалистического соревнования.

В годы войны мощным импульсом высокопроизводительного труда выступали коллективизм, сопричастность к работе коллектива, чувство локтя, личная ответственность каждого за общее дело. Поэтому в социалистическом соревновании широко использовались такие формы, как вручение фронтовых заданий, проведение в дни решающих побед Красной армии фронтовых вахт и месячников, стахановских недель, занесение сверхплановой продукции на «Личный счёт мести» и «Личные счета фонда Главного командования Красной Армии» и др. [11, 14].

За успешное выполнение особых заданий Комсомольский-на-Амуре судостроительный завод был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Немалая заслуга в проведении социалистического соревнования и выполнении государственных планов по формированию оборонной промышленности принадлежала инженерно-техническим работникам завода, которые не только аккумулировали и организовывали многие производственные процессы, но и сами активно участвовали в них.

В годы войны на заводе, благодаря энтузиазму и упорному труду инженеров и техников, произошла настоящая техническая революция. Было освоено производство цельносварных корпусов секционным методом. Именно в начале войны на заводе начала применяться электросварка. Её разработкой и практическим внедрением в производство руководил талантливый специалист Анатолий Иванович Попович. Впервые в практике отечественного судостроения он разработал и применил способ бездеформационной сварки корпусов и конструкций. Такой новаторский подход обеспечивал необходимую стойкость и прочность изготовленной продукции [1, 18].

Директором завода в начале Великой Отечественной войны, его идейным вдохновителем и грамотным руководителем был Александр Лазаревич Токарев. Он возглавил завод в 1937 г. Поэтому становление предприятия, формирование заводских традиций и качественных начал связано с его именем. Первые месяцы войны требовали немалых моральных, физических сил, огромной воли и таланта для того, чтобы перевести предприятие на военный лад, создать все необходимые условия для выпуска оборонной продукции, для сохранения и преумножения кадрового потенциала. Под руководством А. Л. Токарева завод работал до 1943 г. Его трудовая деятельность была отмечена медалями и орденами, в том числе орденом Отечественной войны I степени.

За добросовестный труд, бесперебойную работу завода в сложных условиях военного времени орденами и медалями были награждены 208 рабочих, инженеров и техников. Ордена Ленина, ордена Красной звезды были удостоены начальники цехов и мастера. Орденом Трудового Красного Знамени были награждены 25 человек. Труд многих заводчан был отмечен орденом «Знак почёта».

Молодые рабочие, пришедшие на завод в тяжёлое военное время, под руководством своих наставников-техников, инженеров сохранили трудовые традиции своего героического предприятия, став в последующие годы ядром доблестного трудового коллектива.

Трудовой подвиг заводчан периодически освещался в средствах массовой информации того периода. Комсомольское радио, наряду с передачей информации о событиях с фронта, регулярно оповещало жителей города о результатах социалистического соревнования между предприятиями города и края. Звучали имена передовиков, сводки о выполнении и перевыполнении планов, призывы к доблестному и качественному труду для фронта и для победы, мотивируя тем самым население на трудовые свершения [4, 14].

Немало радиовыпусков было посвящено труженикам Комсомольского-на-Амуре судостроительного завода: инженерам, техникам, рабочим разных специальностей – всем тем, кто отважно и ежедневно способствовал приближению долгожданной победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амурский характер. Комсомольский-на-Амуре судостроительный завод имени Ленинского Комсомола / сост. Г. Г. Володина [и др.]. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. – 333 с.
2. Комсомольск-на-Амуре – флагман промышленности Хабаровского края в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Государственный архив Хабаровского края. – Режим доступа: <https://gakhk.khabkrai.ru/news/komsomolsk-na-amure-flagman-promyshlennosti-khabarovskogo-kraya-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 26.06.2021).
3. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.-корр. РАН Н. Н. Крадина, отв. ред. Г. А. Ткачева. – Владивосток: Дальнаука, 2020. – 944 с.
4. Евсейчик, Д. Е. Развитие радиовещания в Комсомольске-на-Амуре и его значение для города / Д. Е. Евсейчик, Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 11-15.
5. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 33.
6. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. 38. Оп. 2. Д. 46.
7. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 31.
8. Комсомольский-на-Амуре городской архив. Ф. 38. Оп. 1. Д. 34.
9. История [Электронный ресурс] / Краевое государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Комсомольский-на-Амуре судомеханический техникум имени Героя Советского Союза В. В. Орехова». – Режим доступа: <https://www.smtkms.ru/index.php/2015-12-02-22-55-06/istoriya> (дата обращения: 26.06.2021).
10. Кузнецова, Ю. В. Роль научной и инженерно-технической интеллигенции южного Урала в укреплении оборонного потенциала страны в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Кузнецова // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 179-184.
11. Ткачева, Г. А. Дальний Восток СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Г. А. Ткачева // Россия и АТР. – 2020. – № 2. – С. 5-22.

Громов Р. А., Петрунина Ж. В.

ЗНАЧЕНИЕ БОЯ У ЦЗИНЬЧЖОУ ДЛЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГОДОВ

Громов Р. А., Петрунина Ж. В.

R. A. Gromov, Z. V. Petrunina

ЗНАЧЕНИЕ БОЯ У ЦЗИНЬЧЖОУ ДЛЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГОДОВ

SIGNIFICANCE OF THE BATTLE AT JINZHOU FOR THE RUSSO-JAPANESE WAR OF 1904-1905

Петрунина Жанна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Cultural Studies Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Громов Роман Алексеевич – студент третьего курса направления подготовки «Документоведение и архивоведение» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)24-11-58. E-mail: roma_gromov_99@list.ru.

Roman A. Gromov – Student Major in Documentation and Archival Science, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)24-11-58. E-mail: roma_gromov_99@list.ru.

Аннотация. В работе рассмотрена история боя у Цзиньчжоу (Кинчжоу) и значение этого сражения для итогов русско-японской войны. Основное внимание уделено рассмотрению военно-стратегических действий русского и японского командования, ходу сражения и моральному состоянию русской армии после поражения. Источниковой базой исследования послужили мемуарная литература, дневники и письма российских военных, официальные документы, статистические данные и донесения японских командующих сухопутными и морскими силами. На материалах исторических источников определены факторы, повлиявшие на проигрыш российской армии. В качестве причин, приведших к поражению, авторы отмечают неблагоприятную эпидемиологическую обстановку в русских войсках и неспособность командования справится с ситуацией. В работе описано моральное состояние русской армии во время боя у Цзиньчжоу. В статье обосновано, что Цзиньчжоуский бой повлиял на ход русско-японской войны и оказал негативное влияние на состояние русской армии.

Summary. The work examines the history of the battle at Jinzhou (Kinchou) and the significance of this battle for the results of the Russo-Japanese war. The main attention is paid to the consideration of the military-strategic actions of the Russian and Japanese command, the course of the battle and the morale of the Russian army after the defeat. The source of the research compiles memoirs, diaries and letters of the Russian military, official documents, statistical data and reports of Japan and naval commanders. Based on the materials of historical sources, the factors that influenced the loss of the Russian army are determined. The authors note the unfavorable epidemiological situation in the Russian troops and the inability of the command to cope with the situation, as the reasons that led to the defeat. The work describes the morale of the Russian army during the battle at Jinzhou. The article substantiates that the Jinzhou battle had an impact on the course of the Russo-Japanese war and had a negative impact on the state of the Russian army.

Ключевые слова: русско-японская война, бой у Цзиньчжоу, Порт-Артур, образ войны.

Key words: Russo-Japanese war, battle at Jinzhou, Port Arthur, image of war.

УДК 94

Изучение истории русско-японской войны сохраняет свою научную актуальность и продолжает привлекать внимание исследователей. В отечественной историографии первые научные труды по рассматриваемому кругу вопросов стали появляться почти сразу после окончания кон-

фликта между Россией и Японией. В дореволюционной историографии поднимались вопросы, касающиеся причин начала конфликта и итогов войны 1904-1905 гг. [5; 17; 18]. Особое место в анализе событий уделялось Цзиньчжоускому бою (май 1904 г.), результаты которого оказали большое влияние как на последующий ход войны, так и на итоги битвы при Порт-Артуре.

Работы советских учёных по проблеме имели ярко выраженные идеологические установки, а сама русско-японская война рассматривалась как предвестник революционных потрясений, охвативших Россию в 1905-1907 гг. [9; 19]. Вместе с тем в работах советского времени проведён глубокий анализ военных событий, основанный на всестороннем изучении разноплановых исторических источников [10; 20].

Досоветская и советская историография оставила «богатое наследство» для современных российских исследователей, в трудах которых представлена характеристика процесса изучения русско-японской войны в XX – XXI вв. [4; 7; 8]. Одним из активно разрабатывавшихся вопросов стал вопрос о восприятии русско-японской войны в российском общественном мнении [1; 2].

Основными историческими источниками в настоящем исследовании стали официальные документы и дневники современников. Материалы, содержащиеся в сборнике документов «Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия сухопутных войск», позволили охарактеризовать саму Цзиньчжоускую позицию и рассмотреть ход боевых действий [12].

Многотомное издание «Русско-японская война 1904-1905 гг.» [13; 14; 15], подготовленное в 1910 г. военно-исторической комиссией по описанию русско-японской войны, позволило ознакомиться с официальной перепиской верховного командования России в ходе войны и директивами, последовавшими после Цзиньчжоуского сражения. Планы японцев по ведению боя были изучены на материалах, включённых в издание «Русско-японская война: официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами» [16].

Большую ценность для изучения битвы при Цзиньчжоу имели дневники и впечатления непосредственных участников событий [3; 6].

Русско-японская война проходила с 27 января (9 февраля) 1904 г. по 23 августа (5 сентября) 1905 г. Итоги русско-японской войны почти полвека оказывали существенное влияние на расстановку военно-политических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Началу военного конфликта послужили многие причины: невыполнение Российской империей соглашения 1902 г. с Китаем о выводе войск из Маньчжурии, оккупировавших её в 1900 г. во время восстания ихэтуаней; аренда русскими Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним; активное строительство Китайско-Восточной железной дороги, служившее фактором усиления России на Дальнем Востоке; претензии Японии на овладение Кореей.

В первые месяцы войны стороны вели сражения за доминирование на море. Назначенный 24 февраля (8 марта) 1904 г. на место адмирала Г. К. Старка адмирал С. О. Макаров смог привести русский флот в боеспособное состояние, но после гибели адмирала 31 марта (13 апреля) 1904 г. флот вновь был обречён на бездействие. Японцам удалось пробиться на континент. Одно из наступлений было организовано 2-й японской армией генерал-лейтенанта Оку. Целью наступления японцев был Порт-Артур, добраться до которого можно было через Цзиньчжоуский перешеек.

Современники называли Цзиньчжоускую позицию «ключ Квантунга». Однако накануне войны с Японией эта территория была не подготовлена, не отремонтирована и не имела никаких укреплений. Угроза надвигавшейся войны заставила русское командование обратиться к Цзиньчжоуской позиции. 21 января 1904 г. русская команда во главе с генерал-майором Р. И. Кондратенко осмотрела позицию и составила детальный план капитального ремонта всех позиционных сооружений. В числе намеченных мероприятий первостепенными были: возведение у полотна железной дороги сомкнутого укрепления и нескольких траншей, способных преградить противнику возможность прорыва по перешейку между позицией и заливом Хунуэз; снабжение всех укреплений большим количеством блиндажей; обеспечение сообщения позиции с ближайшими бухтами и др. В областном совете Квантунской области 24 января 1904 г. доклад Р. И. Кондратенко не был одобрен, поскольку им была составлена смета на 19 тыс. рублей, а областной совет считал возможным выделить лишь 5 тыс. рублей. Тем не менее сразу после начала войны генерал-майору

Р. И. Кондратенко, полковнику Третьякову и капитану фон-Шварцу был предписано немедленно заняться укреплением позиции с оговоркой, что денег готовы теперь дать сколько угодно, лишь бы позиция была укреплена [13, 526].

Работа по укреплению позиции начала вестись без предварительной подготовки материалов и инструментов, под угрозой высадки противника вблизи Цзиньчжоу. Проблемы слабого снабжения и нехватки рабочих рук (многие китайцы после начала войны бежали в Чифу и другие города) усугублялись сильными холодами [13, 527]. Степень и качество подготовки позиции были описаны начальником 4-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал-майором А. В. Фоком 17 февраля (2 марта) 1904 г.: Кинчжоуская позиция располагалась на перешейке шириной в 3 версты между бухтами Кинчжоу и Талиенванской. Первая допускала обстреливание позиции с канонерских лодок с расстояния 4 верст, вторая – с броненосцев с 7 верст. К северу от позиции была равнина, замыкаемая холмами, а с юга подходила Тафашинская возвышенность (за ней была дорога в Порт-Артур) [12, 69].

К этому можно добавить сведения из дневника офицера инженерных войск русской армии полковника С. А. Ращевского, который после начала русско-японской войны был отправлен в Порт-Артур, став одним из ближайших советников руководителя обороны генерала Р. И. Кондратенко. С. А. Ращевский принимал активное участие в строительстве оборонительных сооружений, руководил минной войной с японцами. Полковник дал оценку позиции, сказав, что она очень сильна, почти неприступна, но, однако, при условии, что она не будет атакована неприятельским флотом [3].

На позиции не было воды, поэтому бойцы 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка ходили за водой к колодцам на близлежащей территории. Воды было всегда мало, но она была хорошего качества. Позиция нуждалась в устройстве форта-заставы. В случае нападения противника предписывалось уничтожение всех укреплений и погребов с боеприпасами [12, 69].

Цзиньчжоуская позиция могла представлять собой настоящую твердыню лишь при господстве русского флота на море. Однако к середине февраля 1904 г. флот мог лишь поддержать возможную атаку, развернувшуюся на суще, а времени на полноценное оснащение оборонительной позиции не оставалось. Поэтому было принято решение о назначении гарнизона для обороны позиции, открытии почти неограниченного кредита для её оборудования и привлечении к ней косвенно ещё двух полков из относительно небольших сил, предназначенных для обороны Квантунга [12, 69].

Состояние Цзиньчжоуской позиции свидетельствовало о том, что существовала проблема в снабжении войск питьевой водой, сохранялась нужда в сооружениях для ведения огня по морской артиллерией и, наконец, позиция была не готова к атакам неприятельского флота при условии того, что русский флот не окажет полноценной поддержки.

О том, что сражения не миновать, стало ясно 23 апреля (6 мая) 1904 г. В этот день генерал-майором А. В. Фоком был издан приказ № 61. В нём говорилось, что по имеющимся сведениям на Квантун высаживается 2-я японская армия, состав которой может достигать около 4 – 5 дивизий пехоты. В связи с этим 4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия была разделена на отряды. Цзиньчжоуский отряд, который должен был оборонять Цзиньчжоускую позицию, возглавил генерал-майор М. А. Надеин. Перед Дальнинским отрядом, возглавляемым полковником В. А. Ирманом, была поставлена задача обороны Дальнего и дороги из него на Порт-Артур. Нангалинский отряд во главе с полковником Д. Г. Савицким рассматривался как резерв дивизии. Дивизионному лазарету предписывалось быть в Нангалине, а 5-му и 6-му полевым подвижным госпиталям – в Тафашине. Штаб дивизии переходил на станцию Нангалин [12, 70].

Наблюдалось численное превосходство японских сил. Русское командование с целью противостояния неприятелю рассредоточило свои немногочисленные силы на важные направления, рассчитывая на то, что оборонительная роль позволит сгладить численное неравенство воюющих сторон.

Командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А. Н. Куропаткин 25 апреля (8 мая) 1904 г. доложил военному министру генерал-лейтенанту В. В. Сахарову, что, по сообще-

ниям генерала Я. Г. Жилинского, силы Маньчжурской армии составляют 80 батальонов при 240 орудиях, не считая Квантунского и Харбинского отрядов. Это позволит не отступать от поставленной задачи, сохранить за собой железную дорогу, связь с Россией и возможность продолжать сосредоточение армии, удерживая для этого неприятеля большей частью своих сил на Ялу, а другую часть войска направить на помощь Порт-Артуру, потеря которого была бы слишком тяжела, т.к. сопряжена с потерей всего флота. Сохранение Цзиньчжоуской позиции рассматривалось как приоритетное, оно могло дать возможность перебросить на защиту Порт-Артура незначительное число войск [12, 72].

К маю 1904 г. в русских войсках обострилась проблема с болезнями, усугублявшимися нехваткой продовольствия и снабжения войск медикаментами. Значительная часть продовольствия добывалась в «окрестных войсковых стоянках». Остро ощущалась нехватка обмундирования, особенно сапог, а также шинелей, одеял и палаток, из-за чего солдатам и офицерам приходилось спать под открытым небом при проливных дождях. В итоге санитарное состояние было неудовлетворительным, стали частыми эпидемии тифа и желудочных заболеваний. От плохих кормов и усиленной работы начался падёж лошадей [14, 326].

Эти обстоятельства оказывали негативное влияние на моральное состояние русских солдат, которые должны были оказывать упорное сопротивление противнику. Несмотря на явные трудности подготовки русских войск, без боя Цзиньчжоуская позиция не была отдана.

Ночью 12 (26) мая 1904 г. японцы подошли близко к городу Цзиньчжоу и в пять часов утра открыли огонь по городу и позиции. К 7 часам утра стало известно о продвижении японских пехотных частей. К 9 часам утра удалось отогнать противника от города. К вечеру противник стянул новые силы, увеличивая численное превосходство войск. Уже к 6 часам вечера в Цзиньчжоуской бухте показалась неприятельская эскадра из двух канонерок и шести миноносцев, силы которой были рассчитаны на ночной обстрел позиции. Для поддержки русской передовой цепи были посланы две команды охотников (подразделения в русской армии для выполнения отдельных поручений, связанных с особой опасностью и требующих личной находчивости) 13-го и 14-го полков [12, 37]. В итоге 12 (26) мая 1904 г. русские соединения смогли отразить японские атаки. Несмотря на прибывшее подкрепление, к середине мая 1904 г. заставы со стороны города отошли противнику. В 6 часов 30 минут утра 13 (27) мая 1904 г. японцы начали медленное наступление с левого фланга, где находилась батарея № 15 роты 14-го полка капитана Ушакова. Против этой батареи японцы выдвинули 12 орудий и несколько канонерок. В 10 часов утра батарея Ушакова перестали отвечать огнем на атаки противника, который уже на правом фланге начал обстрел шрапнелью окопов и редут № 3. В это время в бухту вошла канонерская лодка «Бобр» и огнем ослабила силы японцев на правом фланге. Людские и военные запасы русских к этому времени были истощены. Артиллеристы отступили на ст. Тафашин. После 11 часов утра весь неприятельский огонь был направлен на окопы и на занимавших их стрелков. «Бобр» ушёл по причине нехватки снарядов, а наш огонь с Тафашинских высот не причинял вреда японским батареям (шрапнель не долетала). Японцы безнаказанно расстреливали защитников позиции. В 1 час 15 минут вследствие сильнейшего огня с лодок окопы 5-й роты с левого фланга были полностью срыты. Раненых не выносили, потому что подоспевавших санитаров тут же убивали. Противник готовил новую атаку. В 4 часа утра русским командованием было принято решение об отступлении, во время которого предписывалось испортить орудия взрывом, а пушку Канэ (пушка французской фирмы, широко применявшаяся в войне) увезти на руках. Сильнейший обстрел русской армии силами противника (120 орудий) продолжался уже 12 часов. К вечеру огонь усилился и в 6 часов 40 минут 7-я и 5-я роты начали медленное отступление. Японские силы пробивались на левый фланг [12, 76].

По воспоминаниям очевидцев, когда японцы, продвигаясь на левый фланг, наткнулись на фугасы и были подорваны, они остановились и оставили чучела, а сами, войдя в воду, обошли позицию морем и стали стрелять во фланг и в тыл, наши силы в свою очередь долго громили оставленные чучела [3]. После ухода русских с левого фланга японцы тотчас заняли его. Затем убийственный огонь сосредоточился на центре позиции, не было никакого спасения, раненые и убитые оставались лежать нетронутыми. Позиция была очищена к 8 часам вечера [12, 76].

В результате сильнейший огонь сухопутной и морской артиллерии противника заставил отступить русские войска и сдать Цзиньчжоускую позицию.

По донесениям японских командующих, атака Цзиньчжоу началась 25 мая в 5 часов 30 минут. Огонь русской артиллерии японцы оценивали как достаточно интенсивный, но не приносящий серьёзного вреда. Японская армия ожидала прибытия судов для совместной атаки. Прибывшие утром 26 мая три боевых судна действовали совместно с войсками, и Цзиньчжоу был взят в 5 часов 20 минут утра [16]. Эти донесения доказывают, что план японских командующих сводился к мощной атаке с суши и моря, что привело к несостоительной обороне русской стороны.

Военный министр генерал-лейтенант В. В. Сахаров в своём отчёте 15 (28) мая – 22 мая (4 июня) 1904 г. императору Николаю II писал, что, по японским донесениям, Цзиньчжоуская позиция была взята ценой больших потерь. Официальные данные сообщали, что армия генерала Оку потеряла от 3 до 4 тысяч человек убитыми. Генерал-лейтенант В. В. Сахаров в этом сомневался, поэтому приводил и неофициальные данные, по которым потери 2-й японской армии составили от 12 до 15 тысяч человек [12, 81-83].

Таким образом, ставка японского командования на успех в бою, в том числе с использованием численного превосходства, помогла одержать победу в Цзиньчжоуском бою.

Генерал-адъютант Е. И. Алексеевым после боя 16 (29) мая 1904 г. было составлено предписание генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину. В документе говорилось, что занятие Цзиньчжоуской позиции подтверждилось из Токио. В результате этого «все действия 2-й и 3-й армий врага будут направлены на овладение Артуром». В связи с этим Е. И. Алексеев просил о принятии соответствующих мер и немедленном выступлении на помощь Порт-Артуру [12, 81].

Просьбы Е. И. Алексеева о выступлении на помощь Порт-Артуру можно расценивать как просчёт русского командования. Порт-Артур имел важное стратегическое значение, и войска стягивать к этому городу было необходимо ещё до проигрыша в Цзиньчжоуском сражении.

Причины поражения стоит искать не только в численном превосходстве японской стороны и в отсутствии поддержки русского флота. Современник событий журналист доктор медицины и исследователь Китая Владимир Викторович Корсаков в то время проживал в Пекине и имел возможность оперативно получать сведения о ходе войны и знакомиться с мнением русских офицеров, находившихся на фронте [6]. В. В. Корсаков отмечал, что в один из дней из Мукдена в Пекин прибыл капитан барон фон Х., состоящий при Главном штабе, исполняющий обязанности переводчика с китайского и иностранных языков, а также обязанности военного цензора всех сообщений, идущих с театра военных действий. В. В. Корсаков описывал, как при встрече он смог задать барону интересующие его вопросы. На вопрос о том, что делается в армии и Главном штабе, был получен ответ, что дела обстоят не очень, «среди начальства царит страшная неурядица. Никто никого не слушает, каждый критикует друг друга и делает по-своему. Во всём ужасный беспорядок... Истинного начальника нет... Куропаткин не признаёт Алексеева, Линевич не признаёт Куропаткина... Одним словом, совершается что-то ужасное...» [6]. Частичное подтверждение слов барона фон Х. можно обнаружить и в официальной переписке военного министра В. В. Сахарова, командующего Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина и наместника на Дальнем Востоке Е. И. Алексеева. Генералы не имели единой информации для решения важнейших вопросов. Командующие русской армией не обладали информацией о численном составе японских войск, о путях их продвижения и, как следствие, не могли предложить чёткого плана борьбы с японцами [14, 521]. Такой подход русского командования отрицательно сказывался на эффективности ведения войны против Японии. В. В. Корсаков также подчёркивал, что события Цзиньчжоуского боя тяжело были приняты им и окружавшими его людьми. В письме, которое он получил от одного из участников боя, говорилось, что позицию освободили по приказу; были убиты подполковник Радецкий, капитан Солярский, штабс-капитан Маккавеев, поручик Крагельский, подпоручики Басов и Станкевич; в Порт-Артуре полку был дан восемидневный отпуск, после которого русским войскам было приказано занять позицию на Волчьих горах. Как отмечал В. В. Корсаков, офицеры и солдаты тяжело переживали поражение в бою [6]. Русское оружие оставил о себе лишь добрую славу.

Цзиньчжоуское сражение тяжело отразилось на положении бойцов 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Моральное состояние русских солдат было очень тяжёлым. Очевидцы свидетельствовали, что воины были «ошалелые от небывалой стрельбы японской артиллерии» и не имели сил «быстро прийти в себя от сильных впечатлений» [15, 719].

Таким образом, Цзиньчжоуская позиция рассматривалась русским командованием как стратегически важная. Однако её укреплением занялись лишь после начала войны, что не позволило довести уровень её оснащённости до способности выдерживать атаки неприятельского флота.

Общее положение войск к маю 1904 г. стало таковым, что постигшие солдат болезни (от нехватки продовольствия и обмундирования) наносили ущерб армии ещё до начала ключевого сражения. Во время самого Цзиньчжоуского боя выявилась проблема, связанная с недостатком заготовленных боеприпасов.

Цзиньчжоуский бой был проигран русской армией. В числе причин неудач следует указать: особенности укреплений Цзиньчжоуской позиции, из-за чего позиция была неспособна отражать атаки японского флота; несущественную поддержку русского флота во время боя; превосходящие силы неприятельского войска над русской армией; разногласия в среде русского командования и, как следствие, неверно принятые решения. Моральный дух рядовых русских солдат был подавлен. Большинство бойцов осознавало, что война идёт не за защиту Отечества. Сдача Цзиньчжоуской позиции приблизила осаду Порт-Артура, а впоследствии и поражение в русско-японской войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов, Н. А. Манипуляции с памятью: трансформации образов русско-японской войны в советской историографии. 1920 – 1950-е гг. / Н. А. Антипов // Диалог со временем. – 2017. – № 61. – С. 101-118.
2. Антипов, Н. А. Репрезентация образов русско-японской войны на советском киноэкране и театральной сцене в 1940 – 1950-е гг. / Н. А. Антипов // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2020. – Т. 11. – № 10 (96). – С. 25.
3. Дневник полковника С. А. Ращевского [Электронный ресурс] / Исторический архив. Х. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. – Режим доступа: http://az.lib.ru/r/rashewskij_s_a/text_1904_dnevnik_polkovnika_rashevskogo.shtml (дата обращения: 09.09.2021).
4. Деревянко, И. В. «Белые пятна» Русско-японской войны / И. В. Деревянко. – М.: Эксмо, Язуа, 2005. – 416 с.
5. История русско-японской войны / ред.: М. Е. Бархатов, В. В. Функе. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1907-1909. – Т. 6.
6. Корсаков, В. В. Скорбные дни: дневник-хроника русской жизни в Китае за время русско-японской войны [Электронный ресурс] / В. В. Корсаков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/korsakow_w_w/text_1904_skorbnye_dni.shtml (дата обращения: 09.09.2021).
7. Лихарев, Д. В. Цусимское сражение 14-15 мая 1905 г. Историографические проблемы / Д. В. Лихарев. – Уссурийск: УГПИ, 2009. – 167 с.
8. Павлов, Д. Б. Российская историография и археография русско-японской войны 1904-1905 гг. Основные периоды, идеи и направления / Д. Б. Павлов // Отечественная история. – 2005. – № 3. – С. 144-157.
9. Позднеев, Д. М. Япония: военно-экономическое описание / Д. М. Позднеев. – М.: Развед. упр. Штаба РККА, 1924. – 268 с.
10. Романов, Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895-1907 / Б. А. Романов. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. – 496 с.
11. Русско-японская война 1904-1905 гг. Взгляд через столетие: международный исторический сборник / под. ред. О. Р. Айрапетова. – М.: Три квадрата, 2004. – 656 с.
12. Русско-японская война 1904-1905 гг.: действия сухопутных войск: сборник документов [Электронный ресурс] / Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005249442> (дата обращения: 09.09.2021).
13. Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. I. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка к этой войне [Электронный ресурс] / Руниверс. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3159/450270/> (дата обращения: 08.09.2021).

14. Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. II. Первый период. Часть первая. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня [Электронный ресурс] / Руниверс. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3159/450275/> (дата обращения: 08.09.2021).
15. Русско-японская война 1904-1905 гг. Т. VIII. Оборона Квантунга и Порт-Артура. Часть первая. От начала войны до тесного обложения крепости (17 июля 1904 года) [Электронный ресурс] / Руниверс. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3159/450323/> (дата обращения: 09.09.2021).
16. Русско-японская война: официальные донесения японских главнокомандующих сухопутными и морскими силами. Т. 1-2 [Электронный ресурс] / Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/363226> (дата обращения: 09.09.2021).
17. Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии генштаба / под ред. орд. проф. Николаева, акад. Ген. штаба полк. А. Баюва. – Петербург: Тип. С. Г. Кнорус, 1906-1907. – Ч. 1-2.
18. Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. – Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1910. – 9 т.
19. Сидоров, А. Л. Русско-японская война / А. Л. Сидоров. – М.: [б.и.], 1951. – 156 с.
20. Сорокин, А. И. Русско-японская война 1904-1905 гг.: военно-исторический очерк / А. И. Сорокин. – М.: Воениздат, 1956. – 374 с.

Яхимович С. Ю.
S. Yu. Yakhimovich

НАЧАЛО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ НА КВЖД: ОТ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1905–1914)

BEGINNING OF THE TRADE UNION MOVEMENT AT CHINESE-EASTERN RAILWAY: FROM THE FIRST REVOLUTION TO THE FIRST WORLD WAR (1905–1914)

Яхимович Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (Россия, Хабаровск). E-mail: sergyahim-69@yandex.ru.

Sergey Yu. Yakhimovich – PhD in History, Associate Professor, Department of Social, Humanitarian and Economic Disciplines, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia (Russia, Khabarovsk). E-mail: sergyahim-69@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена зарождению профессиональных союзов и начальному этапу их развития в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Рассматриваются вопросы, связанные с характером рабочего движения в Северной Маньчжурии, взаимосвязи и влияния на эволюцию профсоюзов революционных партий и политических процессов, происходивших в Российской империи.

Summary. The article is devoted to the origin of trade unions and the initial stage of their development in the zone of alienation of the Chinese-Eastern Railway. The issues related to the nature of the labor movement in Northern Manchuria, the relationship and influence on the evolution of the trade unions of the revolutionary parties and the political processes taking place in the Russian Empire are considered.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), профсоюз, рабочее движение, забастовка, стачечный комитет, социал-демократы.

Key words: Chinese-Eastern Railway (KVZhD), trade union, labor movement, strike, strike committee, social democrats.

УДК 94(47)

Истории профессиональных союзов и в целом рабочего движения в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги до 1917 г. в современной отечественной историографии до сих пор уделялось эпизодическое внимание. В советский период указанная тема частично освещалась В. Я. Авариным, Г. И. Андреевым, А. Н. Хейфецем [1; 2; 18] и другими исследователями исключительно в связи с событиями русской революции 1905 – 1907 гг. Однако, несмотря на богатую и структурированную фактологию, эти работы перегружены идеологическими установками своего времени, в результате чего несколько приукрашивались или, наоборот, замалчивались определённые аспекты обозначенной тематики. Определённый интерес в данном ключе также представляют воспоминания свидетелей тех лет, собранные Истпартом и Истпрофом в 1920-х – 1930-х гг. и частично опубликованные. Вследствие этого на основе уже известных сведений и привлечения не вводившихся в научный оборот архивных материалов проблема требует переосмысливания и дополнительного анализа.

Впервые профессиональные общества в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги появились на волне Первой русской революции 1905 – 1907 гг. Ситуация, предшествовавшая появлению профсоюзов на КВЖД, сложилась неоднозначная. С 1904 г. на полях Маньчжурии развернулась тяжёлая и полная трагизма для России война с Японией за передел сфер влияния в Северо-Восточном Китае и Корее. Ошибки царского правительства в политических и военных расчётах привели русскую армию к обидному поражению, что не прибавило авторитета кабинету Николая II. Мукденское отступление российских войск и Цусимская катастрофа 2-й Тихоокеан-

ской эскадры предопределили подписание 23 августа (по старому стилю) 1905 г. унизительного для России Портсмутского мирного договора. КВЖД это коснулось напрямую, т.к. большая часть её южной ветки (от станции Куаньченцы до Дальнего и Порт-Артура) отошла Японии, которая преобразовала своё приобретение в Южно-Маньчжурсскую железную дорогу (ЮМЖД). Утрата выхода к порту Дальнему и неожиданное возникновение конкурента в лице ЮМЖД больно ударили по дальнейшей экономической политике КВЖД. После окончания войны перед дорогой встала новая задача по перевозке в Россию возвращавшихся в огромном количестве войск и армейских грузов, содержанию и обеспечению останавливающихся в её полосе отчуждения частей. Справиться с таким объёмом транспортных потоков в короткий срок магистраль не успевала, множество солдат и офицеров скопилось в Харбине и на станциях КВЖД. Моральное состояние и дисциплина военнослужащих нижних чинов заметно снизились в результате поражения в войне, разочарования политикой правительства и затянувшегося ожидания демобилизации, что впоследствии сказалось на революционных волнениях и беспорядках в их рядах, особенно среди солдат железнодорожных батальонов [8, 136-137; 16, 333-336, 346-347].

На фоне ратных неудач и после известных событий 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге вспыхивают беспорядки, быстро переросшие в революцию на всей территории Российской империи. К осени того же года революционное брожение достигло и Северной Маньчжурии. Причём, по мнению историка КВЖД начала XX века Е. Х. Нилуса, для протестов на территории полосы отчуждения дороги, в том числе на почве трудовых отношений, не было никаких логических оснований, но они детерминировались инертным желанием населения к политическим изменениям в стране. Нилус пишет, что это движение «представляется малопонятным и лишённым реальных мотивов в условиях добровольного проживания в пределах чужого государства, притом в такой материальной и правовой обстановке, которая, как это имело место в данном случае, сама по себе едва ли могла быть источником революционного взрыва. <...> Материальные условия, как, например, размеры оплаты рабочего труда в полосе отчуждения, всегда значительно превосходили нормы, существовавшие во внутренней России; выгодно отличались, <...> и правовой режим, и жилищные, и продовольственные условия» [16, 353]. По воспоминаниям одного из видных большевистских и профсоюзных деятелей на КВЖД В. К. Илюшина, для привлечения и закрепления на дороге большого количества высококвалифицированных рабочих и служащих Правление предоставляло им в бесплатное пользование квартиры с палисадниками, отоплением и освещением, давало возможность заводить подсобное хозяйство, чего не было на железнодорожных магистралях в России [10, 19]. На 1905 г. главный город дороги Харбин, благодаря созданному там режиму преференций для развития торговли и промышленности, представлял собой важнейший культурный и экономический центр всего китайского северо-востока с высоким уровнем жизни [17].

Вместе с тем развитого рабочего законодательства с достойным социальным пакетом, 8-часового рабочего дня и независимых профсоюзов ни в России, ни в зоне КВЖД почти не существовало, и это вполне могло стать существенным фактором для появления протестного движения в Северной Маньчжурии. Житейские реалии рабочих и служащих, особенно на периферии дороги, вовсе оставляли желать лучшего и были наполнены только серыми буднями. Железнодорожник, активный участник рабочего движения В. Ф. Силюков-Силюкин так описывал бытовую обстановку на станции Ляоян в 1903 г.: «Скука была невероятная, культурной жизни абсолютно не было, общественной жизни не было и в помине кроме пьянства, разврата и карт» [8, 24].

Под воздействием нараставшей революционной пропаганды с октября 1905 г. в Харбине и крупных центрах по линии дороги стали проходить регулярные митинги рабочих и служащих дороги под красными флагами, к которым присоединялись обыватели и солдаты воинских частей. Политические предпочтения и активность русского населения определяли главным образом недавно созданные здесь и тесно взаимодействовавшие между собой партийные группы левой ориентации (социал-демократы, эсеры, анархисты), а также кадеты. При их деятельном участии у жителей полосы отчуждения оживился интерес к проявлениям политической энергии. Решающего влияния какой-либо одной партии на общественные настроения не было, но наиболее инициативными в стремлении их возглавить стали социал-демократы, первая партийная группа которых воз-

никла в Главных механических мастерских КВЖД ещё в 1901 г. Лидирующие позиции среди харбинских членов РСДРП сохранялись за сторонниками меньшевистской фракции, но в целом принципиального размежевания социал-демократов в полосе отчуждения КВЖД ещё не случилось, и большевистски ориентированная её часть (по социальному происхождению в основном рабочие) также принимала энергичное участие в партийной деятельности. Особенно на общем фоне выделялась так называемая «Харбинская рабочая группа РСДРП», образованная в ноябре 1905 г., где в годы Первой русской революции преобладали сторонники большевистской платформы. Именно группы РСДРП в Харбине и на линии дороги, объединённые и возглавляемые с 1904 г. собственным комитетом партии, сумели оказать доминирующее влияние на зарождающееся рабочее движение КВЖД [3, 369; 8, 134, 140-141, 147, 151; 16, 340-341; 18, 92].

В 1905 г. харбинские ячейки РСДРП стали усиливаться численно (в 1905 г. они насчитывали около 40 человек, в 1907 г. – около 200). В конце 1905 – начале 1906 гг. харбинский комитет установил связь с Областным комитетом Сибирского союза РСДРП и комитетом партии в Чите через переброшенного в Харбин эмиссара Абрамова, проживавшего в городе Л. М. Каракана (будущий зам. Наркоминдел СССР) и др. С этого момента социал-демократы начали более централизовано координировать действия возникавших профсоюзов и обеспечивать их печатной пропагандистской литературой. РСДРП (особенно большевистские группы) и их союзники с первых дней революционных событий в зоне КВЖД приступили к организации из рабочих (главным образом, членов профсоюзов) нелегальных вооружённых отрядов – рабочих боевых дружин (красная гвардия), разбитых на десятки и кварталы. С этой целью огнестрельное оружие скапалось на чёрных рынках и у солдат, на его покупку по подписным листам собирались деньги. Всего в Харбине и на линии дороги было закуплено более 500 винтовок военного образца, несколько сотен пистолетов, вооружено около тысячи рабочих. Боевая дружина в Харбине насчитывала сначала 180 бойцов, а в январе 1906 г. – уже около 600 человек. В Харбине их вначале возглавлял доктор Чаги (социал-демократ), а затем общее руководство всеми дружинами было возложено на большевика Курнатовского, направленного в помощь от читинского комитета РСДРП. Расчёты левых партий на быстрое и успешное вооружённое восстание рабочих и распропагандированных войск в Маньчжурии не оправдались, поэтому реальные функции дружин сводились к поддержанию порядка во время забастовок, защите от черносотенцев, противодействию полиции (в случае крайней необходимости), а на линии КВЖД – ещё и бандам хунхузов [3, 370-372; 8, 14, 106-108, 126, 155-156].

После обнародования в прессе императорского Манифеста от 17 октября 1905 г., даровавшего в том числе и право на свободу союзов, среди горожан полосы отчуждения возросло стремление организовываться в объединения по профессиональному признаку, что положило начало профсоюзному движению трудящихся в Северной Маньчжурии [16, 354-355]. Наиболее быстро на эту инициативу отреагировали харбинские печатники, объединившиеся под влиянием социал-демократов в профессиональный союз работников полиграфического производства. Профсоюз типографских рабочих просуществовал четыре месяца, он провёл первую в Харбине забастовку и даже добился 8-часового рабочего дня во всех четырёх типографиях города [1, 167; 8, 106]. Основу рабочего населения русской Маньчжурии составляли трудящиеся железнодорожного транспорта, поэтому они стали ядром рабочего и профсоюзного движения. В конце 1905 г. на многочисленных митингах и собраниях железнодорожников в полосе отчуждения всё чаще стали раздаваться призывы к созданию собственного профсоюза, куда должны были войти все рабочие и служащие дороги [8, 24]. Вскоре железнодорожный союз на КВЖД во главе с Центральным бюро (ЦБ) был создан.

Профсоюзы в зоне КВЖД позиционировались как основная организационная форма движения трудящихся за свои права. Тем не менее они были порождены революцией и на всём её протяжении имели значительную политическую подоплётку. Это несколько отличает их от рабочего движения в России, где ряд профессиональных союзов старался сознательно дистанцироваться от политики, концентрируясь на решении сугубо экономических и производственных задач, как, например, созданный в июле 1905 г. Всероссийский союз учителей [15].

Для координации совместных протестных акций рабочих и служащих на дороге, начавшихся в середине ноября 1905 г., в Харбине 23 ноября был создан забастовочный (стачечный) комитет, имевший филиалы на некоторых крупных станциях КВЖД; его печатным органом стала газета «Харбинский листок» (редактор эсер П. В. Ровенский). После получения сообщений из России о расстрелах среди железнодорожников Забастовочный комитет объявил 24 ноября о присоединении КВЖД к Всероссийской железнодорожной стачке [8, 16, 101, 105]. Главной движущей силой стачки стал железнодорожный профсоюз. Комитет состоял из 65 делегатов (по 5 человек от каждой службы и смены) и был сформирован в основном из видных представителей от инженерно-технического персонала дороги, часть которых одновременно являлась членами местных отделений левых политических партий и кадетов. Так, в забастовочный комитет от харбинской организации РСДРП был избран инженер польского происхождения Ф. А. Оссендовский (впоследствии известный авантюрист и писатель), пафосно объявивший себя «президентом революционного правительства российского Дальнего Востока», а также правитель дел Управления дороги В. П. Лепешинский, его заместитель А. П. Козловский [1, 166-167; 8, 125-126; 13; 16, 337-338, 341].

Однако эта первая крупная забастовка на КВЖД имела особый характер, т.к. воинские перевозки, по мнению стачкома, не должны были останавливаться в отличие от всех остальных. Чрез печать Комитет призывал: «1. К выделению контингента служащих и рабочих, могущих прекратить немедленно работу, из общего состава рабочих и служащих; 2. К определению тех коммерческих функций дороги, которые подлежат приостановке без ущерба для воинского движения и жизни армии в Маньчжурии» [8, 101]. Обосновано это решение было надеждой Комитета на то, что деморализованные и испытавшие антиправительственную пропаганду войска, возвращавшиеся из Маньчжурии, встанут на сторону революции в России. Кроме того, многие солдаты враждебно относились к перспективе застывать здесь на всю зиму и рвались домой. Нельзя было не учитывать также настроение китайской части агентов (рабочих и служащих) дороги, которых не интересовала политическая борьба среди русских и которые не желали испытывать на себе последствия забастовки вплоть до организации контрзабастовки, грозившей действительно парализовать работу КВЖД и снабжение армии. Таким образом, полностью выполнить призывы забастовочного комитета оказалось невозможным [3, 370, 373; 8, 101-102].

С самого начала работы в стачечном комитете произошёл раскол на «служащую» (или «буржуазную») и «рабочую» группы, вступившие в острый конфликт по вопросам тактики и задач забастовки. Представители рабочих (в основном большевики и им сочувствующие) настаивали на переходе КВЖД в полное управление Комитетом и демократизации воинских перевозок, т.е. отправки солдат и офицеров в общих вагонах без учёта званий и рангов. Консенсуса добиться не удалось, и Комитет раздробился фактически на два самостоятельных органа, действовавших автономно. В «рабочий» стачком вошли главным образом представители РСДРП и ориентировавшиеся на них члены профсоюза транспортников: Иванов, Панасенко, Куклярский, Кузьмин, Кузнецов, Лукашевич, Оборин, Солонов и др. Размежевание стало вносить сумятицу не только в деятельность Комитета, но и в работу дороги [8, 152-153; 16, 342-343]. Исходя из сложившейся тупиковой ситуации, 29 ноября стачечный комитет рабочих и служащих КВЖД принял решение о нецелесообразности дальнейшего проведения забастовки. В постановлении Комитета по этому поводу говорилось: «1. Объявленную с 24 ноября частичную забастовку прекратить с 2 декабря; 2. Довести до сведения Центрального бюро союза [железнодорожного – С. Я.] и заявить, что впредь до эвакуации войск из Маньчжурии солидарность служащих и рабочих Китайской дороги с частично забастовавшими товарищами русских дорог может выразиться лишь в материальной поддержке товарищем и в безусловном присоединении к требованиям русского народа о созыве Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Что же касается общей забастовки, то принимая во внимание, что КВЖД должна не только перевозить, но и питать армию, стачечный комитет постановил к ней отнюдь не примыкать, т.к. в противном случае армия могла бы быть обречена на голод и последствия задержки её эвакуации грозили бы невероятными бедствиями и ужасами» [8, 102]. По решению стачкома рабочие мастерских приступили к ремонту

и обслуживанию подвижного состава повышенными темпами, давая возможность пропускать по дороге до 16 поездов в сутки [8, 154].

По окончании стачки на КВЖД профсоюзное движение ощущало на себе усиливающийся прессинг со стороны администрации дороги и военных властей. Начальник тыла императорских войск в Маньчжурии генерал И. П. Надаров 2 декабря на митинге офицеров харбинского гарнизона прямо объявил Центральное бюро железнодорожного союза и руководимых им забастовщиков врагами русской армии и в случае их неповиновения обещал лично возглавить репрессии против железнодорожников и членов их семей [8, 103]. Окончательно Комитет самораспустился и перестал существовать 6 декабря. Первая забастовка на КВЖД закончилась бескровно, не причинив особого вреда дороге [1, 167]. Параллельно железнодорожной стачке в полосе отчуждения проходила забастовка (как часть Всероссийской) телеграфных, телефонных и почтовых служащих. Стажкомом, заседавшим круглые сутки, руководили социал-демократы и эсеры; им выпускался отчётный бюллетень и листовки [8, 106; 16, 338-339].

Несмотря на угрозы расправ, с подачи социалистов 18 декабря 1905 г. смог открыться первый делегатский съезд профсоюза железнодорожников, но, по сути, он носил характер съезда рабочих и служащих от большинства союзов полосы отчуждения КВЖД. Съезд проходил полулегально на базе Главных механических мастерских в Харбине под охраной рабочей дружины и собрал более 50 делегатов от 8 тыс. трудящихся. Главными вопросами, обсуждавшимися на съезде, стали: организация скорейшей переброски охваченных революционной пропагандой войск в Россию; недопущение противостояния солдат и рабочих на дороге; подготовка к возможному вооружённому захвату власти в зоне КВЖД. С этой целью съезд провозгласил создание по линии дороги специальных стачечных комитетов под эгидой левых партий [3, 372-375; 9, 1-3]. В случае вероятной перспективы усиления революционной борьбы они должны были играть роль советов рабочих депутатов, а на данное время имели особую специфику. По воспоминаниям большевика М. К. Ветошкина, «стачечными» эти комитеты именовались «условно, так как, по существу, никакой стачки комитеты не осуществляли в обычном смысле прекращения работ и движения поездов на железных дорогах. Наоборот, в отношении движения поездов назначение комитетов заключалось в том, чтобы максимально усилить его для вывоза войск. <...> Таким образом, в задачу стачечных комитетов не входило осуществление рабочей стачки в обычном смысле этого слова: перед ними поставлена была цель политического порядка – захват власти и усиленная перевозка революционных солдат вооружёнными эшелонами в Россию на помощь революции» [3, 376].

Одновременно на съезде решались вопросы по упорядочению и приведению к единообразию структуры профсоюза транспортников, был выработан и принят устав союза. При подведении итогов съезд избрал правление союза из пяти членов, в большинстве социал-демократов по партийной принадлежности: Иванова (председатель, он же один из руководителей харбинского комитета РСДРП), А. С. Кузьмина, А. И. Панасенко, Оборина, Шабашева. Правление сразу же выпустило и обнародовало ряд воззваний революционного характера к рабочим и солдатам. Эпизентром профсоюзной деятельности стали всё те же Главные механические мастерские КВЖД [8, 155-156].

Среди основных задач профсоюзов полосы отчуждения на революционном этапе, можно также выделить расширение протестных настроений среди солдат и посильное привлечение к союзной жизни китайских рабочих. К союзу транспортников наиболее близки были солдаты железнодорожных батальонов. Часть их ввиду дефицита на Дальнем Востоке квалифицированного пролетариата проходила службу в качестве рабочих в механических мастерских КВЖД и тесно общалась с мастеровыми. Через членов профсоюзов левые партии вели революционную пропаганду среди военнослужащих и достигли на этом поприще определённых результатов. Крупных солдатских восстаний, как, например, во Владивостокском гарнизоне, в Харбине и на линии дороги не произошло, но волнения и случаи неповиновения командирам здесь наблюдались до 1907 г. [4; 8, 2-3, 17-18; 16, 339, 532]. Эти факты также стали причиной преследований профсоюзов администрацией управляющего дорогой генерала Д. Л. Хорвата. С китайцами дело обстояло сложнее, т.к. они, во-первых, имели собственные интересы, а во-вторых, цинская администрация запрещала

членство в производственных союзах под угрозой наказания. С целью оградить своих подданных от влияния русской революции китайские власти практиковали периодический перевод крупных партий своих рабочих с КВЖД на другие железные дороги во внутренних районах Китая [18, 94].

После разгрома декабрьского вооружённого восстания 1905 г. в Москве русская администрация в Северной Маньчжурии перешла к более активным действиям по ограничению распространения революционного и профсоюзного движения. В конце декабря открытая работа многих союзов была практически свёрнута и маскировалась под организацию библиотек-читален, проведение загородных пикников-митингов на 100 и более человек и т. п. [8, 23, 25]. Окончательным поводом для властей по ликвидации профсоюзной активности стала организованная 9 января 1906 г. акция в ознаменование годовщины «кровавого воскресенья». Рабочие Главных механических мастерских провели в одном из цехов митинг, а затем колоннами двинулись по улицам Харбина. Манифестацию охраняли несколько десятков членов боевых дружин, вооружённых пистолетами. Однако в центр города шествие не допустили перегородившие дорогу войска и полиция. Обстановка стала накаляться, и после переговоров представителей демонстрантов с офицерами во избежание кровопролития колонны трудающихся были вынуждены вернуться на территорию мастерских [8, 156–157].

Итогом очередного обострения ситуации явился приказ управляющего дорогой Д. Л. Хорваты о запрете профсоюзов. Следующим шагом администрации стало увольнение 16 января более 200 рабочих КВЖД, пытавшихся внедрить на практике 8-часовой трудовой день. Тогда же для осуществления силовой поддержки в наведении порядка на линию дороги прибыли специальные военные отряды генералов П. К. Ренненкампфа и Н. И. Иванова. Начались обыски квартир и аресты партийных и профсоюзных активистов, разоружение боевых рабочих дружин. Из-за репрессий комитет РСДРП был фактически разгромлен и на некоторое время перестал функционировать [1, 167; 3, 379–380; 8, 14; 16, 348–349]. Правление железнодорожного профсоюза КВЖД также подверглось преследованиям. В харбинской прессе появилось объявление о том, что за указание местонахождения или задержание пятерых членов правления союза будет выдано огромное по тем временам вознаграждение – 5 тыс. р. В ночь с 15 на 16 января двое из них (Оборин и Шабашев) были арестованы. Иванову удалось скрыться и пробраться в Читу [8, 156, 158].

Постепенно первая волна протестной активности в полосе отчуждения КВЖД спала, что позволило военному ведомству арестовать 17 февраля 1906 г. и предать суду 21 организатора недавно прошедшей железнодорожной забастовки, среди которых были Лепешинский, Козловский, Оссендовский, Оборин, Шабашев (социал-демократы), инженер Новаковский (кадет), Ровенский (эсер) и др. Часть из них была оправдана, часть приговорена к различным тюремным срокам заключения от 3 недель до 3–4 лет. Всего же к суду в Харбине были привлечены свыше ста участников революционных событий [7, 68; 8, 8, 14; 16, 348–349].

Оправившись от первых неудач, уже в начале 1906 г. был воссоздан единый комитет харбинской организации РСДРП, усиленный присланными из России партийцами. После вступления в силу императорского Указа от 4 марта 1906 г. о порядке организации обществ и союзов в Харбине и на линии дороги снова открыли свою работу свыше десятка профсоюзов: печатников, торговово-промышленных служащих, портных и белошвейек, официантов, парикмахеров, часовщиков, рабочих по металлу и др. В ст. 6 отдела I Указа строго воспрещались любые общества, «угрожающие общественному спокойствию и безопасности», а также преследующие политические цели. Касательно железных дорог эти требования закреплялись специальной статьёй Указа (I отд. ст. 10). Утверждение уставов союзов, право приостановления их действия и закрытия в случае нарушения законодательства возлагались на главноначальствующих дорог (I отд. ст. 9, 11, 12) [14]. Сложилась интересная ситуация: власти, с одной стороны, не торопились регистрировать уставы союзов, но и не препятствовали их деятельности во избежание обострения политической обстановки в Харбине. Под непосредственным влиянием и руководством социал-демократов находилось до девяти союзов, в том числе и железнодорожные. Союз мастеровых и рабочих главных мастерских КВЖД вновь организовали и возглавили рабочие Алексеев, Вавренюк и П. П. Камаев, но в том же 1906 г. под угрозой

арестов, прозвучавших от Д. Л. Хорвата и начальника службы тяги дороги инженера Кричевского, он опять перешёл на нелегальное положение [1, 167; 8, 8-9, 22, 107-108].

В 1907 г. под руководством партийных групп РСДРП и эсеров 9 января прошли митинги в железнодорожных мастерских в ознаменование второй годовщины трагических событий в Санкт-Петербурге. Наиболее масштабное мероприятие было организовано профсоюзами по празднованию дня 1 мая в окрестностях Харбина. Для массового шествия по Крестовскому острову у левого берега реки Сунгари были изготовлены три красных знамени с надписями: «Вечная память борцам за свободу», «8-часовой рабочий день», «Да здравствует Учредительное Собрание!». Организация безопасности манифестации была поручена специально созданной рабочей боевой дружине, вооружённой револьверами во главе с И. С. Микаладзе. На левом берегу Сунгари многочисленный митинг (более 5 тыс. человек) состоялся, но при попытке перенести его в городской сад Харбина он был разогнан кавалеристами пограничной стражи КВЖД с использованием холостых выстрелов из оружия. Не менее массовое шествие (до 10 тыс. человек, включая китайских рабочих механических мастерских) в честь 1 мая было организовано профсоюзами и в 1908 г. там же, на левом берегу Сунгари (эта территория являлась пограничной для полосы отчуждения, что юридически затрудняло действия полиции по силовому пресечению таких акций) [1, 167; 2, 123-124; 8, 8, 107-108, 126-127; 18, 94].

В ноябре 1907 г. для более продуктивной работы профсоюзов в изменившихся условиях по инициативе РСДРП была создана первая подпольная конференция делегатов (30 человек) от всех профессиональных объединений и библиотек Харбина и КВЖД, заседавшая 4 дня. На конференции было преобразовано созданное нелегально ещё в начале года Центральное бюро Союза союзов, взявшее курс на улучшение экономических условий труда. Был открыт общий профсоюзный клуб, где работали различные кружки и читались бесплатные лекции на 300 – 500 слушателей. Печатным органом Бюро стала газета «Новая жизнь». В конце 1907 г. ЦБ, возглавляемое на тот момент большевиком Б. З. Шумяцким (псевдоним И. Силин, впоследствии крупный советский партийный деятель), перешло на легальное положение и начало работу явочным порядком [1, 167; 8, 108; 18, 92]. При этом, согласно ст. 10 отдела I и ст. 6 отдела II императорского Указа, объединение двух или нескольких профессиональных обществ в единый союз воспрещалось под страхом уголовного наказания (отд. III) [14].

Несмотря на то что в середине 1907 г. революция в России закончилась, профсоюзная работа на КВЖД продолжалась ещё несколько лет. В течение последнего революционного года профсоюзы провели ряд стачек. Под руководством социал-демократов Браварского и Субботника успешную забастовку провели соответственно портные и аптекарские служащие. Четырежды удачно бастовали типографские рабочие. Около 2 недель длилась забастовка крупного союза официантов (в Харбине имелось большое количество ресторанов и кафешантанов). Главным требованием стала отмена работы «на чаевых» с оплатой 15 % от дохода предприятия. Требования были частично удовлетворены, а из безработных официантов – членов союза образована артель, просуществовавшая до 1915 г. В знак солидарности с попавшими под суд некоторыми бывшими депутатами II Государственной Думы харбинские железнодорожные рабочие 24 ноября провели однодневную забастовку. В начале 1908 г. для регулирования условий труда служащих торгово-промышленных предприятий были созданы смешанные комиссии в составе 5 представителей от городского совета, 5 от предпринимателей и 5 от служащих. На стороне торгово-промышленных служащих в комиссиях активно выступали члены президиума ЦБ Союза союзов (от РСДРП – В. Львов). Многие напряжённые вопросы труда служащих представителям профсоюзов удалось урегулировать [8, 109].

Поражение революции и последовавшие за этим полицейские репрессии в России вызвали наплыв в Харбин скрывавшихся от преследований революционеров или бежавших из ссылок и каторги политзаключённых, среди которых было немало активистов левых партий, в том числе и их боевых организаций. Это напрямую коснулось изменения ситуации с профдвижением в полосе отчуждения КВЖД, т.к. прибывшие революционные боевики пытались радикализировать проф-

союзы, теснее привязав последние к своим партиям, в том числе посредством терактов. К примеру, 27 марта 1908 г. от имени безработных рабочих в Харбине переплётчиком Абламским был застрелен начальник службы пути дороги Левенсон. Летом того же года после продолжительной забастовки рабочих и служащих фирмы «Зингер и К°» в её представительский офис анархистами была брошена бомба. В итоге начавшихся следственных разбирательств клуб ЦБ Союза союзов был закрыт, а среди членов партий и профсоюзов с этого момента начались постоянные аресты или высылки за пределы Маньчжурии. Впрочем, теракты в Харбине не прекратились [8, 111, 127–129; 16, 350–353].

Развернувшаяся ответная реакция властей на подобные эксцессы завершилась тем, что в 1908 – 1909 гг. официальная профсоюзная работа стала постепенно дистанцироваться от политических требований. Многие группы левых партий или самораспускались, или переходили на легальные формы руководства в ещё остававшихся профсоюзах. В основном в производственных союзах развивалась клубная работа под пристальным вниманием полиции и жандармерии: организация и проведение семейных вечеров, спектаклей, танцев, библиотечного дела (без политической литературы), касс взаимопомощи [8, 129–130]. Вместе с тем Центральное бюро союзов всё больше переходило на конспиративное существование, т.к. поле законной деятельности профсоюзов стремительно сужалось. Самый крупный на КВЖД железнодорожный союз тоже перешёл на подпольное положение, а его работой, судя по жандармским и полицейским донесениям 1909 г., как и ранее, руководили в основном члены местной РСДРП. Продолжались нелегальные митинги и собрания, празднования 1 мая, чтение запрещённой литературы. В Харбине тайно издавался и распространялся социал-демократический и профсоюзный печатный орган – газета «Маньчжурский рабочий» [6, 42–45]. С 1909 г. одним из видных беспартийных общественных деятелей, влившихся в рабочее движение, стал перебравшийся на КВЖД Н. И. Горчаковский, проявивший себя на этом поприще позднее ещё раз, в годы следующей революции [8, 137].

Последняя массовая активность рабочих КВЖД, направляемая нелегальными партийными группами и железнодорожными профсоюзными активистами, наблюдалась в ходе забастовки в конце 1910 – начале 1911 гг., но носила она уже антикитайскую направленность. В эти годы в Харбине и его окрестностях свирепствовала эпидемия чумы, эпицентром которой являлись китайские кварталы города. Около двух третей рабочих КВЖД тогда составляли китайские подданные, с которыми русские профсоюзы почти не поддерживали на тот момент никакой связи. Вовлечение китайских рабочих в союзную жизнь шло крайне ограниченно, т.к. членство в профсоюзах сулило им жёсткие репрессии со стороны собственных властей. В разгар чумы рабочие Главных механических мастерских в петиции потребовали от руководства отстранить на время эпидемии от работы всех китайских трудящихся и заменить их россиянами, опасаясь распространения болезни. Кроме того, численное превосходство китайцев на дороге, хотя они в большинстве своём выполняли неквалифицированную работу и получали за труд вдвое меньше, создавало ощущимую конкуренцию, что не устраивало русских агентов. Получив отказ, рабочие мастерских объявили о стачке, руководство которой взяли на себя социал-демократы из их же числа – З. М. Яшин (секретарь, т.е. глава большевистской группы РСДРП), Антипов и Поселецкий. Характерно, что китайские рабочие сначала присоединились к забастовке, т.к. им сообщили о борьбе за общие интересы, скрыв параграф требований о недопущении их к работе. Когда же администрация дороги через переводчиков на третий день объяснила китайским агентам смысл истинных требований, они сразу же вышли на работу. Таким образом, несмотря на интернациональные идеологические посыпи социал-демократов, ранние профсоюзы в зоне КВЖД демонстрировали исключительно национальную окраску, отношение к китайским рабочим на бытовом уровне оставалось пренебрежительным и к борьбе за права трудящихся они почти не привлекались, что сказалось на отсутствии взаимного доверия в дальнейшем. Забастовка оказалась сорванной, и русские рабочие вынуждены были окончить протест [8, 146; 10, 20–21; 11, 89; 18, 94].

К началу 1913 г. организованная деятельность политических групп социал-демократов, эсэров и анархистов в зоне КВЖД была свёрнута из-за полицейских репрессий, а последний легально действовавший здесь профсоюз печатников закрыт российской администрацией в марте 1912 г. [1,

167-168; 8, 142-143]. Рабочее движение в Северной Маньчжурии затихло и в организационном формате до начала новой революции 1917 г. отсутствовало. Оставшиеся в полосе отчуждения дороги немногочисленные члены левых партий и профсоюзные функционеры перешли на подпольное положение и действовали мелкими разрозненными группами или индивидуально. Транспортные рабочие и служащие, считавшие себя причастными к членству в нелегальном железнодорожном профсоюзе, вели точечную работу среди трудящихся посредством персональных агитационных бесед или распространения изредка просачивавшейся в регион запрещённой литературы. Впрочем, из переписки высших чинов российских жандармско-полицейских структур в 1912 г. видно, что на КВЖД они давно имели определённый штат осведомителей и секретных сотрудников, внедрённых в рабочую среду, позволявший достаточно эффективно пресекать функционирование профсоюзных активистов и растущие революционные настроения среди трудящихся. Несмотря на существенный рост уровня уголовной, а не политической преступности, подобную агентуру правоохранителям предписывалось численно увеличить [5, 187]. О большом количестве провокаторов и провалов в союзной работе вспоминали и сами участники тех событий. В частности, В. К. Илюшин вспоминал об агенте охранного отделения, известного ему под вымышленной фамилией «Гончаров», долгое время (до 1912 г.) состоявшем в руководящем харбинском партийно-профсоюзном звене. О его работе на жандармское управление стало известно только в 1917 г. «Таких «Гончаровых» в Харбине пребывало очень много», – констатировал Илюшин [10, 17].

С началом Первой мировой войны в полосе отчуждения КВЖД было введено военное положение, а в сентябре 1914 г. вся полнота административной, военной и судебной власти, в том числе над гражданским населением, передавалась управляющему дорогой генералу Хорвату [16, 583]. В новых, более жёстких условиях военного времени деятельность остатков профсоюзного движения была совершенно парализована и локализовалась только внутри нескольких крупных предприятий. Как свидетельствовал впоследствии Н. И. Горчаковский, в 1914 г. о былых масштабах проявлений рабочей инициативности 1905 – 1906 гг. ему и его соратникам приходилось только мечтать, от неё почти ничего не осталось, «...если не считать нескольких рабочих, буквально – единиц, оставшихся работать в харбинских Главных механических мастерских дороги, членов главным образом эсеровской и эсдековской (меньшевистской) партий, – еле-еле поддерживавших скорее память, воспоминания о рабочем движении и, безусловно, не распространявших своего влияния вне мастерских, а тем более на периферию полосы отчуждения КВЖД» [12, 47].

Таким образом, вспыхнувшая в России Первая революция дала толчок к началу организационных форм рабочего движения в полосе отчуждения КВЖД – профессиональных союзов. В охватываемом хронологическом периоде можно выделить два этапа их существования:

1. революционный, продлившийся с осени 1905 г. по первую половину 1908 г., когда профсоюзы были наиболее активны и действовали, несмотря на трения с властями, смело и относительно открыто;

2. нелегальный, со второй половины 1908 г. до сентября 1914 г., характеризуемый гонениями на союзы, их постепенным закрытием и уходом в подполье.

С самого момента оформления производственных объединений многие из них, и в первую очередь железнодорожный, находились под влиянием левых партий, особенно РСДРП, чьи представители входили в руководящий состав профсоюзов. Революционная идеология левых партий повлияла на род деятельности союзов, которые, кроме блока экономических требований, имели ещё и негласную политическую окраску своего функционирования. Усиление администрацией КВЖД жандармско-полицейского режима в полосе отчуждения дороги после завершения революции привело к закрытию или переходу многих союзов на нелегальное положение и разгрому левых партийных организаций. В 1912 – 1914 гг. профсоюзная жизнь в Харбине и на линии КВЖД заметно стихла, а с началом Первой мировой войны совсем практически исчезла. Повторное рождение российских профессиональных союзов в Северной Маньчжурии произойдёт уже в 1917 г. и опять на волне революционных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аварин, В. Я. Харбин революционный / В. Я. Аварин // Новый мир. – 1929. – № 11. – С. 165-171.
2. Андреев, Г. И. 1905 год на КВЖД / Г. И. Андреев // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. – 1976. – № 6. – С. 122-125.
3. Ветошкин, М. К. Подготовка вооружённого восстания в 1905 г. на Дальнем Востоке / М. К. Ветошкин // Первый штурм самодержавия, 1905 – 1907 годы. – М.: Политиздат, 1989. – С. 368-380.
4. Восстание на КВЖД. 1907 г. [Электронный ресурс] / Русский Харбин (из фондов Государственного центрального музея современной истории России). – Режим доступа: https://forum.vgd.ru/614/62512/290.htm?a=stdforum_view (дата обращения: 26.09.2021).
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 4. Д. 2855.
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-44. Оп. 1. Д. 46.
7. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 48.
8. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 59.
9. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 60.
10. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 99.
11. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 397.
12. ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 550.
13. Егорчев, И. «Второй Конрад» Антон Оссендовский и его авантюрные похождения на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] / ТАСС. Дальний Восток. – Режим доступа: <https://dv.land/spec/ossendovsky> (дата обращения: 18.04.2021).
14. Именной высочайший Указ Правительствующему Сенату от 4 марта 1906 г. О временных правилах об обществах и союзах [Электронный ресурс] / История профсоюзов. – Режим доступа: <http://istprof.ru/1906.html> (дата обращения: 18.09.2021).
15. История профсоюза работников образования [Электронный ресурс] / Общероссийский профсоюз образования. – Режим доступа: <https://www.eseur.ru/history/> (дата обращения: 18.09.2021).
16. Нилус, Е. Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги 1896 – 1923 гг. Т. 1 / Е. Х. Нилус. – Харбин: Типографии Кит. Вост. жел. дор. и Т-ва «Озо», 1923. – 690 с.
17. Петрунина, Ж. В. Экономическое измерение социокультурного наследия русского Харбина начала XX в.: опыт, который следует изучать / Ж. В. Петрунина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № IV-2 (44). – С. 27-31.
18. Хейфец, А. Н. Революционные связи народов России и Китая в начале XX века / А. Н. Хейфец // Вопросы истории. – 1956. – № 12. – С. 91-100.

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Кириченко Л. П., Мотырева А. С.
L. P. Kirichenko, A. S. Motyрева

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИИ

ECONOMIC EFFICIENCY OF THE LABOR ORGANIZATION SYSTEM AT THE ENTERPRISE

Кириченко Любовь Павловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(914)177-91-72. E-mail: lubashka1980_307@mail.ru.

Lyubov P. Kirichenko – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(914)177-91-72. E-mail: lubashka1980_307@mail.ru.

Мотырева Анна Сергеевна – студент Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(962)288-54-66. E-mail: motyrev82@mail.ru.

Anna S. Motyрева – Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(962)288-54-66. E-mail: motyrev82@mail.ru.

Аннотация. Научная статья посвящена проведению исследовательского анализа и особенностям проведения оценки экономической эффективности системы организации труда на предприятии при управлении рабочим персоналом. Актуальность научного исследования на выбранную проблематику обусловлена тем, что организация труда обеспечивает необходимый уровень мотивации и стимулирования сотрудников к трудовой деятельности. Однако из-за неэффективного использования финансовых ресурсов и фонда заработной платы формируется необходимость оценки эффективности системы организации труда. При этом важно отметить, что финансовые возможности работодателей российской экономики ограничены, из-за чего иногда им стоит проводить оптимизацию своих расходов, включая те, которые используются при управлении рабочим персоналом. В рамках статьи рассмотрены теоретические аспекты понятия «системы организации труда», перечислены основные принципы, при помощи соблюдения которых возможно достижение эффективной организации труда персонала на предприятии. Описываются алгоритм и механизмы проведения оценки эффективности системы организации труда персонала, которые применяются в отечественной практике. Проанализированы особенности и способы проведения оценки эффективности затрат труда персонала на предприятии. В заключение статьи установлено, что экономическая эффективность системы организации труда на предприятии напрямую влияет на основной показатель эффективности использования человеческого капитала – уровень производительности труда.

Summary. the scientific article is devoted to the research analysis of the economic efficiency assessment of the labor organization system at the enterprise in the management of working personnel. The relevance of scientific research on the selected problem is due to the fact that the organization of labor provides the necessary level of motivation and incentives for employees to work. However, due to the ineffectiveness of the use of financial resources and the wage fund, it is necessary to assess the effectiveness of the labor organization system. At the same time, it is important to note that the financial capabilities of employers in the Russian economy are limited, that is why sometimes they should optimize their costs, including those that are used in managing workforce. Within the framework of the article, the theoretical aspects of the concept of «labor organization system» are considered. The basic principles are listed that help achieve an effective organization of personnel labor at the enterprise. The authors describe the algorithm and mechanisms for assessing the effectiveness of the labor organization system, which are used in domestic experience. The features and methods of assessing the effectiveness of costs for the system of organization of personnel labor at the enterprise are analyzed. In the conclusion of the article, the authors found that the economic efficiency of the labor organization system at the enterprise directly affects the main indicator of the efficiency of using human capital – the level of labor productivity.

Ключевые слова: экономическая эффективность труда; организация труда; управление персоналом; трудовые ресурсы; система организации труда.

Key words: economic efficiency of labor; labor organization; personnel management; labor resources; labor organization system.

УДК 330

Ключевой проблемой управления рабочим персоналом на современных предприятиях национальной экономики Российской Федерации является формирование системы мотивации и стимулирования труда. Задачей формирования системы организации труда на предприятии выступает стимулирование труда, вовлечённости персонала, за счёт чего повышается производительность труда и, как следствие, эффективность коммерческой деятельности организации.

При организации трудового процесса на предприятии главным элементом мотивационной модели при управлении рабочим персоналом выступает организация труда. Это один из факторов, который позволяет руководству коммерческой организации увеличивать степень вовлечённости и мотивации сотрудников к активной и эффективной трудовой деятельности. От данных вопросов зависит то, насколько сотрудники будут заинтересованы в рабочем процессе, будет ли у них желание не только выполнять задачи, но и перевыполнять их, какая степень их заинтересованности будет в стратегическом развитии и достижении финансового успеха в коммерческом деле предприятия, где они работают.

Актуальность научного исследования на тему «экономическая эффективность системы организации труда на предприятии» обусловлена тем, что организация труда обеспечивает необходимый уровень мотивации и стимулирования сотрудников к трудовой деятельности. Однако из-за неэффективности использования финансовых ресурсов и фонда заработной платы формируется необходимость в оценке эффективности системы организации труда. При этом важно отметить, что финансовые возможности работодателей российской экономики ограничены, из-за чего иногда им стоит проводить оптимизацию своих расходов, включая те расходы, которые используются при управлении рабочим персоналом.

По этой причине целью научной работы выступает проведение исследовательского анализа особенностей оценки экономической эффективности системы организации труда на предприятии при управлении рабочим персоналом.

Главным направлением стратегического развития бизнеса любой компании является эффективное использование человеческих ресурсов. Обусловлено это тем, что эффективность труда напрямую влияет на ряд важнейших финансово-экономических показателей. Наличие данной взаимосвязи формирует высокую степень актуальности и практической важности формирования эффективной системы организации труда в организациях. Причиной является гипотеза о том, что экономическая эффективность системы организации труда на предприятии влияет не только на производительность труда его персонала, но и на такие конечные финансовые результаты, как выручка и прибыль.

Организацию труда персонала следует рассматривать как систему рационального взаимодействия работников предприятия со средствами производства и между собой, которая основана на определённом порядке построения и последовательном осуществлении трудового процесса.

С целью формирования эффективной системы организации труда на предприятии необходимо соблюдение следующих принципов [1]:

- организация комфорта и условий рабочего места для сотрудников должна формировать у них мотивацию и вовлечённость в трудовой процесс;

- организация комфорта и условий рабочего места для сотрудников должна формировать у них мнение о том, что текущий выбор работодателя – это лучшее решение по развитию своей трудовой карьеры на современном рынке труда;

- организация рабочего места для сотрудников должна исключать какие-либо лишние передвижения и процессы, влияющие на эффективность операционного цикла производства на предприятии;

- организация труда сотрудника должна соответствовать его профессиональной квалификации и трудовой специализации;

- организация комфорта и условий рабочего места для сотрудников должна мотивировать у них желание развиваться и формировать свои новые профессиональные навыки.

Эффективная организация труда на рабочих местах предприятия направлена на решение следующих взаимосвязанных задач [2]:

1. экономических, где индикатором является эффективное использование человеческого капитала;

2. социальных, где индикатором является удовлетворение личных потребностей сотрудников организации;

3. психофизиологических, где индикатором является сохранение здоровья и безопасности сотрудников в процессе производственной деятельности.

Организация труда персонала на предприятии формируется из следующих элементов, изображённых на рис. 1.

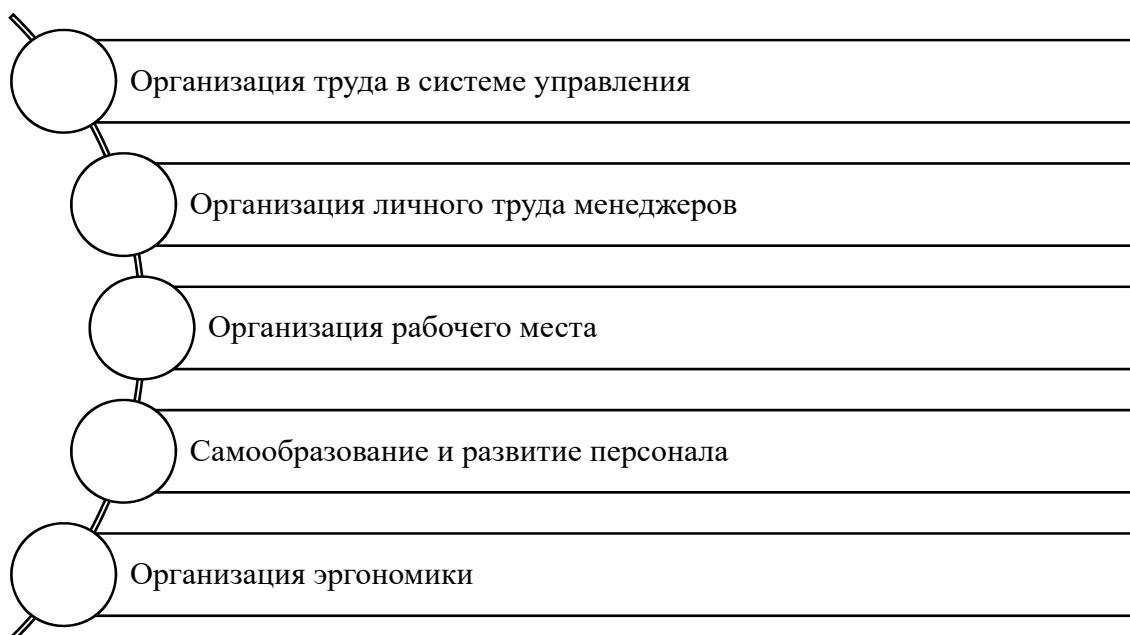

Рис. 1. Элементы системы организации труда на предприятии

На сегодняшний день необходимостью решения задачи по повышению эффективности труда российских предприятий выступает текущая динамика производительности труда, которая с 2014 по 2020 гг. продемонстрировала скромный рост с 25,6 долларов до 27 долларов (см. рис. 2).

Несмотря на рост производительности за рассмотренный период 2005-2020 гг., он всё же не соответствует стратегическим ожиданиям Правительства РФ в вопросах социально-экономического развития государства. Это сигнализирует об актуальности разработки и принятия решений по совершенствованию системы организации труда рабочего персонала. Однако с целью решения данной задачи необходима проверка оценки эффективности затрат предприятия на расходы по привлечению и оплате трудовых ресурсов. Важно оценить текущую целесообразность финансовых затрат на материальное стимулирование персонала, ведь именно от данной категории зачастую зависят и показатели производительности труда организации.

Финансовые расходы предприятия, осуществляемые при управлении персоналом, напрямую связаны с эффективностью коммерческой деятельности организации. Это обусловлено тем, что финансовые расходы на организацию и оплату труда сотрудников выступают частью внутренней системы менеджмента.

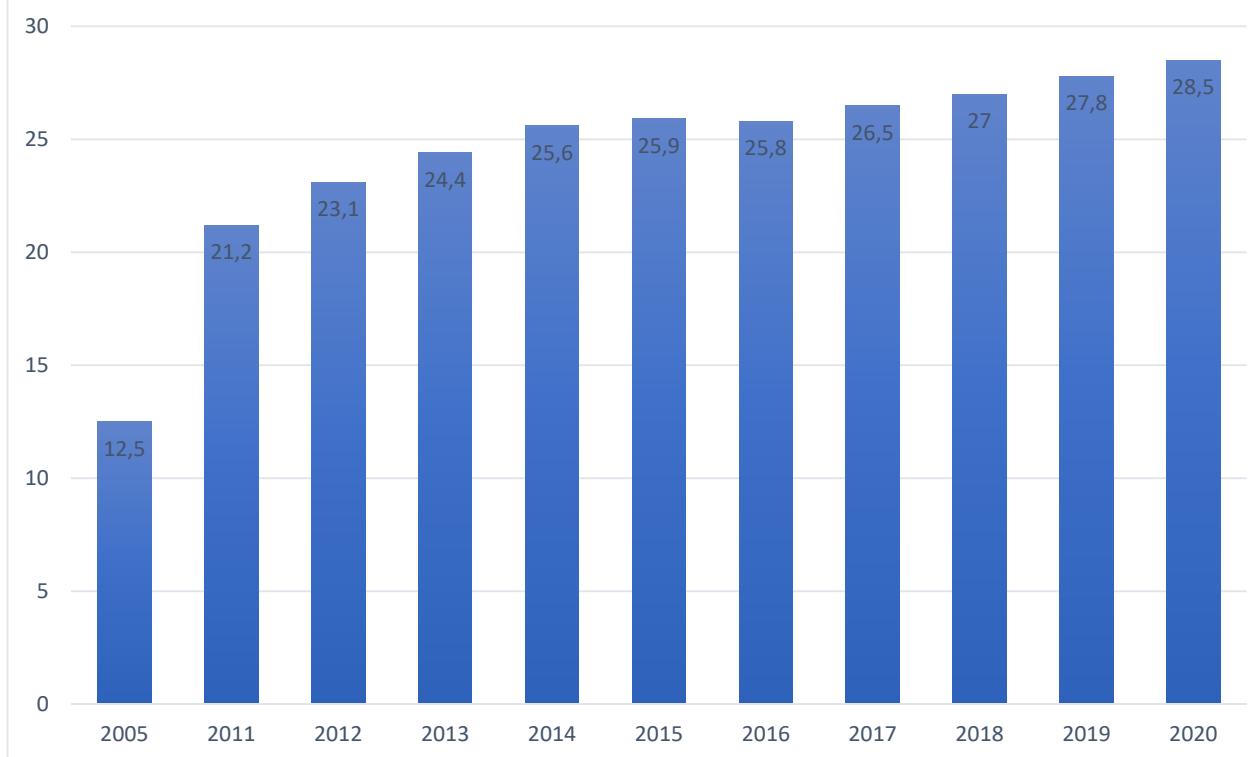

Рис. 2. Динамика уровня производительности труда предприятий в экономике России [3]

Как правило, большинство учёных и экономистов рассматривают оценку эффективности как трансформационный процесс по преобразованию ресурсов в продукты. Таким образом, при оценке эффективности затрат на трудовые расходы стоит оценивать трансформацию финансовых расходов (организации труда и заработной платы) в результат (производительность труда).

Благодаря процедуре оценки эффективности затрат на систему организации труда руководство предприятия способно решить следующие актуальные задачи, среди которых:

- анализ соотношения динамики изменения размера заработной платы и уровня производительности труда;
- определение наиболее экономически эффективных способов оплаты труда на предприятии;
- анализ структуры численности персонала и определение наиболее оптимального количества сотрудников, которое необходимо предприятию для достижения максимального экономического эффекта и финансового результата;
- анализ структуры финансовых расходов предприятия не только на материальную систему мотивации, но и на все остальные косвенные затраты, которые касаются процессов управления человеческими ресурсами.

С. И. Григашкина в рамках своей научной работы писала, что главным показателем оценки эффективности затрат на систему организации труда персонала предприятия выступает зарплатаотдача [4]. Её формула

$$\text{Зарплатаотдача} = \frac{\text{Величина производимого продукта}}{\text{Фонд оплаты труда}}.$$

Помимо показателя зарплатаотдачи, в российской практике может применяться такой критерий эффективности расходов на систему организации труда, как коэффициент затрат на оплату труда в размере величины производимого продукта. Формула данного показателя является обратным выражением коэффициента зарплатаотдачи, т.е. фонд оплаты труда разделяется на величину производимого продукта [4].

Для того чтобы оценка эффективности системы организации труда на предприятии была максимально качественной, необходимо соблюдение следующих правил:

- оценка эффективности затрат должна иметь количественное выражение результата и включать в себя анализ всех факторов, которые так или иначе влияют на саму эффективность системы организации труда на предприятии;
- оценка эффективности системы организации труда на предприятии должна включать в себя как экономические, так и социальные показатели;
- оценка показателей экономической и социальной эффективности расходов предприятия на организацию труда должна проводиться на основе официальных данных из финансовой отчётности предприятия (данный пункт может быть сомнительным для ряда российских коммерческих организаций, при деятельности которых используются «зарплаты в конвертах»);
- показатели оценки экономической и социальной эффективности затрат на систему организации труда должны включать в себя такие измерения, которые можно было бы сравнить с другими предприятиями;
- оценка эффективности затрат на систему организации труда персонала должна включать в себя динамику производственного процесса и изменения размера фонда заработной платы на предприятии.

А. А. Файзуллина в рамках своей научной работы считает, что при оценке эффективности системы организации труда предприятия необходимо использовать критерий индекса эффективности [5], который включает в себя следующие показатели:

- обеспеченность необходимыми ресурсами;
- оценка уровня производительности труда;
- соотношения выполнения объёмов производства;
- рациональное использование ресурсов.

И. В. Бардина и З. В. Кек-Манджиева отмечают, что оценка эффективности затрат на систему организации труда на предприятии должна включать в себя следующие группы показателей [6]:

- показатели анализа использования фонда оплаты труда персонала организации;
- показатели анализа эффективности использования трудовых ресурсов организации;
- показатели анализа экономической эффективности заработной платы рабочего персонала.

При этом важно учитывать следующие задачи проведения оценки эффективности затрат на организацию труда персонала:

- определение наиболее эффективной и целесообразной формы оплаты труда персонала;
- определение наиболее оптимальной численности рабочего состава предприятия;
- определение всех видов финансовых расходов предприятия на привлечение и использование человеческих ресурсов (поскольку не обязательно затраты на оплату труда касаются материальных форм вознаграждения);
- определение влияния размера оплаты труда персонала на производительность труда;
- определение резервов повышения эффективности использования человеческих ресурсов организаций;
- осуществление контроля над использованием средств на оплату труда работников и правильностью их отнесения на затраты организации.

Н. В. Климова в своей научной работе выделяет следующий список экономических показателей целесообразности расходов фонда заработной платы, которые используются для проведения оценки эффективности системы организации труда на предприятии [7]:

- доля заработной платы персонала в общих затратах организации;
- доля заработной платы персонала в выручке организации;
- прибыль предприятия, получаемая на 1 рубль фонда оплаты труда;
- чистая прибыль предприятия, получаемая на 1 рубль фонда оплаты труда;
- размер доплат и премий, которые проводятся на 1 рубль чистой прибыли организации;
- размер отчислений из фонда оплаты труда на 1 рубль выручки предприятия;
- размер отчислений из фонда оплаты труда на 1 рубль расходов на оплату труда.

Также Н. В. Климова выделила следующий список факторов, которые имеют наибольшее влияние на оценку эффективности затрат предприятия на организацию труда своего персонала [7]:

- численность рабочего штата;
- размер фонда рабочего времени;
- уровень производительности труда персонала;
- уровень часовой оплаты труда;
- размер трудоёмкости производства;
- объём производства продукции предприятия;
- профессиональная квалификация сотрудников;
- рабочий стаж и опыт сотрудников;
- условия системы мотивации и стимулирования труда;
- условия организации труда и рабочего места.

По мнению А. А. Колесниченко, важнейшим аспектом проведения оценки эффективности затрат на систему организации труда предприятия выступает применение формулы, где идёт анализ влияния всех факторов. Ниже изображена данная формула оценки эффективности затрат предприятий на систему организации труда персонала в виде многофакторной модели [8]:

$$\frac{\text{ВП}}{\text{ФОТ}} = \text{ЧВ} \times \text{ПД} \times \text{Д} \times \left(\frac{\text{УР}}{\text{ГЗП}} \right),$$

где ВП – общий объём выпуска продукции предприятия в текущих ценах; ФОТ – общий размер фонда оплаты труда персонала предприятия; ЧВ – среднечасовая выработка продукции; ПД – средняя продолжительность рабочего дня сотрудников; УР – удельный вес рабочих в общей численности персонала предприятия; ГЗП – средний размер годовой заработной платы одного рабочего.

По мнению Ю. Ю. Сусловой, при оценке эффективности системы организации труда на предприятии с точки зрения работника необходимо анализировать удовлетворённость размером заработной платы, удовлетворённость прочими выплатами материального стимулирования труда, удовлетворённость рабочим местом и технологическим оснащением производственной деятельности. Это также один из важнейших аспектов, которые позволяют провести объективную оценку эффективности затрат предприятия на систему организации труда.

Причиной этого является то, что главная задача организации труда сотрудников – это поддержание достойного уровня мотивации и стимула к трудовой деятельности. Измеряется данный критерий через оценку со стороны самих работников, которые должны быть удовлетворены своими условиями труда. В таком случае они вовлечены в трудовой процесс и готовы работать, достигая стратегические цели развития бизнеса компании-работодателя. Однако если уровень удовлетворённости условиями труда и рабочего места будет недостаточным, то и производительность труда будет низкой. В такой ситуации эффективность использования человеческих ресурсов будет невысокой и приведёт к финансовым убыткам производственной деятельности предприятия.

Оценка эффективности системы организации труда на предприятии позволяет дать полезную информацию относительно квалификации работников, которая может иметь значение при планировании производственных процессов, их модернизации, поскольку оценка эффективности работы позволяет определить, насколько соответствует профессионально квалификационный состав работников развитию производства.

Таким образом, процедура оценки эффективности системы организации труда на предприятии выступает обязательным элементом работы кадровой службы, от деятельности которой зависят результаты системы управления человеческими ресурсами организации. На сегодняшний день трудовые показатели деятельности персонала становятся важнейшим инструментом в управлении конкурентоспособностью бизнеса. Однако их формирование напрямую связано как с размером оплаты труда, так и с экономической и социальной эффективностью финансовых расходов, проводимых для организации труда и рабочего места каждого сотрудника предприятия.

Подводя итоги работы, можно заключить следующее: экономическая эффективность системы организации труда на предприятии напрямую влияет на основной показатель эффективности использования человеческого капитала – уровень производительности труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, Х. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Дело, 2016. – 546 с.
2. Генкин, Б. М. Основы управления персоналом / Б. М. Генкин. – М.: Инфра, 2016. – 439 с.
3. Эффективность экономики России [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 01.10.2021).
4. Григашкина, С. И. Методика оценки эффективности заработной платы / С. И. Григашкина // Вестник Томского гос. ун-та. – 2009. – № 322. – С. 148-152.
5. Файзуллина, А. А. Методы оценки эффективности оплаты труда на предприятии / А. А. Файзуллина // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 6. – С. 17-26.
6. Бардина, И. В. Показатели оценки эффективности затрат на заработную плату / И. В. Бардина, З. В. Кек-Манджиева // Вестник ГУУ. – 2015. – № 13. – С. 126-131.
7. Климова, Н. В. Анализ эффективности расходов на оплату труда / Н. В. Климова // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 5 (134). – С. 2-7.
8. Колесниченко, А. А. Подходы к оценке эффективности организации оплаты труда на предприятии / А. А. Колесниченко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 11-3. – С. 113-116.
9. Синецкая, А. А. Мотивация труда работников железнодорожного транспорта / А. А. Синецкая, Е. В. Кизиль // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2019. – № I-2 (37). – С. 108-110.
10. Евсеева, К. А. Анализ методов повышения эффективности труда на предприятии / К. А. Евсеева, Н. В. Кудрякова // Молодёжь и наука: Актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы IV Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 12-16 апреля 2021 г., Ч. 4. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2021. – С. 29-32.

Маценко В. В., Кузнецова О. Р.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТХОДОВ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
ПРОИЗВОДСТВА СТАЛИ КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ ЗАТРАТ ПРЕДПРИЯТИЯ

Маценко В. В., Кузнецова О. Р.
V. V. Matsenko, O. R. Kuznetsova

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТХОДОВ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА СТАЛИ КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ ЗАТРАТ ПРЕДПРИЯТИЯ

USE OF WASTE IN THE TECHNOLOGICAL PROCESS STEEL PRODUCTION AS A WAY TO REDUCE ENTERPRISE COSTS

Маценко Вячеслав Викторович – магистрант кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учёт» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: matsenkova@mail.ru.

Viacheslav V. Matsenko – Master's Degree Student, Economy, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin str., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia. E-mail: matsenkova@mail.ru.

Кузнецова Ольга Рудольфовна – доцент кафедры «Экономика, финансы и бухгалтерский учёт», кандидат экономических наук Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. 8(914)427-55-47. E-mail: orkuznetsova@mail.ru.

Olga R. Kuznetsova – Associate Professor, PhD in Economic Sciences, Economy, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 27, Lenin str., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia; tel. +7(914)427-55-47. E-mail: orkuznetsova@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме снижения затрат предприятий чёрной металлургии. Отмечено, что затраты являются важнейшим фактором, влияющим на величину прибыли, а оптимальный уровень затрат обеспечивает эффективное функционирование и конкурентоспособность предприятий на рынке. Рассмотрены особенности технологии производства с неполным metallurgical циклом, обозначены места образования затрат, имеющих наибольший удельный вес в структуре себестоимости продукции. Предложены к использованию на metallurgical предприятии попереходный учёт затрат и технологии вторичной переработки отходов производства. Сделан вывод о том, что предложенные мероприятия существенно снижают затраты предприятия и повышают экономическую эффективность его функционирования.

Summary. The article is devoted to the problem of reducing the costs of ferrous metallurgy enterprises. It is noted that costs are the most important factor affecting the amount of profit, and, therefore, the optimal level of costs ensures the efficient functioning and competitiveness of enterprises in the market. The features of the production technology with an incomplete metallurgical cycle are considered, the places of cost formation are indicated, which have the largest specific weight in the structure of the production cost. The authors propose the use of the line-by-line accounting of costs and technologies for recycling production wastes at a metallurgical enterprise. It is concluded that the proposed measures will significantly reduce the costs of the enterprise and increase the economic efficiency of its functioning.

Ключевые слова: чёрная металлургия, затраты, устойчивость на рынке, экономическая эффективность, переработка отходов.

Key words: ferrous metallurgy, costs, market stability, economic efficiency, waste recycling.

УДК 338.45:669.1

Прибыль – один из основных экономических показателей деятельности любого коммерческого предприятия. Получение прибыли становится возможным только при условии успешного функционирования компании на рынке, продукция которой характеризуется как востребованная потребителем и способная выдержать конкуренцию на рынке аналогичных товаров и услуг. Одним из наиболее важных факторов, влияющих на величину прибыли, являются

затраты на производство и реализацию продукции. Снижение затрат в рамках мероприятий обеспечения финансовой устойчивости и конкурентоспособности продукции требует особого внимания для каждого предприятия, функционирующего на рынке [5].

Проблема снижения затрат на производство продукции и обеспечение эффективного функционирования предприятий, которые работают в ведущих отраслях экономики России, а следовательно, и обеспечивают экономическую безопасность страны, получила особую значимость в современных экономических условиях. Условия эти характеризуются усилением геополитического противостояния в мире, ростом конкуренции как на мировом рынке, так и внутри страны [6; 9].

Функционально решением проблемы снижения затрат на производство продукции предприятия являются определение и анализ ключевых статей затрат и разработка мероприятий по их оптимизации.

Металлургия как часть отрасли тяжёлого машиностроения является энерго- и ресурсоёмким производством, затраты на сырьё и энергоносители занимают наибольшую долю в структуре себестоимости продукции.

Спрос на сталь для предприятий металлургии обеспечивают смежные отрасли промышленности, такие как строительная, транспортная, машиностроительная, нефтегазовая и др. Рынок металлопродукции очень чувствителен к различным изменениям, в том числе и в других отраслях мировой и российской экономики. Поэтому чёрная металлургия в большей степени ощущает на себе рыночную динамику в виде падения спроса на металлопродукцию [1; 10].

Различают два типа предприятий чёрной металлургии: с полным и неполным металлургическим циклом, в отдельных случаях встречаются предприятия только одного металлургического передела, как правило, прокатного. Основным отличием является вид используемого исходного сырья. В первом случае это железно-рудное сырьё, во втором – чугун и сталь в виде металлома.

Необходимо отметить, что в России предприятия с неполным металлургическим циклом находятся в более невыгодных конкурентных условиях перед предприятиями с полным циклом за счёт более высокой стоимости исходного сырья (металлома) и его большей востребованности на зарубежных рынках. На рынке металлопродукции Дальнего Востока присутствует сезонность продаж и большая конкуренция, особенно со стороны Азиатско-Тихоокеанского региона, где в большей степени представлены Китай и Индия [13]. Ситуация на рынке нестабильная и очень динамичная. В этих условиях конкурентными преимуществами для небольших заводов (как правило, это предприятия с неполным металлургическим циклом) являются:

- высокая производительность, позволяющая в кратчайшие сроки обеспечить потребителю требуемый объём товарной продукции;
- мобильность, ориентированная на быструю переналадку оборудования для производства продукции малыми партиями в очень сжатые сроки;
- широкая номенклатурная линейка товаров;
- развитая транспортная логистика;
- низкие издержки на производство продукции в сравнении с конкурентами.

При этом наиболее существенное влияние на рыночную устойчивость оказывает фактор низких производственных затрат на выпуск продукции, что позволяет руководствоваться более гибкой ценовой политикой на рынке. Фактор, который обеспечивает выполнение этого условия, заключается в собственном развитии и совершенствовании производственно-технической базы.

При разработке мероприятий, направленных на снижение затрат металлургического предприятия, необходимо учитывать технологические особенности производства и структуру производственного цикла. Особенности эти связаны с тем, что производимая продукция на различных стадиях производства может рассматриваться как самостоятельная и готовая к реализации на сторону или предназначенная к потреблению внутри предприятия. Каждая производственная стадия представляет собой законченный цикл.

В связи с этим представляется логичным учитывать затраты на каждом таком этапе. Для этих целей наиболее оптимальным является использование попередельного метода учёта затрат [2];

4; 11; 15]. В этом случае возможно и необходимо просчитать все затраты, связанные с производством полуфабрикатов, большая часть из которых представлена затратами на сырьё, топливо и энергию. Так как в большинстве случаев происходит реализация этих полуфабрикатов на сторону, то использование попередельного метода учёта затрат позволит обосновать их отпускную цену.

Как уже было отмечено, технологические процессы получения стали при неполном металлургическом цикле наиболее капиталоёмкие. Это связано с дефицитом исходного сырья и рыночной ценой на него [3]. В этом случае задача снижения затрат на производство продукции является наиболее актуальной.

Для таких предприятий первым технологическим процессом является получения жидкой стали из технологически подготовленного лома чёрных металлов – металлошахты. С помощью специальной технологии лом освобождается от различных примесей и получается сталь. Конечным продуктом передела является заготовка, а отходами – скрап и шлак.

Наибольший удельный вес в структуре затрат (порядка 85 %) занимает статья «заданное в производство» (см. рис. 1). Эта статья включает в себя расходы на металлом и другие элементы металлошахты.

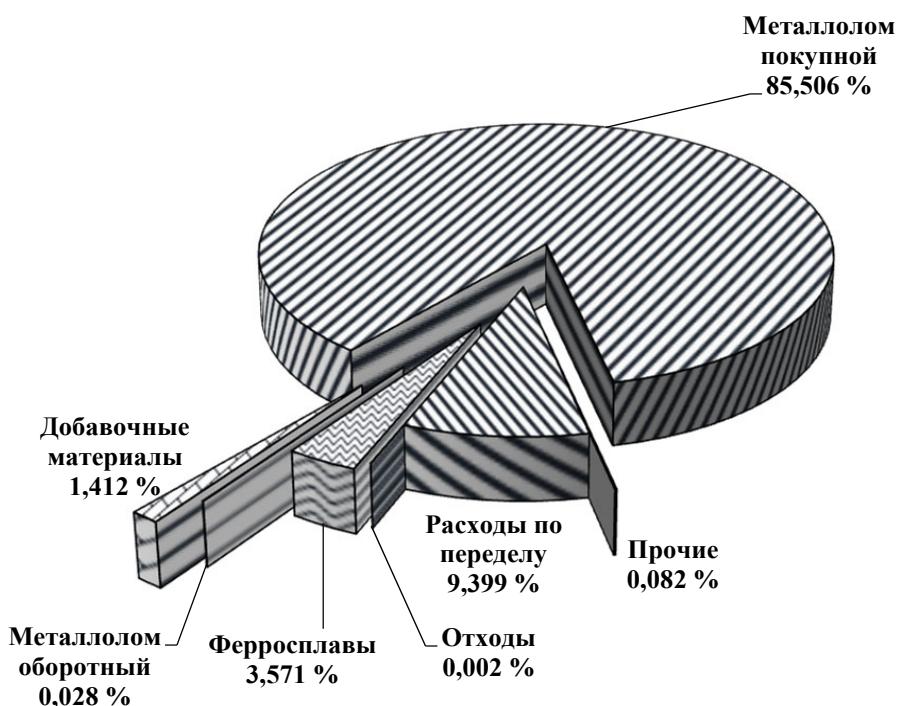

Рис. 1. Структура расходов по первому переделу (выплавка жидкотекущей стали)

Таким образом, снижение затрат по этой статье позволит снизить производственную себестоимость металлопродукции как в текущем переделе, так и на последующих этапах обработки (прокат, волочение). А это в свою очередь позволит увеличить прибыль и обеспечить конкурентоспособность предприятия на металлургическом рынке.

Снизить затраты на производство продукции позволит также вторичная переработка отходов производства, которая не только обеспечит ресурсосбережение, но и повысит экологическую безопасность технологического процесса производства металлургической продукции [14].

Из практики работы металлургических предприятий известно, что сталеплавильный шлак содержит в себе более 25 % общего железа, количество металлического железа, которое можно извлекать и возвращать обратно в производство в составе металлошахты, оценивается в 10 %. Ввиду того что в таких регионах, как Дальний Восток и Сибирь, металлический лом является дефицитным сырьём, переработка шлака с выделением металлической фазы снизит влияние металлотрейдеров на сырьевое обеспечение металлургических предприятий.

Побочным продуктом процесса выплавки жидкой стали является шлак. В силу отсутствия технологии переработки он долгое время просто складировался на открытых площадках или потреблялся в производстве цементных смесей. При этом объём потребления составлял не более 10 %. На металлургических предприятиях с выплавкой стали до 1 000 000 т жидкой стали в год в качестве отходов образуется до 150 000 т шлака. При этом за последние десятилетия накопление шлака на отвалах и площадках предприятий достигает значения в 7 000 000 т и более. Современное развитие научно-технического прогресса располагает технологиями и оборудованием переработки шлака до 700 000 тонн в год и извлечения из него металлопродукта до 7 % в виде металлизированного скрата и образования вторичных продуктов переработки шлака [7; 8; 12] (см. рис. 2).

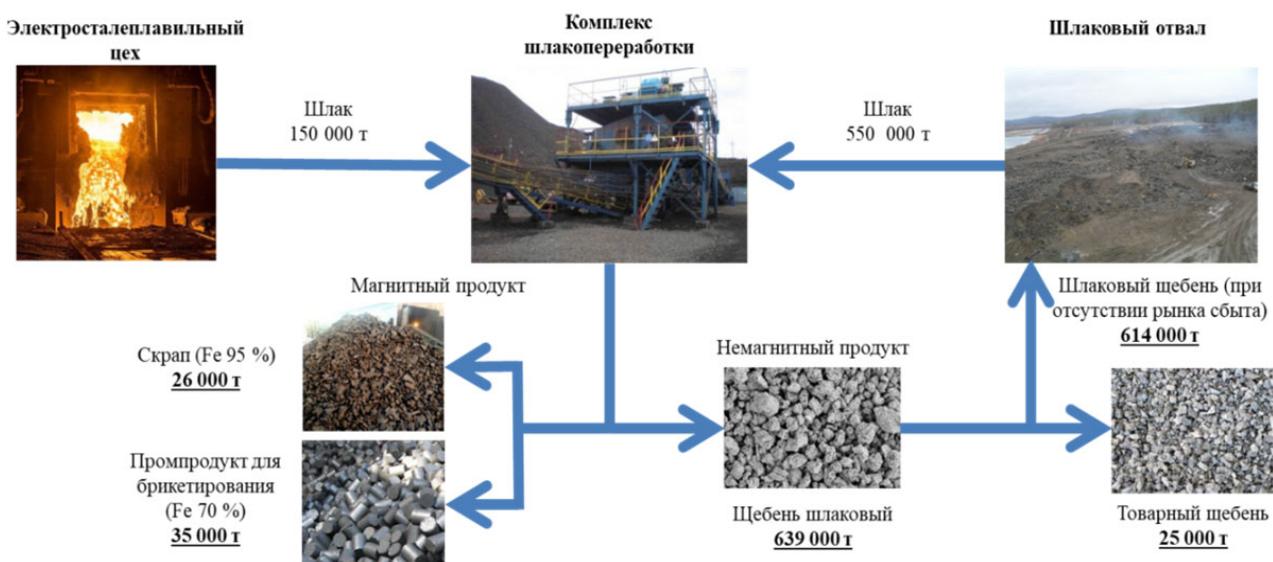

Рис. 2. Схема переработки шлака

Сопутствующими продуктами шлакопереработки являются:

- промпродукт с содержанием Fe 70 % фракцией менее 10 мм, который может быть использован в технологии брикетирования с дополнительными железосодержащими материалами – отходами производства (пыль газоочистки, окалина) и угольной мелочью, что является аналогичным продуктом, альтернативным использованию металлического лома в составе металлошлаков;
- шлаковый щебень различных фракций (0-5 мм, 5-20 мм, 20-50 мм), используемый в строительстве.

Таким образом, имеющиеся сырьевые базы предприятий позволяют осуществлять переработку без поступления шлака извне в течение 11-12 лет.

Расчёты, проведённые авторами, показали, что производственная себестоимость скрата, поставляемого обратно на производство и используемого при выплавке жидкой стали, составит 6852,7 р./т (см. табл. 1).

Таблица 1
Калькуляция себестоимости металлизированного шлака

Статья калькуляции	На единицу продукции, р./т	На объём производства	
		Количество, т	Сумма, тыс. р.
1	2	3	4
Сырьё и основные материалы	19,4	26 000	504,4
Энергоресурсы	774,1	26 000	20 126,6
ФЗП основных рабочих	581,6	26 000	15 121,6
Отчисления на соцстрах	186,1	26 000	4 838,6

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
Амортизация ОПФ	990,1	26 000	25 742,6
РСЭО	871,0	26 000	22 646,0
Цеховые расходы	673,4	26 000	17 508,4
Общезаводские расходы	342,64	26 000	8 908,64
Коммерческие расходы	68,53	26 000	1 781,78
Транспортные услуги	2345,83	26 000	60 991,58
Всего себестоимость	6 852,7	26 000	178 170,2

При выплавке жидкой стали в объёме 1 050 000 т/год (средняя мощность печи) за счёт замещения металлолома в металлошахте будет получена существенная экономия (см. табл. 2).

Таблица 2
Затраты на производство жидкой стали

Показатель	Значение
Объём производства заготовки, т.	1 050 000,00
Расходный коэффициент, т/т	1,10
Объём производства жидкой стали, т	1 155 000,00
Расходный коэффициент (м/лом), т/т	1,0925
Объём металлолома, т	1 057 208,24
Объём метализированного скрапа, т	26 000,00
Стоимость м/лома (средняя цена покупки на Дальнем Востоке), р./т	16 200,00
Объём капитальных затрат (100 % лом), тыс. р.	17 126 773,46
Объём капитальных затрат (лом + скрап), тыс. р.	16 705 573,46
Экономия затрат на приобретение исходного сырья, тыс. р.	421 200,00

Можно сделать вывод, что при производстве расплавов чёрных металлов в объёме 1 000 000 т в год при помощи новой производственной схемы можно сэкономить 421 200 тыс. р.

Если учесть, что данная технология позволяет получать вторичные продукты шлакопереработки, которые могут быть использованы как для внутреннего потребления, так и для реализации на рынке, то затраты предприятия будут снижены на величину реализации указанных полупродуктов.

Таким образом, реализация мероприятий по снижению затрат предприятий чёрной металлургии, в том числе использование новых технологий переработки вторичных ресурсов, позволят существенно снизить затраты и повысить конкурентоспособность предприятия на рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаева, Т. Ю. Организационные факторы и резервы повышения конкурентоспособности предприятия: учебное пособие / Т. Ю. Адаева. – Пенза: Изд-во Пензенского государственного университета, 2017. – 27 с.
2. Атабиева, Е. Л. Особенности учёта затрат на предприятиях чёрной металлургии / Е. Л. Атабиева, И. О. Цвигун // Белгородский экономический вестник. – 2020. – № 1 (97). – С. 103-106.
3. Доможирова, Н. Н. Формирование цен на продукцию металлургических предприятий / Н. Н. Доможирова, А. А. Балашов, Н. Р. Кельчевская. – Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. – 130 с.
4. Заянчуковская, Н. В. Новая продукция и снижение издержек производства – главные элементы инвестиционной деятельности предприятий в современных экономических условиях / Н. В. Заянчуковская, Г. В. Пухова // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – № 7 (53). – С. 24-31.
5. Иванова, А. Д. Сравнение методик анализа финансовых результатов хозяйственной деятельности организаций / А. Д. Иванова, О. Р. Кузнецова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № I-2 (29). – С. 5-20.

6. Костюхин, Ю. Ю. Тенденции развития чёрной металлургии в России / Ю. Ю. Костюхин, Д. Ю. Савон // Экономика промышленности. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 158-166.
7. Прокопьева, А. С. Потенциал инновационного развития предприятий металлургического комплекса в Российской Федерации / А. С. Прокопьева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 6-2. – С. 91-94.
8. Москаленко, А. А. Перспективы развития чёрной металлургии на Дальнем Востоке России / А. А. Москаленко // Молодёжные исследования и инициативы в науке, образовании, культуре, политике: сборник материалов XIV Всероссийской молодёжной научно-практической конференции, Биробиджан, 25-26 апреля 2019 г. – Биробиджан: Издательский центр федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема», 2019. – С. 630-632.
9. Раствинникова, Е. В. Вторичное использование ресурсов в металлургической промышленности в России и Китае / Е. В. Раствинникова // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 7. – С. 81-85.
10. Самарина, В. П. Особенности и закономерности финансово-экономических результатов деятельности крупнейших компаний чёрной металлургии России / В. П. Самарина, О. Ю. Рябчукова // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 4. – С. 99-103.
11. Незавершённое производство: сущность понятия, методы оценки и расчёта остатков / И. А. Слабинская, Е. Л. Атабиева, Д. В. Слабинский, Т. Н. Ковалева // Белгородский экономический вестник. – 2016. – № 1 (81). – С. 102-114.
12. Штанский, В. А. Обеспечение устойчивого инновационного развития предприятий металлургического комплекса / В. А. Штанский // Экономика промышленности. – 2019. – Т. 12. – № 4. – С. 466-472.
13. Щербаков, А. А. Оценка эффективности внедрения Mes-системы на электрометаллургическое предприятие «Амурсталь» / А. А. Щербаков, В. В. Болдырев // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы IV Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 12-16 апреля 2021 г. В 4 ч. Ч. 2. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2021. – С. 261-264.
14. Юрьев, А. Б. Направления инновационного развития чёрной металлургии / А. Б. Юрьев, Л. М. Полторацкий, И. А. Барнаев // Сталь. – 2018. – № 11. – С. 12-19.
15. Ярайкина, А. О. Разработка экономико-математической модели калькулирования себестоимости на предприятиях чёрной металлургии // А. О. Ярайкина, Н. Ю. Чернегов // Modern Science. – 2021. – № 9-2. – С. 64-70.

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КНАГТУ:
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ 2021**

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Димитриади Е. М.

АНАЛИЗ АРХИТЕКТУРНО-КОЛОРИСТИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ ГОРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Евсейчик Д. Е., Петрунина Ж. В.

РАЗВИТИЕ РАДИОВЕЩАНИЯ В КОМСОМОЛЬСКЕ-НА-АМУРЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ГОРОДА

Климова Е. В., Иващенко Я. С.

КУЛЬТУРА ДЕТСТВА: СТРАТЕГИИ ЛОКАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Литвинова Н. В., Сохацкая Д. Г.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МОДУЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ КУЛЬТУРНОГО

ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Макаревская Н. Ю.

РУССКАЯ «ДИАСПОРА» В КИТАЕ И ЕЁ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ЗНАЧИМЫЙ ФАКТОР

В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАНАМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Мищенко И. Е.

КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:

КУЛЬТУРНЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ VS СТРАТЕГИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО РОСТА

Мусалитина Е. А.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «КОМФОРТ» В КОНТЕКСТЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Тимофеева И. Ю.

КОНЦЕПТ «ЦЕНЗУРА» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

(К ПРОБЛЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

Трипольский А. С.

ЧЁРНЫЙ ЦВЕТ В ТРАДИЦИОННОЙ НАНАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Антипова С. С.

МЕТАФОРА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Васильченко А. В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ

В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Галлямова Л. И., Платонова Н. М.

СУЧАНСКИЙ КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ РУДНИК В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ МОДЕЛИ

РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР: ОТ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

К ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Гапоненко Ю. М.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

В СССР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ВЕДОМСТВЕННЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ УЧЕБНЫХ

ЗАВЕДЕНИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)

Карелова Е. В., Федирко О. П.

ВЫСШЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Киреева Н. В.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Костюрина Н. Ю., Докучаев И. И.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:

ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Казымова Л. А., Малышева Н. В.

МУЗЫКАЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Прокофьева В. Ю., Назаров М. А.

МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА ЕЛЬЦА: МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

КУЛЬТУРЫ «ЕЛЕЦКИЙ ГОРОДСКОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

Федирко О. П., Зайцев Р. М.

РОЛЬ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО И КАДРОВОГО

ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СССР

Амгаланова М. В.

АКТУАЛИЗАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ИДЕЙ И ТВОРЧЕСТВА БУРЯТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Галкина Е. Г., Меньшикова В. А.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Логинова Т. В., Федирко О. П.

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ О ВВЕДЕНИИ В ПРОГРАММУ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ШКОЛ КУРСА «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ»

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.

ЗАПАД-ВОСТОК В ТВОРЧЕСТВЕ «ЯПОНСКОГО ФРАНЦУЗА» ЛЕОНАРДА ФУДЗИТЫ

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.

ТРАДИЦИОННОЕ ЯПОНСКОЕ ИСКУССТВО КАЛЛИГРАФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ КАНАДЗАВА СЁКО

Мусалитина Е. А.

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В КИТАЙСКОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ

Сохацкая Д. Г., Меньшикова В. А.

ДИЗАЙН-КОД КАК СПОСОБ ПРОЯВЛЕНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА

Чугунова О. Л.

КАРИКАТУРА КАК ВИД ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Яковлева Т. А., Эмомзода П. Д.

МЕЖДУНАРОДНОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ

Ярославцев А. В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ (1917 – 1925 ГГ.)

Ярославцев А. В., Ярославцева Т. А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ И ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ (1917–1941 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ковальчук М. А., Самсонова Е. М., Ковальчук А. М.

ГРАФИКА Л. Н. ОРЛОВА КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЛИГРАФИИ

Крыжановская Я. С.

МУЗЕЙ И РЕЛИГИЯ: О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.

ЯПОНСКИЙ ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ КЛАССИКИ: ТВОРЧЕСТВО ФУТАРО МИЦУКИ

Мусалитина Е. А.

КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ИНОСТРАННОГО ТРУДОВОГО МИГРАНТА

В ИНТЕРНЕТ-ПРЕССЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Наливайко Т. Е.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

Новиков Д. В.

«ВОРОНКА ПРИЧИННОСТИ» СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ ЛЕТА-ОСЕНИ 2020 ГОДА

Петрунина Ж. В.

КИТАЙСКАЯ ОБЩИНА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУБЫ

Тимофеева И. Ю.

ФЕНОМЕН ПАРТИЦИПАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Савелова Е. В., Горшунова Л. В.

СПЕЦИФИКА И ПОТЕНЦИАЛ ВИРТУАЛЬНОГО ГОРОДСКОГО АРТ-ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. ХАБАРОВСКА)

Сохацкая Д. Г., Михайлова Т. М.

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННУЮ
СРЕДУ РОССИЙСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ)

Шушарина Г. А.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАКАТАХ

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Цыгвинцева В. С.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «НАПИТКИ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Тимчук С. В., Шушарина Г. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СКОПОС-ТЕОРИИ ДЛЯ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА

Шушарина Г. А.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ФОКУСЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПРАВО

Гореликов А. И.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Кузьмина О. А.

ИЗМЕНЕНИЕ УСТАНОВЛЕННОГО СУДОМ РАЗМЕРА АЛИМЕНТОВ, ВЗЫСКИВАЕМЫХ
НА СОДЕРЖАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Валеев Э. Н.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
ИСХОДЯ ИЗ ОПЫТА США И ФРГ

Гореликов А. И.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ТЕРРИТОРИЙ ТРАДИЦИОННОГО
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Гореликов А. И.

СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Кузьмина О. А.

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

ИСТОРИЯ

Абабкова Н. Н., Плавская А. А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПЕНСИОНЕРОВ ПРИ ОТДЕЛЕ СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОННОГО СОВЕТА
НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ Г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ В 1970-Е ГОДЫ

Голощапова Е. В., Шушарина Г. А.

ДОСТИЖЕНИЯ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Стельмашова О. П., Петрунина Ж. В.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ «БОЕВОЕ БРАТСТВО»:
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ КАК МОТИВАЦИЯ В ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТИЗМА

Блинцов Д. А.

«МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СЧИТАЛО, ЧТО НИКАКИЕ ДЕЙСТВИЯ
НЕВОЗМОЖНЫ...»: СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1930-Е ГОДЫ

Вафин М. О., Ярославцева Т. А.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ХИЩЕНИЯМИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СПЕКУЛЯЦИЕЙ В СССР

Петрунина Ж. В., Лапиков Я. В.

АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1950-Х ГГ.
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЁ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ
В РАЗВИТИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОРОДА И УКРЕПЛЕНИИ ОБОРОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Громов Р. А., Петрунина Ж. В.

ЗНАЧЕНИЕ БОЯ У ЦИНЬЧЖОУ ДЛЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГОДОВ

Яхимович С. Ю.

НАЧАЛО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ НА КВЖД: ОТ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1905–1914)

ЭКОНОМИКА

Кизиль Е. В.

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Крючко Е. А., Кузнецова О. Р.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО
РЕЖИМА ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ларченко Ю. Г., Третьяков А. В.

ТЕКУЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ПРЕДПРИЯТИЯ СФЕРЫ ЛЕСОЗАГОТОВКИ И ЛЕСОПЕРЕРАБОТКИ

Ларченко Ю. Г., Шушарина Г. А.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРИНДУСТРИИ

Коротеева Л. И.

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ И МЕТОДЫ ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Бурдакова Г. И., Рассказова А. Н., Бянкин А. С.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В
МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Гусева Ж. И.

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ

ПРОИЗВОДСТВА НА АВИАЦИОННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Зазубрина Л. В., Яковлева Т. А.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ «КОМСОМОЛЬСК»: АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Кизиль Е. В.

ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ ПОДХОД В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Кириченко Л. П., Мотырева А. С.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КОРПОРАЦИИ

Баранов Н. А., Шушарина Г. А.

ТУРИСТИЧЕСКОЕ КАФЕ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ОБЪЕКТ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

Кириченко Л. П., Мотырева А. С.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИИ

Маценко В. В., Кузнецова О. Р.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТХОДОВ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ
ПРОИЗВОДСТВА СТАЛИ КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ ЗАТРАТ ПРЕДПРИЯТИЯ

Содержание

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ковальчук М. А., Самсонова Е. М., Ковальчук А. М.	
ГРАФИКА Л. Н. ОРЛОВА КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЛИГРАФИИ.....	4
Крыжановская Я. С.	
МУЗЕЙ И РЕЛИГИЯ: О НЕКОТОРЫХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	12
Крыжановская Я. С., Крыжановская С. А.	
ЯПОНСКИЙ ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ КЛАССИКИ: ТВОРЧЕСТВО ФУТАРО МИЦУКИ	19
Мусалитина Е. А.	
КУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ИНОСТРАННОГО ТРУДОВОГО МИГРАНТА В ИНТЕРНЕТ-ПРЕССЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ	27
Наливайко Т. Е.	
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ВУЗА.....	34
Новиков Д. В.	
«ВОРОНКА ПРИЧИННОСТИ» СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ ЛЕТА-ОСЕНИ 2020 ГОДА	38
Петрунина Ж. В.	
КИТАЙСКАЯ ОБЩИНА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУБЫ.....	45
Тимофеева И. Ю.	
ФЕНОМЕН ПАРТИЦИПАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	49
Савелова Е. В., Горшунова Л. В.	
СПЕЦИФИКА И ПОТЕНЦИАЛ ВИРТУАЛЬНОГО ГОРОДСКОГО АРТ-ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. ХАБАРОВСКА)	54
Сохацкая Д. Г., Михайлова Т. М.	
ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННУЮ СРЕДУ РОССИЙСКОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ)	60
Шушарина Г. А.	
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАКАТАХ	66

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУСТВОЗНАНИЕ

Шушарина Г. А.	
РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ	73

ПОЛИТОЛОГИЯ И ПРАВО

Гореликов А. И.	
СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	79
Кузьмина О. А.	
РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»	85

ИСТОРИЯ

Абабкова Н. Н., Рыбалова А. В.	
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЁ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОРОДА И УКРЕПЛЕНИИ ОБОРОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАНЫ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	90
Громов Р. А., Петрунина Ж. В.	
ЗНАЧЕНИЕ БОЯ У ЦЗИНЬЧЖОУ ДЛЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГОДОВ	95
Яхимович С. Ю.	
НАЧАЛО ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ НА КВЖД: ОТ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1905-1914).....	102

ЭКОНОМИКА

Кириченко Л. П., Мотырева А. С.	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИИ.....	112
Маценко В. В., Кузнецова О. Р.	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТХОДОВ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПРОИЗВОДСТВА СТАЛИ КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ ЗАТРАТ ПРЕДПРИЯТИЯ	119
УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ КНАГТУ: НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ 2021.....	125

Учёные записки КнАГТУ
2021 № VIII (56)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 24.12.2021
Дата выхода в свет 29.12.2021

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 13,63.
Уч.-изд. л. 17,18.
Тираж 200. Заказ 30466.

Отпечатано в типографии
КнАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27.

